

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2026. Том 18. Выпуск 2

Научный рецензируемый журнал

Основан в 1994 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ (Факультет филологии и коммуникации).

E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС 77-66482 от 14 июля 2016 г.

ISSN 2073-6681

ISSN online 2658-6711

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

PERM UNIVERSITY HERALD. RUSSIAN AND FOREIGN PHILOLOGY

2026. Volume 18. Issue 2

Scholarly peer-reviewed journal

Founded in 1994

Published 4 times a year

Founder: Perm State University

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai (Faculty of Philology and Communication).

E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

ISSN 2073-6681

ISSN online 2658-6711

**Редакционный совет журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»**

Александрова О. В., д. филол. н., проф.,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Березович Е. Л., д. филол. н., проф.,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Буле О., д-р, доц., Университет Лейдена,
Лейден, Нидерланды

Вендина Т. И., д. филол. н., проф.,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Войтак М., д-р, проф., Университет
Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша

Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

Котельников В. А., д. филол. н., проф.,
Институт русской литературы (Пушкинский дом)
РАН, Санкт-Петербург, Россия

Мишланов В. А., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

Мызников С. А., д. филол. н., проф.,
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Подюков И. А., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет, Пермь, Россия

Поссамаи Д., д-р, проф., Падуанский университет,
Падуа, Италия

Рут М. Э., д. филол. н., проф., Уральский федеральный
университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Савкина И., д-р, проф., Университет Тампере, Тампере,
Финляндия

Саксена Р., д-р, проф., Университет Дели, Дели, Индия

Серова Т. С., д. пед. н., проф.,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь, Россия

Ушакова О. М., д. филол. н., доц., Тюмень, Россия

Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц., Университет Пуатье,
Пуатье, Франция

Чернявская В. Е., д. филол. н., проф.,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

**Редакционная коллегия журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»**

Новокрещенных И. А. – главный редактор,
к. филол. н., доц.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Русинова И. И. – заместитель главного редактора,
д. филол. н., доц.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Шутёмова Н. В. – заместитель главного редактора,
д. филол. н., доц., Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург

Абашев В. В., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Абашева М. П., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет, Пермь

Алексеева Л. М., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Арустамова А. А., д. филол. н., доц.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Баженова Е. А., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

Боронникова Н. В., к. филол. н., доц.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Братухин А. Ю., д. филол. н., доц.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Бурдина С. В., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Данилевская Н. В., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Джумайло О. А., д. филол. н., доц.,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Кондаков Б. В., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Кочкарева И. В., к. филол. н., доц.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Кушнина Л. В., д. филол. н., проф.,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь

Мишланова С. Л., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Нестерова Н. М., д. филол. н., проф.,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь

Похаленков О. Е., д. филол. н., доц.,
Калужский государственный университет
имени К. Э. Циолковского, Калуга

Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф.,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

Сидорова О. Г., д. филол. н., проф.,
Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Шляхова С. С., д. филол. н., проф.,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь

Editorial Council
Perm University Herald. Russian and Foreign Philology

Olga V. Aleksandrova, Professor,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich, Professor,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Otto Boele, Associate Professor,
Leiden University, Leiden, Netherlands
Tatyana I. Vendina, Professor,
Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia
Maria Voytak, Professor,
Lublin University, Lublin, Poland
Tamara I. Erofeeva, Professor,
Perm State University, Perm, Russia
Vladimir A. Kotelnikov, Professor,
Institute of Russian Literature of the RAS,
Saint Petersburg, Russia
Valeriy A. Mishlanov, Professor,
Perm State University, Perm, Russia
Sergey A. Myznikov, Professor,
Institute of Linguistic Studies of the RAS,
Saint Petersburg, Russia

Ivan A. Podyukov, Professor,
Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
Perm, Russia
Donatella Possamai, Professor,
University of Padua, Padua, Italy
Mary E. Rut, Professor,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Ranjana Saxena, Professor,
University of Delhi, Delhi, India
Tamara S. Serova, Professor,
Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia
Irina Savkina, Professor,
University of Tampere, Tampere, Finland
Olga M. Ushakova, Associate Professor,
Tyumen, Russia
Anne Faivre Dupaigne, Associate Professor,
University of Poitiers, Poitiers, France
Valeriya Chernyavskaya, Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia

Editorial Board
Perm University Herald. Russian and Foreign Philology

Irina A. Novokreshchennykh – Editor-in-Chief,
Associate Professor, Perm State University, Perm
Irina I. Rusinova – Associate Editor,
Associate Professor, Perm State University, Perm
Natalya V. Shutemova – Associate Editor,
Associate Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg
Vladimir V. Abashev, Professor,
Perm State University, Perm
Marina P. Abasheva, Professor,
Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm
Larissa M. Alekseeva, Professor,
Perm State University, Perm
Anna A. Arustamova, Associate Professor,
Perm State University, Perm
Elena A. Bazhenova, Professor,
Perm State University, Perm
Natalya V. Bogdanova-Beglarian, Professor,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg
Natalya V. Boronnikova, Associate Professor,
Perm State University, Perm
Alexandr Ju. Bratukhin, Associate Professor,
Perm State University, Perm
Svetlana V. Burdina, Professor,
Perm State University, Perm
Natalya V. Danilevskaya, Associate Professor,
Perm State University, Perm

Olga A. Dzhumaylo, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don
Liliya R. Duskaeva, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg
Elena V. Erofeeva, Professor,
Perm State University, Perm
Boris V. Kondakov, Professor,
Perm State University, Perm
Irina V. Kochkareva, Associate Professor,
Perm State University, Perm
Ludmila V. Kushnina, Professor,
Perm National Research Polytechnic University, Perm
Svetlana L. Mishlanova, Professor,
Perm State University, Perm
Natalya M. Nesterova, Professor,
Perm National Research Polytechnic University, Perm
Oleg E. Pohalnikov, Associate Professor,
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski,
Kaluga
Boris M. Proskurnin, Professor,
Perm State University, Perm
Olga G. Sidorova, Professor,
Ural Federal University named after the First President of
Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg
Svetlana S. Shlyakhova, Professor,
Perm National Research Polytechnic University, Perm

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО	7
Балашова А. Ю., Сорокина Э. А. Особенности англоязычных терминов семантического поля «Информационная безопасность».....	7
Данилина Н. И. Жанровая палитра научного творчества М. В. Ломоносова.....	18
Мошкова О. А. Роль экспрессивных средств в реализации стратегии убеждения в современном предвыборном политическом дискурсе Великобритании.....	28
Мызникова Я. В. Мифологическая и магическая лексика в русских говорах Симбирского Поволжья.....	37
Ступина Е. С. Семантически опустошенные слова в риторических кодах к этосу.....	49
Шестакова О. А., Евтушенко О. А., Ионкина Е. Ю. Стереотипы коммуникативного поведения руководителя в эпоху СССР и в эпоху глобализации в кинофильмах.....	56
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	66
Баранова К. М., Шалимова Н. С. Мотив <i>поиска счастья</i> в литературе США.....	66
Белоусова Е. А. Художественный психологизм и концепция личности (теоретико-методологический обзор)	76
Быханова М. А. «Фольклоризм» и «медиатизация фольклора»: сходство и различие понятий.....	85
Гранин Р. С. Рождение авторского «я» Эмиля Чёрана.....	95
Зелезинская Н. С. Триумф глупости и благочестия: трансформация образа матери Мерлина от дочери короля к деревенской дурочке.....	106
Касьянова М. Л. Грани образа графа Эссекса в биографии Дж. Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс».....	117
Кузьмина А. В. Стихотворение Э. По “Dream-Land” в русских переводах.....	127
ЖУРНАЛИСТИКА	136
Дмитриев В. А. Роль электоральной журналистики в избирательной кампании участника специальной военной операции (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 2024).....	136

CONTENTS

<i>LANGUAGE. CULTURE. SOCIETY</i>	7
Balashova A. Yu., Sorokina E. A. Features of English-Language Terms in the Semantic Field “Information Security”	7
Danilina N. I. The “Genre Palette” of Mikhail Lomonosov’s Scientific Works	18
Moshkova O. A. The Role of Expressive Means in the Implementation of Persuasion Strategy in the Modern Pre-Election Political Discourse of Great Britain	28
Myznikova Ya. V. Mythological and Magical Vocabulary in the Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region	37
Stupina E. S. Semantically Empty Words in Rhetorical Codes to Ethos	49
Shestakova O. A., Evtushenko O. A., Ionkina E. Yu. Film Stereotypes of a Leader’s Communicative Behavior in the Soviet Era and in the Era of Globalization	56
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	66
Baranova K. M., Shalimova N. S. The “Search for Happiness” Motif in American Literature	66
Belousova E. A. Artistic Psychologism and the Concept of Personality (theoretical and methodological review)	76
Bykhanova M. A. “Folklorism” and “Mediatization of Folklore”: Similarities and Differences in the Concepts	85
Granin R. S. The Birth of Emil Cioran's Authorial “I”	95
Zelezinskaya N. S. The Triumph of Folly and Piety: The Transformation of the Image of Merlin’s Mother From a King’s Daughter to a Fool	106
Kasyanova M. L. The Multifaceted Image of Essex in the Biography by G. Lytton Strachey “Elizabeth and Essex: A Tragic History”	117
Kuzmina A. V. Edgar Allan Poe's Poem “Dream-Land” as Translated by Russian Poets	127
<i>JOURNALISM</i>	136
Dmitriev V. A. The Role of Electoral Journalism in the Election Campaign of a Special Military Operation Participant (Khanty-Mansi Autonomous Okrug –Yugra, 2024).....	136

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 811.111'276.6:004.056
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-7-17
EDN OOIUQV

<https://elibrary.ru/ooiuqv>

**Особенности англоязычных терминов
семантического поля «Информационная безопасность»**

Балашова Анна Юрьевна

Российский университет транспорта

Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова
a.hatyushina@yandex.ru

Сорокина Эльвира Анатольевна

Российский университет транспорта

Государственный университет просвещения
ellasor@mail.ru

Аннотация. В условиях стремительного развития цифровых технологий и повышения геополитической значимости кибербезопасности возрастает потребность в системном лингвистическом описании специализированной терминологии, а также в обеспечении качества перевода англоязычных терминов в русскоязычное профессиональное поле. В статье проводится анализ структурных моделей, механизмов словообразования и проявлений полисемии в англоязычной терминологии информационной безопасности. Исследование основано на корпусе из 987 терминологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из авторитетных источников (гlossарии Texas State University, NIST, Cybersecurity Handbook, Heimdalsecurity.com и др.). Применены количественный, описательный и аналитический методы. Установлено, что 66,9 % терминов – полилексемные (преимущественно двух- и трехкомпонентные), построенные по моделям N + N и Adj. + Noun. Среди моноксем (33,1 %) доминируют аббревиатуры (28,7 %) и сложные слова (23,8 %). Выявлены тенденции к номинализации и повышению точности за счет увеличения числа компонентов. Подтверждено наличие полисемии – радиальной (*bug*) и цепочечной (*key*), а также активное использование метафорического (*sandbox*, *honeypot*, *kill chain*) и метонимического (*bot*, *zero-day*) переноса, что опровергает традиционный тезис о моносемии термина. Терминология информационной безопасности представляет собой динамично развивающуюся систему, характеризующуюся высокой продуктивностью словообразовательных моделей и семантической пластичностью. Результаты могут быть использованы при преподавании английского языка для специальных целей (ESP), в переводоведении и при разработке терминографических баз данных.

Ключевые слова: информационная безопасность; терминология; лексико-семантические особенности; структура терминов; полисемия; словообразование; аббревиация; метафорический перенос.

Для цитирования

Балашова А. Ю., Сорокина Э. А. Особенности англоязычных терминов семантического поля «Информационная безопасность» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 7–17. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-7-17. EDN OOIUQV

Features of English-Language Terms in the Semantic Field “Information Security”

Anna Yu. Balashova

Russian University of Transport

Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

a.hatyushina@yandex.ru

Elvira A. Sorokina

Russian University of Transport

The State University of Education

ellazor@mail.ru

Abstract. In the context of rapid digital transformation and the growing geopolitical significance of cybersecurity, there is an increasing demand for a systematic linguistic description of specialized terminology, as well as for ensuring the quality of translation of English-language terms into the Russian professional domain. This study aims to identify and analyze structural patterns, word-formation mechanisms, and manifestations of polysemy in English information security terminology. The research is based on a comprehensive corpus of 987 terminological units collected via continuous sampling from authoritative sources, including the Texas State University’s Information Security Glossary, NIST Cybersecurity Framework, Greece’s Cybersecurity Handbook, and Heimdalsecurity.com. Quantitative, descriptive, and analytical methods were employed to examine the lexical and semantic features of the selected terms. The findings reveal that 66.9 % of the terms are polylexemic, predominantly two- and three-component constructions following N + N and Adj. + Noun models, which reflects a tendency toward increased terminological precision through multi-component structures. Among monolexemic terms (33.1 %), abbreviations (28.7 %) and compounds (23.8 %) prevail, demonstrating high productivity of abbreviation and compounding processes. The analysis confirms the presence of polysemy in both radial (e.g., bug) and chain (e.g., key) forms. Furthermore, metaphorical transfer (sandbox, honeypot, kill chain) and metonymy (bot, zero-day) are widely used, challenging the traditional assumption of terminological monosemy. Information security terminology represents a dynamic, evolving system characterized by high productivity in word formation and semantic flexibility. The results of this study can be applied in teaching English for Specific Purposes (ESP), translation studies, and the development of terminographic databases, contributing to improved cross-linguistic communication in the field of cybersecurity.

Keywords: information security; terminology; lexical and semantic features; term structure; polysemy; word formation; abbreviation; metaphorical transfer.

For citation

Balashova A. Yu., Sorokina E. A. Features of English-Language Terms in the Semantic Field “Information Security”. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 7–17. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-7-17. EDN OOIUV (In Russ.)

Введение

Известно, что специальная лексика является важнейшим компонентом научно-технического дискурса, обеспечивая точность, однозначность и эффективность коммуникации в профессиональной среде. В условиях стремительного развития цифровых технологий и усиления геополитических вызовов в сфере киберпространства терминология информационной безопасности (*information security*) приобретает всё большее значение как объект лингвистического исследования.

Понятие «информационная безопасность» традиционно трактуется как защита информации от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, нарушения целостности или отказа в обслуживании. В Российской Федерации концепция информационной безопасности закреплена в Доктрине 2024 г. как защита национальных интересов в информационной сфере [Доктрина информационной безопасности... 2024]. По мнению Г. Г. Феоктистова, она предполагает возможность получения сведений о действиях конкурентов при минимальной утечке

собственной информации [Феокистов 1996: 211]. В то же время А. Д. Урсул определяет ее как состояние защищенности ключевых сфер жизнедеятельности от вредоносных информационных воздействий [Урсул 2006: 7]. Развитие вычислительной техники, особенно в военной и коммерческой сферах, потребовало создания новых механизмов защиты данных. Как заметили исследователи, если в 1940-х гг. шифровальная машина «Энигма» стала символом криптографии, то с 1980-х гг. рост числа персональных компьютеров и сетей привел к эскалации киберугроз – от кибершпионажа до кибертерроризма [Кураков Л. П., Кураков В. Л. 2024: 607].

Будучи синонимом термину «информационная безопасность», термин «кибербезопасность» (*cybersecurity*) вошел в широкое употребление в конце XX в. [Филонов 2022: 131]. Интересным фактом является то, что корень *cyber-*, восходящий к греческому *kybernetes* («кормчий»), был использован Норбертом Винером в 1948 г. для создания названия новой науки – *кибернетики*. За очень короткое время данный корень стал функционировать в качестве префиксоида во многих терминах: *cyberspace* (1982), *cyberpunk* (1986). К 1994 г. в английском языке уже насчитывалось более 100 слов с этим префиксом [Online Etymology Dictionary].

Следует заметить, что термины «кибербезопасность» и «информационная безопасность» характеризуются одновременно и семантической близостью, что делает их синонимами, и наличием отличительных семантических смыслов, что отделяет их друг от друга. Решение вопроса о предпочтительности одного из терминов (в русском языке «кибербезопасность» или «информационная безопасность», в английском языке – *cybersecurity* или *information security*) зависит от контекста: научного, нормативно-правового, технического или повседневного употребления.

Считаем, что термин *Information Security (InfoSec)* обозначает более широкое понятие, охватывающее все аспекты защиты информации, независимо от ее формы: бумажные документы; устная информация; данные на цифровых носителях, что согласуется со стандартом ISO/IEC 27000: *Preservation of confidentiality, integrity and availability of information* (Сохранение конфиденциальности, целостности и доступности информации) [Macak 2020]. *Cybersecurity* – подмножество *InfoSec*, относится исключительно к защите цифровой информации, передаваемой или хранящейся в компьютерных системах и сетях. По определению NIST (National Institute of Standards and Technology): *The ability to protect or defend the use of cyberspace from cyberattacks* (Способность защищать или обеспечивать защиту использования киберпространства от кибератак)

[Global Knowledge. Skillsoft 2025]. Следовательно, термин *Information Security* может считаться центром (ядром, ядерным термином) лексико-семантического поля «информационная безопасность» (родовым термином, гиперонимом), а термин *Cybersecurity* функционирует в названном поле в качестве гипонима.

Объектом нашего исследования является формирующаяся терминосистема «информационная безопасность» (*Information Security*) в английском языке.

Предметом анализа послужили лексико-семантические и формально-структурные особенности терминов, включая процессы морфологического и неморфологического словообразования, а также типы семантической многозначности.

Цель работы – выявление и анализ структурных моделей, механизмов словообразования и проявлений полисемии в англоязычной терминологии информационной безопасности.

Заметим, что в современной лингвистике (в частности, в переводоведении и терминоведении) наблюдается повышенный интерес к терминологиям новых наук, к появлению и закреплению новых терминов (в том числе заимствованных), остро ощущается потребность в системном анализе семантического объема и валентностных свойств англоязычных терминов. Как отмечают Л. Я. Долгоновская [Долгоновская 2023] и М. Р. Миронова [Миронова 2021], терминосистемы динамично развивающихся областей демонстрируют уникальные словообразовательные и семантические паттерны, требующие детального описания.

Этим и определяется степень **актуальности** проводимого исследования, поскольку анализ терминов кибербезопасности обусловлен необходимостью лингвистического осмысления процессов формирования и функционирования терминологической системы информационной безопасности.

В качестве рабочего инструмента использованы такие методы, как сплошная выборка (сбор всех терминов, соответствующих тематике, из заранее определенных источников), количественный анализ (подсчет частотности структурных типов и способов образования), описательный метод (характеристика словообразовательных моделей и семантических трансформаций), аналитический метод (интерпретация данных с опорой на теорию терминоведения и лексической семантики).

Новизна исследования состоит в применении комплексного подхода к анализу терминологии кибербезопасности: языковым материалом послужили 987 английских слов, функционирую-

щих в сфере информационной безопасности в английской лингвокультуре; впервые проведен анализ структуры лексем и дана количественная оценка соотношения моноклексмных и полилексмных единиц; впервые предпринята попытка систематизирования словообразовательных моделей терминов-неологизмов; при использовании этимологических словарей (OED, Etymonline) и корпусных данных впервые осуществлен анализ семантических отношений английских терминов, относящихся к молодой английской терминологии «информационная безопасность», являющейся еще не вполне сформировавшейся.

Считаем, что некоторые наблюдения и результаты анализа могут рассматриваться как определенный вклад в дополнение и расширение имеющихся в современном терминоведении знаний о молодых развивающихся терминологиях, чем может быть определена **теоретическая значимость** проведенного исследования.

Практическая значимость заключается в том, что теоретические материалы и результаты анализа языкового материала могут быть востребованы в вузовской деятельности (особенно в технических вузах) для создания учебных материалов по английскому языку для специальных целей (ESP), а также в усовершенствовании описаний заимствованных из английского языка терминов в современной русской терминологии.

Методология исследования

Языковым материалом для исследования послужили терминологические единицы, отобранные из следующих источников:

– Texas State University Information Security Glossary – официальный глоссарий университета, содержащий стандартизированные определения [Information Security Glossary: Texas State University];

– Cybersecurity Handbook (Ministry of Digital Governance, Greece, 2021) – национальное руководство по защите информационных систем [Ministry of Digital Governance, Hellenic Republic. Cybersecurity Handbook];

– Heimdalsecurity.com – аналитические материалы по киберугрозам и защите [Heimdalsecurity. Unified Cybersecurity];

– Globalknowledge.com – образовательные ресурсы по IT-безопасности [Global Knowledge. Skillsoft];

– NIST Cybersecurity Framework – стандарты США по управлению киберрисками [NIST Cybersecurity Framework].

Поскольку терминология *Information Security (InfoSec)* в настоящее время стремительно развивается, считаем важным подчеркнуть временные рамки, когда производился отбор: все термины, относящиеся к сфере информационной безопасности, фиксировались в течение трех месяцев (март–май 2025 г.). В результате отбора получено 987 терминологических единиц.

Для проверки адекватности перевода и эквивалентов использовались источники:

– Парошин А. А. Информационная безопасность: стандартизированные термины и понятия [Парошин 2010];

– Пройдаков Е. М., Теплицкий Ю. А. Англо-русский толковый словарь по информационной безопасности [Пройдаков, Теплицкий 2022];

– roskiber.ru – платформа Роскибербезопасности [Роскибербезопасность].

Анализ структуры терминов

На начальном этапе исследований новых терминологий традиционно проводится анализ структуры терминов. Весь массив (987 лексем) собранного языкового материала был расклассифицирован на моноклексмные (327 моноклексмных, что составляет 33,1 % от общего количества) и полилексмные (660 полилексмных терминов, что составляет 66,9 % от общего количества).

Анализ 327 моноклексмных терминов информационной безопасности выявил доминирующие способы словообразования. Результаты представлены в табл. 1.

При анализе словообразовательных процессов, участвовавших в создании терминов *Information Security (InfoSec)*, и полученных количественных показателей можно сделать вывод о том, что преобладают процессы сокращения языковых средств и процессы сложения: более половины всех терминов (172 из 327 моноклексмных единиц) составляют аббревиатуры и сложные слова-термины, что может свидетельствовать в пользу стремления к краткости и экспрессивности создаваемого термина. Анализ моноклексмных терминов показал, что основными способами словообразования являются морфологические, включая суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, основосложение, аббревиацию и конверсию.

Таблица 1 / Table 1

Морфологические способы словообразования
Morphological means of word formation

Способ словообразования	Примеры терминов	Перевод/толкование	Общее количество
Аббревиация	VPN (Virtual Private Network); AES (Advanced Encryption Standard); TLS (Transport Layer Security); IoT (Internet of Things); CA (Certificate Authority); EoP (Exchange Online Protection); FDE (Full Disk Encryption); HSM (Hardware Security Module); IPSec (Internet Protocol Security); KMS (Key Management Service)	Виртуальная частная сеть; Стандарт расширенного шифрования; Безопасность на транспортном уровне; Интернет вещей; Удостоверяющий центр; Защита Exchange Online; Полное шифрование диска; Аппаратный модуль безопасности; Протокол безопасности IP; Служба управления ключами	94 (28.7%)
Основосложение	Firewall; Spyware; Malware; Honeypot; Botnet; Sandbox; Phishing; Backdoor; Zero-day; Kill chain	Брандмауэр; Шпионское ПО; Вредоносное ПО; Ловушка для хакеров; Ботнет; Песочница; Фишинг; Бэкдор; Уязвимость «в день ноль», то есть отсутствие информации о сбое в работе программного обеспечения; Цепочка кибератак	78 (23,8 %)
Префиксально-суффиксальный	Cybersecurity; Unpatched; Reauthenticated; Misconfigured; Overwrite; Underprotected	Кибербезопасность; Необновлённый; Повторно аутентифицированный; Неправильно настроенный; Перезапись; Недостаточно защищенный	62 (18,9 %)
Суффиксальный	Phishing; Encryption; Authenticator; Logging; Detection; Monitoring	Фишинг; Шифрование; Устройство аутентификации; Ведение логов; Обнаружение; Мониторинг	48 (14,7 %)
Префиксальный	Cyberspace; Metadata; Overwrite; Subdomain Pre-authentication	Киберпространство; Метаданные; Перезапись; Поддомен; Предварительная аутентификация	35 (10,7 %)
Конверсия	Log (n.) → to log (v.); Spam (n.) → to spam (v.); Patch (n.) → to patch (v.)	Запись → регистрировать; Спам → рассылать спам; Патч → обновлять	10 (3,1 %)

Лексико-семантический и морфолого-синтаксический способы терминообразования проявили себя в создании 70 терминов. Известно, что конверсия представляет собой морфолого-синтаксический способ создания новых лексических единиц путем перехода слова из одной части речи в другую, например, слово *log* может функционировать в качестве имени существительного в значении «регистрация» и в качестве глагола в значении действия («регистрироваться»).

Примером лексико-семантического преобразования слова может служить термин *exploit*,

первоначальным значением которого было «подвиг, деяние», а с развитием информационных технологий данное слово стало употребляться злоумышленниками и приобрело значение «программа или код для совершения нелегитимных действий, связанных с кражей информации».

Полилексемные термины

Из 660 полилексемных терминов наиболее распространены двух- и трехкомпонентные конструкции. Результаты их анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Классификация полилексемных терминов по количеству компонентов, входящих в их состав

Classification of polylexemic terms by the number of components they contain

Количество элементов	Примеры	Общее количество
2	Threat Actor (Лицо или группа, ответственные за кибератаки) Data Breach (Утечка данных) Zero Trust (Модель нулевого доверия) Attack Surface (Поверхность атаки) Shadow IT (Теневого ИТ (теневые информационные технологии))	48,5 %
3	Secure Operating System (Безопасная операционная система) Multi-Factor Authentication (Многофакторная аутентификация) Public Key Infrastructure (Инфраструктура открытых ключей) Real-time Monitoring (Мониторинг в реальном времени) File Integrity Check (Проверка целостности файлов)	35,6 %
4+	Cyber Information Sharing and Collaboration Program (Программа обмена информацией и сотрудничества в области кибербезопасности) Advanced Persistent Threat Actor (Атакующий с продвинутыми постоянными угрозами (продвинутая постоянно действующая угроза)) Encrypted File Transfer Protocol (Протокол зашифрованной передачи файлов)	15,9 %

Доминирующие структурные модели:

Noun + Noun:

– *data breach* – несанкционированный доступ к конфиденциальной информации, приводящий к ее раскрытию или краже;

– *threat actor* – субъект угрозы, лицо или группа (например, хакер, киберпреступная организация, государственный актор), которая инициирует кибератаку;

– *security audit* – аудит безопасности. Систематическая проверка мер защиты информационных систем для оценки их эффективности и соответствия стандартам;

– *identity provider (IdP)* – поставщик удостоверяющих данных / провайдер идентификации. Сервис или система, которая подтверждает личность пользователя при входе в приложения (например, Google, Microsoft в рамках SSO);

– *network access control (Data breach)* – утечка данных;

– *Network access control (NAC)* – контроль сетевого доступа. Технология, позволяющая ограничивать доступ к корпоративной сети на основе политик безопасности, например, типа устройства или статуса его обновлений.

Adjective + Noun:

– *Secure system* – безопасная система. Система, защищенная от несанкционированного доступа, атак и уязвимостей., encrypted data, digital footprint, untrusted source, critical infrastructure;

– *encrypted data* – зашифрованные данные. Данные, преобразованные с помощью криптографических методов для обеспечения конфиденциальности;

– *digital footprint* – цифровой след. Совокупность данных, оставляемых пользователем в ин-

тернете и цифровых системах (история поиска, публикации, метаданные и т. д.);

– *untrusted source* – недоверенный источник. Источник информации, программного обеспечения или подключения, которому система или пользователь не доверяют из соображений безопасности;

– *critical infrastructure* – критическая инфраструктура. Объекты и системы жизненной важности (например, энергетика, связь, здравоохранение), отказ которых может повлечь серьезные последствия для общества и государства [Information Security Glossary 2025].

Исследование полилексемных терминов информационной безопасности подтверждает тенденцию к номинализации – преобразованию синтаксических конструкций в именные группы, характерному для научного стиля.

К вопросу о полисемии в терминологии

Вопрос о полисемии термина является предметом дискуссий среди лингвистов. Ранее одним из наиболее важных признаков терминологической единицы рассматривалась ее моносемия; так, Н. В. Васильева отмечает стремление термина к однозначности [Васильева 2020]. Однако большинство исследователей говорят о полисемии в терминологии как об одном из неотъемлемых признаков современного термина [Польщикова 2022: 2330]. Б. Н. Головин указывает, что невозможно требовать от термина однозначности, поскольку большинство функционирующих терминологий не отвечают требованиям моносемии [Головин 1987].

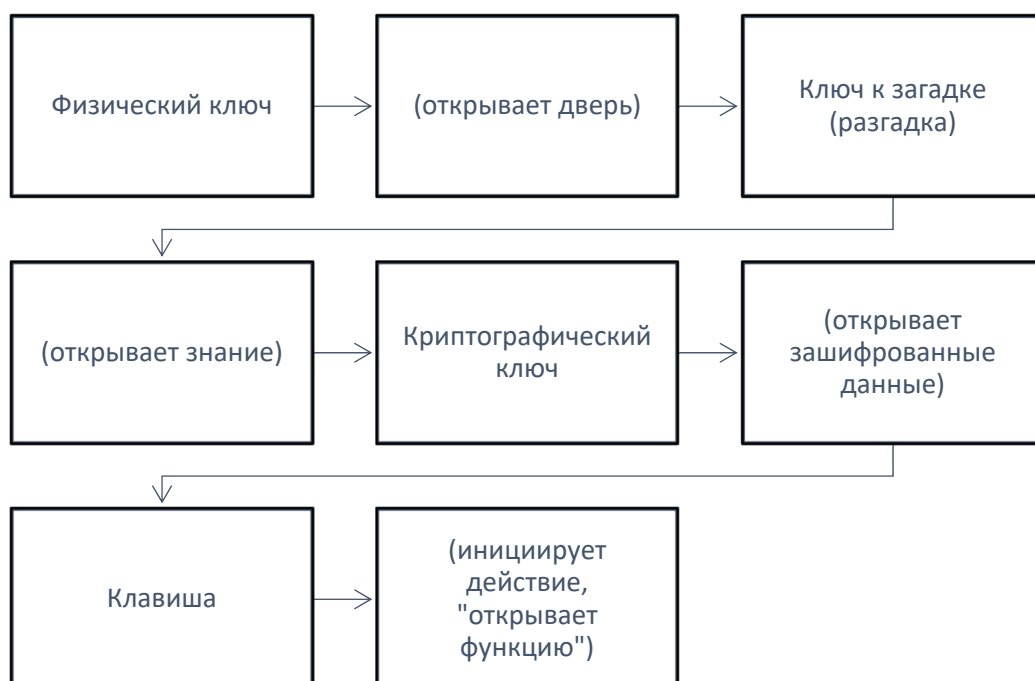
При рассмотрении полисемии в терминологии считаем необходимым отметить, что Ю. Д. Апресян выделяет радиальную (при которой все производные значения берут начало от одного исходного) и цепочечную (когда каждое новое значение формируется на основе предыдущего) разновидности полисемии. Кроме этого, ученый классифицирует еще несколько разновидностей полисемии, базирующихся на способах переноса значения (метонимическая и метафорическая разновидности полисемии) [Апресян 1995: 104].

В качестве иллюстративного примера присутствия *радиальной полисемии* в английской терминологии *Information Security (InfoSec)* рассмотрим особенности семантики термина *bug*. Первое основное значение данной лексики «жук», однако существуют и другие (*микроб, инфекционное заболевание, потайной микрофон и ошибка/сбой в программе*). Термин *bug*:

- жук (биология);
- микроб, инфекция (мед.);
- скрытый микрофон (жарг.);
- ошибка в программе (ИТ).

Все значения исходят от одного ядра – «что-то маленькое и нежелательное», что характерно, по Ю. Д. Апресяну, для радиального типа [там же: 95].

Примером *цепочечной полисемии* может выступать термин *key* со значением «ключ», «разгадка», «символ», «клавиша». Термин *key*: физический ключ → ключ доступа → разгадка проблемы → символ шифрования → клавиша на клавиатуре. Для обоснования такого семантического развития можно предложить логическую схему:

Заметим, что каждое последующее значение основано на предыдущем.

Собранный языковой материал и результаты его семантического анализа позволяют утверждать, что метафорический перенос активно используется в английской терминологии информационной безопасности. В качестве иллюстративного подтверждения можно привести термин *honeypot*: дословно «горшочек с медом». А в результате терминологизации слово *honeypot* становится языковым знаком того, что на самом деле означает ловушку, то есть сервер или систему, спроектированную так, чтобы привлечь хакеров с целью изучения стратегии злоумышленников.

Слово *sandbox* («песочница») в результате специализации (или терминологизации) становится профессиональным термином, обозначающим систему, которая позволяет запускать ненадежные программные приложения в строго контролируемой среде с ограниченными правами доступа. В частности, приложению в «песочнице» (специально смоделированному безопасному приложению) обычно запрещен доступ к файловой системе или сети [Фадеева, Плеханов, Лопатин 2024: 609].

Также в качестве примера можно назвать словосочетание *heat map* (тепловая карта атак – визуализация интенсивности угроз, в которой значения отображаются с помощью цветовой интенсивности), что представляет собой так называемую сенсорную метафору восприятия [Разумкова 2022: 30].

В рассматриваемой английской терминологии *Information Security (InfoSec)* присутствуют термины, образованные на основе зооморфной метафоры, действием которой является перенос названия признаков животных на технические или абстрактные явления: *web crawler* («паук»), *worm* («червь»), *zombie computer* («зомби», зараженное устройство). Результатом действия географо-топологической метафоры (при которой осуществляется перенос пространственных понятий [Тиден 2019: 27]) можно считать термин *firewall* – брандмауэр: буквально «огненная стена», «защитная граница» между сетями.

Известно, что метафорические переносы упрощают понимание сложных концепций, помогая мышлению ассоциативно представить сходства далеких друг от друга предметов, действий, признаков, понятий. Вероятно, даже непрофессионалы могут представить, что такое *honeypot* или *sandbox* терминологии *Information Security (InfoSec)*, зная изначальное (или исконное) значение этих английских слов.

Присутствие разных видов метафорического переноса в терминологии подчеркивает сравнительную молодость отрасли знания и принадлежащего этой отрасли языкового словарного со-

става. Виды метафоры способны участвовать в формировании единого профессионального дискурса, поскольку отражают динамику развития науки: новые технологии требуют новых слов, а метафора – самый быстрый способ их создания.

Часто в общем языкознании (и в теории перевода) метонимические переносы рассматриваются как элементы проявления метафоры вообще. В нашем исследовании мы предпочли учитывать некоторые различия в понятиях «метафора» и «метонимия», поэтому и метонимические переносы рассмотрим отдельно.

Одним из самых распространенных примеров метонимической полисемии в английской терминологии *Information Security (InfoSec)* является термин *bot*, произведенный от *robot*. Метонимический перенос здесь основан на близости понятий, на смежности обозначаемых явлений. Изначально словом *bot* называли программу-робот, а в современном понимании термином *bot* обозначаются программы, которые автоматически выполняют задачи по указанию создателя заразившей их программы.

Более сложная ассоциативная смысловая связь присутствует в семантике таких терминов, как *zero-day* и *Patch Tuesday*, где *zero* («ноль, пустота») и *zero-day* ← день обнаружения уязвимости → сама уязвимость; *patch* («заплата») *Tuesday* («вторник») и *Patch Tuesday* ← день выпуска обновлений → сам процесс регулярного обновления.

Полилексемный двухкомпонентный термин *kill chain* («цепочка убийств») в английской терминологии *Information Security (InfoSec)* имеет значение «последовательная череда кибератак».

Следует согласиться с мнением С. В. Гринева-Гриневича и Э. А. Сорокиной в том, что явление полисемии, присутствующей в той или иной степени в отраслевых профессиональных терминологиях, имеет свои специфические черты, способные отделять ее от полисемии в общепотребительном языке [Гринев-Гриневич, Сорокина 2015: 62].

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые закономерности формирования англоязычной терминологии информационной безопасности. Установлено, что преобладают полилексемные термины (66,9 %), особенно двух- и трехкомпонентные, построенные по моделям $N + N$ и $Adj. + Noun$. Данная закономерность приводит к номинализации синтаксических структур, то есть к преобразованию исходных терминологических сочетаний в более сложные именные конструкции, объединяющие их с определяемым существительным [Караулин 1987: 176].

Отмечается, что увеличение длины полилексемных терминов определяется стремлением к конкретности и точности передачи информации, а также к целенаправленной однозначности, поскольку с увеличением количества элементов в терминологической единице уменьшается вероятность ее многозначности [Гринев-Гриневиц 2008: 144]. Для научного стиля характерно описание понятий в рамках уже известных и разработанных концепций за счет увеличения атрибутивных элементов. Как результат наблюдается повышение частоты употребления терминологических словосочетаний и более точное отражение особенностей научного мышления в текстах тематической направленности [Чернышова, Черникова, Балашова 2025].

Результаты исследования подчеркивают то, что, как и в других терминологических системах, подавляющее большинство (86 %) полилексемных терминов состоят из стержневых слов с двух- и трехкомпонентными атрибутивными группами [Балашова 2024: 20]. Среди монолексемных терминов лидируют аббревиатуры (28,7 %) и сложные слова (23,8 %), что связано с потребностью в краткости и емкости. Наблюдается активное использование различных видов метафорического переноса (*sandbox*, *honeypot*, *kill chain*) и метонимии (*bot*, *zero-day*, *Patch Tuesday*). Подтверждается наличие полисемии, представленной в виде радиальной (*bug*) и цепочечной (*key*) моделей, что противоречит традиционному представлению о моносемии термина [Масак 2020]. Процессы номинализации и аббревиации отражают специфику научно-технического дискурса, направленного на повышение точности и эффективности коммуникации.

Следовательно, английская терминология *Information Security (InfoSec)*, являясь молодой отраслью научного знания, находится в стадии активного формирования и требует дальнейшего лингвистического изучения. Собранный языковой материал и результаты его анализа могут быть дополнением к уже имеющимся в отечественной литературе сведениям о кибербезопасности. Полученные результаты нашего научного исследования могут быть использованы в переводе и в преподавании английского языка, могут быть востребованными в терминографии и в разработке лингвистических учебных ресурсов.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. 104 с.
- Балашова А. Ю. Особенности терминологий новых наук: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 24 с.
- Васильева Н. В. Терминология лингвистическая // Русский язык: Энциклопедия. М.: АСТ-Пресс Школа, 2020. С. 211–216.
- Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 224 с.
- Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
- Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 4. С. 51–64.
- Долгоновская Л. Я. Сопоставительный анализ терминополья «защита» в сфере информационной безопасности (на материале английского и русского языков) // Актуальные вопросы англистики и методики преподавания русского языка как иностранного: сб. науч. ст. М., 2023. Вып. 2. С. 189–196.
- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.11.2025).
- Кураков Л. П., Кураков В. Л. Экономика и право: словарь-справочник. 2024. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 30.11.2025).
- Миронова М. Р. Структурные модели терминов по информационной безопасности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 1 (154). С. 160–164.
- Парошин А. А. Информационная безопасность: стандартизированные термины и понятия. Владивосток: Изд-во Владивост. ун-та, 2010. 216 с.
- Польщикова О. Н. Полисемия в терминологии компьютерной лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 5 (7). С. 2328–2332. doi 10.30853/phil20220385
- Пройдаков Е. М., Теплицкий Ю. А. Англо-русский толковый словарь по информационной безопасности. 2022. URL: <https://infosystems.ru> (дата обращения: 30.11.2025).
- Разумкова Н. В. Лексические репрезентации сенсорных образов в лирике Осипа Мандельштама // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Т. 8, № 3 (31). С. 23–44. doi 10.21684/2411-197X-2022-8-3-23-44
- Роскибербезопасность. URL: <https://roskiber.ru> (дата обращения: 30.11.2025).
- Тиден Е. В. Термины-метафоры в научной речи // Личность – Язык – Культура: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Саратов: Наука, 2019. С. 129–134.
- Урсул А. Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития // Научно-техническая информация. 1996. № 1. С. 7–12.

Фадеева А. А., Плеханов М. С., Лопатин Д. В. Анализ использования англоязычных терминов в области кибербезопасности // Образование и право. 2024. № 5. С. 606–611.

Феоктистов Г. Г. Информационная безопасность общества // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 211–216.

Филонов А. А. Теоретические и исторические аспекты защиты информации // Вестник национального института бизнеса. 2022. № 1 (45). С. 130–140.

Чернышова Л. А., Черникова Е. О., Балашова А. Ю. Специфика формальной структуры терминологических словосочетаний в английском и немецком языках сферы высокоскоростных железнодорожных магистралей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 18 (3). С. 1045–1052. doi 10.30853/phil20250151

Global Knowledge. Skillsoft. 2025. URL: <https://www.globalknowledge.com> (дата обращения: 30.11.2025).

Heimdalsecurity. Unified Cybersecurity Platform. 2025. URL: <https://heimdalsecurity.com> (дата обращения: 30.11.2025).

Information Security Office at Texas State University. Information Security Glossary. 2025. URL: <https://infosecurity.txst.edu/work/information-security-glossary.html> (дата обращения: 30.11.2025).

Macak K. Towards a Taxonomy of Cyber Attacks // IEEE Communications Surveys & Tutorials. 2020. Vol. 22, № 2. P. 1356–1384.

Ministry of Digital Governance, Hellenic Republic. Cybersecurity Handbook. 2021. URL: <https://cyber.gov.gr/wp-content/uploads/2025/03/Cybersecurity-Handbook-English-version-compressed.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

Online Etymology Dictionary. Cyber. 2025. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 30.11.2025).

NIST Cybersecurity Framework. 2025. URL: <https://www.nist.gov/cyberframework> (дата обращения: 30.11.2025).

References

Apresyan Yu. D. *Selected Works. Vol. I. Lexical Semantics*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995. 104 p. (In Russ.)

Balashova A. Yu. *Specific features of terminologies of emerging sciences*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2024. 24 p. (In Russ.)

Vasil'eva N. V. *Linguistic terminology. Russian Language: An Encyclopedia*. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 211–216. (In Russ.)

Golovin B. N. *Linguistic Foundations of Terminology Studies*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 224 p. (In Russ.)

Grinev-Grinevich S. V. *Terminology*. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A. Polysemy in general and specialized vocabulary. *Moscow Region State University Herald*, 2015, issue 4, pp. 51–64. (In Russ.)

Dolgonovskaya L. Ya. Comparative analysis of the term field 'protection' in information security (based on the material of the English and Russian languages). *Current Issues in English Studies and Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language: A collection of scientific articles*. Moscow, 2023, issue 2, pp. 189–196. (In Russ.)

Doctrine of Information Security of the Russian Federation. *Official Internet portal of legal information*. 2024. Available at: <https://pravo.gov.ru> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

Kurakov L. P., Kurakov V. L. *Economics and Law: A reference dictionary*. 2024. Available at: <https://dic.academic.ru> (accessed 30 Nov 2025). (In Russ.)

Mironova M. R. Structural models of the terms of the cyber security *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, issue 1(154), pp. 160–164. (In Russ.)

Paroshin A. A. *Information Security: Standardized Terms and Concepts*. Vladivostok, 2010. 216 p. (In Russ.)

Pol'shchikova O. N. Polysemy in computer linguistics terminology. *Philology. Theory & Practice*, 2022, issue 5 (7), pp. 2328–2332. doi 10.30853/phil20220385 (In Russ.)

Proydakov E. M., Teplitsky Yu. A. English-Russian Explanatory Dictionary on Information Security. 2022. Available at: <https://infosystems.ru> (accessed 30 Nov 2025). (In Russ.)

Razumkova N. V. Lexical representations of sensory images in Osip Mandelstam's lyrics. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2022, vol. 8, issue 3 (31), pp. 23–44. doi 10.21684/2411-197X-2022-8-3-23-44 (In Russ.)

Roskiberbezopasnost' = Russian cyber security [website]. 2025. Available at: <https://roskiber.ru> (accessed 30 Nov 2025). (In Russ.)

Tiden E. V. Metaphorical terms in scientific discourse. *Personality – Language – Culture: Proc. VII All-Russ. Sci. Pract. Conf.* Saratov, Nauka Publ., 2019, pp. 129–134. (In Russ.)

Ursul A. D. Information strategy and security... *Scientific and Technical Information*, 2006, issue 1, pp. 7–12. (In Russ.)

Fadeeva A. A., Plekhanov M. S., Lopatin D. V. Analysis of the use of English-language terms in the field of cyber security. *Education and Law*, 2024, issue 5, pp. 606–611. (In Russ.)

Feoktistov G. G. Information security of society. *Socio-Political Journal*, 1996, issue 5, pp. 211–216. (In Russ.)

Filonov A. A. Theoretical and historical aspects of information protection in the Russian Federation. *Bulletin of the National Institute of Business*, 2022, issue 1 (45), pp. 130–140. (In Russ.)

Chernyshova L. A., Chernikova E. O., Balashova A. Yu. Specificity of the formal structure of terminological collocations in the English and German languages of the sphere of high-speed railway lines. *Philology. Theory & Practice*, 2025, issue 18 (3), pp. 1045–1052. doi 10.30853/phil20250151 (In Russ.)

Global Knowledge. Skillsoft. Available at: <https://www.globalknowledge.com> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

Heimdalsecurity. Unified Cybersecurity Platform. Available at: <https://heimdalsecurity.com> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

Information Security Office at Texas State University. *Information Security Glossary*. Available at: <https://infosecurity.txst.edu/work/information-security-glossary.html> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

Macak K. Towards a taxonomy of cyber attacks. *IEEE Communications Surveys & Tutorials*, 2020, vol. 22, issue 2, pp. 1356–1384. (In Eng.)

Ministry of Digital Governance, Hellenic Republic. *Cybersecurity Handbook*. 2021. Available at: <https://cyber.gov.gr/wp-content/uploads/2025/03/Cybersecurity-Handbook-English-version-compressed.pdf> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

Online Etymology Dictionary. *Cyber*. Available at: <https://www.etymonline.com> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

NIST Cybersecurity Framework. Available at: <https://www.nist.gov/cyberframework> (accessed 30 Nov 2025). (In Eng.)

Информация об авторах

Балашова Анна Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9
a.hatyushina@yandex.ru

доцент кафедры иностранных языков
Московский городской университет управления
Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова
107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, д. 28

SPIN-код: 7860-8314

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8628-5227>

Сорокина Эльвира Анатольевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9
ellazor@mail.ru

профессор кафедры английской филологии
Государственный университет просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, стр. 2

SPIN-код: 5678-9876

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена
после рецензирования 30.01.2026; принята к публи-
кации 09.02.2026

Information about the authors

Anna Yu. Balashova

Associate Professor in the Department of Linguistics
Russian University of Transport
9, bld. 9, Obraztsova st., Moscow, 127994, Russia
a.hatyushina@yandex.ru

Associate Professor in the Department
of Foreign Languages
Moscow Metropolitan Governance
Yury Luzhkov University
28, Sretenka st., Moscow, 107045, Russia

SPIN-code: 7860-8314

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8628-5227>

Elvira A. Sorokina

Professor in the Department of Linguistics
Russian University of Transport
9, bld. 9, Obraztsova st., Moscow, 127994, Russia
ellazor@mail.ru

Professor in the Department of English Philology
State University of Education
10A, bld. 2, Radio st., Moscow, 105005, Russia

SPIN-code: 5678-9876

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Submitted 14 Jan 2026; revised 30 Jan 2026; accepted
09 Feb 2026

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-18-27

EDN FWJGRG

<https://elibrary.ru/fwjgrg>

Жанровая палитра научного творчества М. В. Ломоносова

Данилина Наталия Ивановна

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

danilina_ni@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования выступает научный дискурс М. В. Ломоносова, представленный текстами на русском и латинском языках, до настоящего времени не изучавшимися в единстве, предметом – его жанровая система. Исследование показало, что жанровый репертуар научного дискурса М. В. Ломоносова в целом укладывается в современную группировку по прагматическим параметрам, однако имеет ряд отличий. Группу собственно научных жанров составляют монографии, диссертации, авторефераты, или расширенные аннотации, а также ряд малых жанров (заметки, лабораторные журналы и др.). Жанр монографии не имеет наименования, но по структуре в целом аналогичен современному, за исключением отсутствия обязательного заключения и списка литературы. Жанр *dissertatio* соответствует современной рецензируемой статье и содержит те же смысловые блоки, но порядок их следования не является жестко регламентированным. Научно-оценочные жанры представлены объекциями (критический отзыв, излагаемый публично), примечаниями (приватные критические замечания) и репортами (аналог современного экспертного заключения о целесообразности публикации). Тексты научно-делового характера, именуемые репортами, могут быть также аналогами современных служебных записок. Важное место занимают научно-учебные труды по риторике, металлургии, физике; все они написаны с ориентацией на применение в учебном процессе. Выделение научно-популярных текстов проблематично, но не исключено. Жанр «слово» соответствует публичной лекции. Латинско-русская диглоссия, характерная для научного дискурса М. В. Ломоносова, определяется параметром «естественные/гуманитарные науки» и жанром создаваемого текста (собственно научный / научно-учебный, научно-деловой, научно-популярный).

Ключевые слова: М. В. Ломоносов; язык науки; русско-латинская диглоссия; жанр диссертации; научно-оценочные жанры; научно-деловые жанры; жанр «слово».

Для цитирования

Данилина Н. И. Жанровая палитра научного творчества М. В. Ломоносова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 18–27. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-18-27. EDN FWJGRG

The “Genre Palette” of Mikhail Lomonosov’s Scientific Works

Natalia I. Danilina

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky

danilina_ni@mail.ru

Abstract. The object of the research is the scientific discourse of Mikhail Lomonosov, represented by texts in Russian and Latin that have not been studied in unity until now; the subject under study is Lomonosov’s genre system. The article demonstrates that the genre system presented in Lomonosov’s scientific discourse fits into the modern classification according to pragmatic parameters; however, it has some differences. The group of purely scientific genres consists of monographs, dissertations, abstracts, or extended an-

notations as well as a number of small genres (notes, laboratory journals, etc.). The genre of the monograph has no name, but its structure is generally similar to the modern one, except for the absence of a mandatory conclusion and a list of references. The *dissertatio* genre corresponds to a modern peer-reviewed article and contains the same semantic blocks, but their sequence is not so strictly observed. Scientific evaluative genres are represented by *objectio* (critical feedback presented publicly), notes (private critical remarks), and reports (an analogue of a modern expert opinion on the expediency of publication). Scientific-official texts, called reports, can be regarded as analogues of modern memos. Scientific educational (academic) works on rhetoric, metallurgy, and physics hold an important place; all of them were written with a focus on application in the educational process. Distinguishing popular science texts is problematic, but possible. The genre of "word" corresponds to a public lecture. The Latin-Russian diglossia, characteristic of Lomonosov's scientific discourse, is determined by the parameter "sciences/humanities" and the genre of the text being created (purely scientific / academic, scientific-official, popular science).

Keywords: Mikhail Lomonosov; language of science; Russian-Latin diglossia; genre of dissertation; scientific evaluative genres; scientific-official genres; genre "Word."

For citation

Danilina N. I. The "Genre Palette" of Mikhail Lomonosov's Scientific Works. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 18–27. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-18-27. EDN FWJGRG (In Russ.)

Введение

Жанроведение – отрасль лингвистики, активно развивающаяся во многих направлениях. Не составляют исключения и жанры научной речи. В этой сфере многое сделано представителями пермской школы, и в данной статье мы будем придерживаться понимания, сформулированного В. А. Салимовским: «Жанровая форма может быть описана как актуализация типового авторского замысла, соответствующего определенной социокультурной целеустановке, посредством некоторой системы коммуникативно-познавательных действий... Типовые коммуникативно-познавательные действия... совершаются с использованием определенного инвентаря разноразрядных языковых средств, в результате чего создаются жанровые разновидности речевой организации функционального стиля» [Салимовский 2002: 294–295]. Общепринято деление жанров научной речи на собственно научные, научно-учебные, научно-популярные. М. П. Котюрова и Е. А. Баженова указывают также на наличие научно-оценочных и научно-деловых жанров [Котюрова, Баженова 2008: 255]. В рамках этих групп возможна дальнейшая дифференциация, часто весьма дробная, детерминируемая конкретной научной областью [Какзанова 2012]. Если исходить из приведенного понимания первичности целеустановки по отношению к отбору языковых средств ее реализации, то очевидно, что жанровая система научного дискурса в целом интернациональна и континуальна, как интернациональна и континуальна сама научная деятельность, ни в одной из национальных культур не возникающая «на пустом месте».

Научный дискурс как таковой имеет многовековую историю. Вплоть до XVIII в. он был интернационален не только в содержании, но и в языковом воплощении, ибо существовал преимущественно на латинском языке. Поэтому, говоря о становлении жанров научной речи, следует, на наш взгляд, принимать во внимание и новолатинские научные труды.

Исторические свидетельства употребления латинского языка в речи представителей научного сообщества в России XVII–XVIII вв. подробно рассмотрены в монографии В. К. Воробьева [Воробьев 1999]. Автор отмечает отношение к латинскому языку как к практически необходимому для чтения актуальных трудов зарубежных коллег, рассматривает тему языковой подготовки и аттестации учащихся и претендентов на академические должности [Воробьев 1999: 74–79]. Важным представляется вывод о своеобразной русско-латинской диглоссии в речи представителей науки: «В быту ученый мог мыслить в формах родного (природного) языка, но как только предмет его мысли становилась наука, то он автоматически переходил на латинские формы мысли» [там же: 74, 91–94]. Автор монографии затрагивает, в частности, вопрос о жанрах «ученой латыни», выделяя диссертацию, specimen, монографию, протокол, рецензию, аннотацию, отчет, каталог [там же: 81–88]. Внимание исследователя сосредоточено на документальном подтверждении существования перечисленных жанров. Подробный анализ специфики каждого жанра (целевой установки, композиционных особенностей и языковых проявлений) не входил в задачи автора названной монографии и не проводился позже никем из отечественных исследова-

телей (изучение языка русской науки начинают с русскоязычных трудов ученых второй половины XVIII в. [Очерки... 1994]), поэтому, на наш взгляд, не утратил актуальности.

Образцом научного дискурса, переходного между латинским и национальным, является научное творчество М.В. Ломоносова. Наличие академического полного собрания сочинений [Ломоносов 1950–1983] позволяет как увидеть жанровую систему в целом, представленную в трудах М. В. Ломоносова, так и проанализировать особенности языкового воплощения каждого жанра. Среди работ ученого имеются не только труды на русском и на латинском языках, но и переводы и автопереводы с латинского. Свидетельства о М. В. Ломоносове как об одном из искуснейших латинистов России, о его привычке не только говорить и писать, но и думать по-латински собраны в упомянутой монографии В. К. Воробьева [Воробьев 1999: 70–71] и в статье А. И. Солопова [Солопов 2013]. Вместе с тем констатированная последним ситуация слабой изученности именно латинского наследия М. В. Ломоносова не слишком улучшилась со времени выхода статьи.

Цель нашего исследования – очертить репертуар жанров, представленных в научном творчестве М. В. Ломоносова, включая как русское, так и латинское наследие, проанализировать основные целевые установки, сходства и различия с современной жанровой системой русского научного дискурса, выявить жанры, прототипические для современных и, напротив, специфические. Отдельное внимание будет уделено соотношению русского и латинского языков в текстах различных жанров.

Собственно научные жанры в дискурсе М. В. Ломоносова

Основным жанром в группе собственно научных выступает у М. В. Ломоносова *dissertatio*, что в переводе с латинского означает «рассуждение, изыскание, доклад». Важно обратить внимание, что современным аналогом этого жанра следует считать не столько диссертацию, сколько, с некоторыми допущениями, рецензируемую статью. В отличие от современных диссертаций, работы данного жанра не являлись научно-квалификационными, то есть не предполагали обязательного соискания ученой степени, звания или должности. Они представляли собой авторскую разработку какой-либо научной проблемы; языком диссертаций был латинский. В то же время, подобно современным диссертациям, эти работы проходили процедуру защиты: они заранее подавались для прочтения и высказывания замечаний членам Академии Наук, затем доклад

автора заслушивался и обсуждался на заседании академии. Одобренные диссертации печатались в журнале Академии Наук “*Commentarii*” (затем “*Novi commentarii*”), издававшимся на латинском языке, не рекомендованные к печати сдавались в архив. Журнал рассылался в ведущие университеты Европы [Воробьев 1999: 83], чем обеспечивалась международная доступность трудов отечественных исследователей.

Слово *dissertatio* может использоваться в заглавии работ этого жанра: “*Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere*”, “*Dissertatio de generatione et natura nitri*”. Однако диссертациями в протоколах конференций Академии называются и работы, имеющие в заглавии синонимы исходного слова, например *meditatio* ‘размышление’ (“*Meditationes de caloris et frigoris causa*”, “*Meditationes de solido et fluido*”), *commentatio* ‘размышление, сочинение’ (“*Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico*”). К жанру диссертации относятся также работы, озаглавленные как *tentamen* ‘опыт’, например “*Tentamen theoriae de vi aeris elastica*” (показательно, что автореферат данной работы содержит в заглавии не прямой перевод, а слово *рассуждение*: «Рассуждение об упругости воздуха»). Однако наличие в заглавии слов со значением ментальной деятельности не является обязательным, ср.: “*De motu aeris in fodinis observato*” («О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном»). Таким образом, можно предположить, что слово *dissertatio* употреблялось в изучаемый период в двух значениях: прямом, нетерминологическом, и как обозначение жанра.

В плане развертывания текста диссертации М. В. Ломоносова представляют собой аналоги современных статей и включают обычно ряд композиционных блоков, соответствующих типам ментальных действий: постановка проблемы (обоснование актуальности, слабой изученности темы, экспликация цели), результаты исследования (описание эмпирических опытов или наблюдений и их теоретическая интерпретация), заключительные выводы, теоретическая значимость полученных результатов, перспективы исследования, практическая значимость. Некоторые примеры: *Sed hic laudatorum virorum solertia subsistit* «Но на этом искусство достохвалых мужей остановилось» [Ломоносов 1950–1983, 1: 88–89] (недостаточная разработанность темы); *Quoniam autem mihi animus est instrumenta Physicorum non secus veritates ab iisdem detectas in Chymiam introducendi...* «Вознамерившись ввести в области химии приборы физиков, а также истины, ими открытые...» [там же, 1: 88–89] (экспликация цели); *Haec theoriā... non inutilem fore arbitramur praefectis fodinarum et fos-*

soribus. Etenim... puteis, cuniculis et fossis ea ratione ductis, **hi laboribus, illi sumptibus parcere possunt** «Сия теория... **полезна будет, уповаю, содержателям рудных заводов и рудокопам. Ибо... расположенные шахты и штольни по выше показанным правилам **работникам легче и хозяевам безубыточнее****» [там же, 1: 330–331] (практическая значимость), *Indeque majus lumen oboriturum esse in Philisopgia corpusculari* «Отсюда прольется большой свет в корпускулярную философию» [там же, 3: 369–370] (теоретическая значимость). Место типовых субтекстов в общей композиции диссертации может варьировать. Например, заключением могут быть у Ломоносова как краткое повторение выводов, так и констатация практической пользы, теоретической значимости, перспектив исследования. Отличие ломоносовских диссертаций от современного жанра статьи состоит в отсутствии такого обязательного ныне структурного элемента, как список литературы (присутствуют только внутритекстовые ссылки); аннотации являлись автономными текстами и печатались отдельно от статей (см. далее). Выявление языковых штампов (латинских и русских) для типовых субтекстов может составить предмет отдельного исследования, поэтому мы не касаемся его в данной статье.

Параллельно с основными томами академического журнала издавались сборники рефератов, или расширенных аннотаций (терминологическое обозначение жанра подобных текстов отсутствует), где основное содержание диссертаций излагалось на русском языке. В соответствии с этим требованием латиноязычные диссертации Ломоносова также имеют русские рефераты. Эти тексты представляют собой последовательный пересказ диссертаций с краткими формулировками основных мыслей каждого параграфа.

Отдельно упомянем две работы, написанные М. В. Ломоносовым в период обучения в Германии у Х. Вольфа и присланные в качестве «образчиков знания» для отчета перед Академией Наук, организовавшей и оплатившей обучение: «Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistentis dependente» и «Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia». Это своеобразные аналоги нынешних курсовых работ: предоставление таких сочинений на заданную руководителем тему требовалось по полугодиям [там же, 1: 539]. Специмены не предполагали процедуры защиты [Воробьев 1999: 82]. В логико-композиционном плане эти работы М. В. Ломоносова выдержаны в манере, характерной для научной школы Вольфа, где каждое ментальное действие получает эксплицитное словесное обозначение при помощи математического термина (*теорема*,

лемма, *аксиома* и т. п.), что впоследствии стало менее проявляться в идиолекте Ломоносова.

В наследии М. В. Ломоносова имеется несколько крупных собственно научных трудов – аналогов современных монографий: «Российская грамматика», «Древняя российская история...», «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». Все они написаны по-русски и изданы отдельными книгами. В собрании сочинений М. В. Ломоносова представлено много подготовительных материалов к этим работам, демонстрирующих, что размышления над этими темами, сбор и систематизация фактического материала велись в течение длительного времени. Композиционная структура, как и в современных монографиях, многоступенчата: части, главы, параграфы. Факультативно присутствуют сопутствующие тексты (посвящения, предисловия, или вступления, оглавления) и такой обязательный ныне элемент монографии, как заключение.

Широко представлены у М. В. Ломоносова малые научные жанры: перечни тем для будущих работ, программы, планы исследований и опытов, записи наблюдений и результатов опытов, тезисные заметки по отдельным вопросам и рабочие гипотезы. Характерные черты этой группы жанров – отсутствие «стороннего» адресата. Заметки могут быть как разрозненными, так и объединенными в группы. Принципы группировки при этом различны и диктуются разными прагматическими установками: лабораторные журналы, подготовительные материалы к определенным сочинениям, тематические заметки. Тематические корпуса могут иметь название, как, например, корпус «Химические и оптические записки». Журналы наряду с собственно научными текстами содержат отдельные записи бытового характера, например, фиксацию необходимых дел или имена подручных в опытах. Заметки внутри корпусов М. В. Ломоносов подвергает определенной систематизации, которая может производиться как сразу, так и по мере накопления записей. Программа опытов и лабораторные записи 1752–1756 гг. сразу группируются по темам, каждая из которых пронумерована и имеет заглавие, например «I. Опыты физические о солях», «II. Исследование солей» и т. д. Совпадение этой программы с неоконченным курсом физической химии, задуманным как учебный труд, позволяет трактовать их как подготовительные материалы к этому курсу [там же, 2: 700]. Группа заметок 1741–1743 гг. по физике и корпускулярной философии (276 текстов) не имела заглавия, заметки лишь нумеровались в порядке написания. Однако по мере накопления

записей была произведена их дальнейшая тематическая систематизация: в конце корпуса помещен пронумерованный перечень тем будущих работ, а рядом с каждой заметкой проставлен номер темы, при разработке которой она может быть использована.

На выбор языка записок, по-видимому, оказывает определенное влияние и период написания, и их предполагаемое применение. Заметки-размышления и тезисы, предназначенные для естественно-научных трудов, пишутся по-латински. Так, из 276 заметок 1741–1743 гг. по физике только одна написана по-французски и две по-немецки. На латинском языке написаны и материалы к незавершенному курсу физической химии, а также лабораторный журнал 1751 г. Однако в «Химических и оптических записках» 1762–1763 гг., тоже представляющих собой лабораторный журнал, язык изложения преимущественно русский, хотя встречаются отдельные вкрапления в виде фраз и частей фраз на латинском (в 17 заметках); полностью на латинском написано лишь 24 заметки из 179.

Еще один малый жанр, который находим у М. В. Ломоносова, – задача на премию Академии Наук (ныне этот жанр вышел из употребления). Такие задачи ежегодно предлагались ученому сообществу от имени Академии, поэтому проходили предварительное обсуждение на заседаниях и конкурсный отбор. Тексты задач составлялись на латинском языке в свободной форме.

К числу малых жанров относят обычно и научно-оценочные (рецензии, дискуссионные статьи и т. п.). В наследии М. В. Ломоносова также имеются работы этого типа. Богатый и разнообразный материал в этом плане дают труды по истории.

В собрании сочинений Ломоносова представлены материалы дискуссии по поводу диссертации историка Г. Ф. Миллера – сторонника норманнской теории происхождения русской народности. В архивах Академии Наук сохранены тексты заранее подготовленных критических выступлений Ломоносова на заседаниях (на русском языке), а также возражений на ответы Г. Ф. Миллера (на латинском языке). В протоколах конференций академии эти тексты называются *объекциями* (от лат. *objectio* ‘возражение’) [там же, 6: 549]. С одной стороны, по институциональной функции русскоязычные объекции представляют аналог нынешних оппонентских отзывов – публично произносимых или зачитываемых текстов, имеющих письменный прототип, переданный для ознакомления диссертанту. С другой стороны, в отличие от современных жанров рецензии и оппонентского отзыва, предполагающих всестороннее рассмотрение работы

и выражаемое языковыми средствами снижение категоричности отрицательной оценки [Никитина, Малышкин 2015], в объекциях М. В. Ломоносова моменты положительной оценки полностью отсутствуют. Композиционно текст построен как постраничные возражения утверждениям Г. Ф. Миллера с приведением обоснований их несостоятельности. Латиноязычные объекции, сохраненные протоколами, дают образцы дискуссии как свободного обмена мнениями. Отметим, что М. В. Ломоносов весьма категоричен как в суждениях, так и в выражении несогласия с точкой зрения Г. Ф. Миллера. Вот некоторые примеры: «От стран. 23 до 44 все должно было автору почти без остатку выкинуть» [там же, 6: 39], «...мнение господина Миллера... весьма неосновательно» [там же, 6: 41], “*False*” «Неверно» [там же, 6: 44]. Активно пользуется М. В. Ломоносов и риторическими приемами, например сравнениями: «Сие столь же нескладно, как бы Юстиниана, царя греческого, назвать султаном турецким, для того что ныне Грециею турки владеют» [там же, 6: 39], восклицаниями: “*Deus bone! Ubi ... legit vel audivit?*” «Боже благий! Где он вычитал или услышал...?» [там же, 6: 68], вопросами: “*Quare?*” «Почему?» [там же, 6: 46]. Не стесняется М. В. Ломоносов даже перейти на личности: «Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от ней великие благодеяния имеет» [там же, 6: 42], *O preclarum linguae Russicae heroem!* «О преславный знаток русского языка» (саркастический упрек) [там же, 6: 49]. Таким образом, эксплицитное выражение отрицательной оценки, отмечаемое для современных устных научных дискуссий [Чалова 2025], обнаруживается уже в научном дискурсе XVIII в.

Текстами другого жанра в рамках данной дискуссии являются репорты в Канцелярию Академии Наук – две разновременные рецензии на диссертацию, написанные по требованию Канцелярии и не предполагавшие ознакомления с ними диссертанта (сентябрь 1749 и июнь 1750, то есть до и после академических обсуждений); эти тексты обладают признаками не только научного, но и делового типа. В содержательной части приводится перечень научных недостатков работы (но, в отличие от вышеназванных документов, без постраничных замечаний и без аргументации), включая плохое владение автором латинским языком, и возможные отрицательные социально-политические последствия ее обнародования. Формальную рамку задают заголовок «Репорт», заключение о невозможности обнародования, подпись, дата.

Особняком в группе научно-оценочных текстов стоят «Примечания» к рукописи Вольтера «История Российской империи при Петре Великом». Получив рукопись первых восьми глав, М. В. Ломоносов отметил постранично все фактические неточности, а в некоторых местах выразил несогласие с концепцией автора. Словесная форма выражения и здесь категорична: «Весьма несправедливо» [там же, 6: 94], «Должно совсем вон выкинуть», «Весьма ложное известие» [там же, 6: 95]. Известно, что замечания М. В. Ломоносова были приняты и учтены Вольтером [там же, 6: 564]. Ведя через И. И. Шувалова дальнейшую переписку с Вольтером, М. В. Ломоносов даже предлагал ему воспользоваться собственным неизданным весьма пространством «Экстрактом о стрелецких бунтах» [Ломоносов 1950–1983, 6: 94] (рефератом или конспектом в нынешней терминологии – еще один жанр в научном творчестве М. В. Ломоносова).

Научно-учебные и научно-деловые жанры в дискурсе М. В. Ломоносова

Немаловажную роль в научном творчестве Ломоносова играет жанр учебного пособия. Таковыми можно считать два варианта «Риторики» («Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» и «Краткое руководство к красноречию») и два варианта «Первых оснований металлургии» («Первые основания горной науки» и «Первые основания металлургии или рудных дел»). От монографий данные труды отличает ориентация на практическое применение и на чтение не вполне подготовленным адресатом. Например, в «Первых основаниях...» не только дается научное определение термину *металл* и перечисляются металлы, но и описывается внешний вид каждого, его тактильные свойства, поведение в простейших реакциях, то есть приемы распознавания, приводятся химические символы, что в научной статье или монографии было бы излишне. В «Риторике», излагающей общепринятое учение о приемах красноречия, практическая направленность выражена в подборе примеров из отечественной словесности и ситуаций, в которых уместен тот или иной прием.

Говоря о научно-учебных работах М. В. Ломоносова, следует назвать также «Вольфианскую экспериментальную физику» – перевод на русский язык латиноязычного компендиума, составленного Л. Ф. Тюммингом по многотомному немецкому труду Х. Вольфа [Thümmigius 1725]. С одной стороны, эта работа, в отличие от выше-названных, не содержит систематического изложения физической теории и включает только описания физических экспериментов с объяснениями; с другой стороны, способ подачи теоре-

тических знаний как выводимых из эмпирических наблюдений и опытов представлялся Ломоносову наиболее убедительным и соответствующим духу времени, о чем он и пишет в предисловии [там же, 1: 424]. М. В. Ломоносов планировал использовать данный труд в учебном процессе и взялся за перевод потому, что его ученикам в Санкт-Петербурге не было доступно соответствующее латинское издание [там же, 1: 579].

Выделение научно-популярных жанров в творчестве М. В. Ломоносова проблематично. Поскольку распространение научных знаний за пределами научного сообщества и учебных заведений не осознавалась в XVIII в. как общественная потребность, произведений, ставящих себе такую цель, не могло быть много. В творчестве М. В. Ломоносова научно-популярными в нынешнем понимании можно признать два произведения, адресованные широкой публике, в которых научные знания не являются результатами собственных исследований и открытий автора и поданы упрощенно. Мы имеем в виду стихотворное «Письмо о пользе стекла», формально адресованное И. И. Шувалову, и «Слово о пользе химии» (о *слове* как самостоятельном жанре см. далее). Исследователи современного научно-популярного дискурса отмечают, что его жанровые формы вторичны и заимствуются из публицистики [Багиян 2014; Кузьминых, Красильникова 2022]. Как видим, для творчества М. В. Ломоносова это утверждение не имеет силы. Обращение к жанрам художественной литературы для изложения научной информации (как это сделано в «Письме о пользе стекла») имеет давнюю традицию и восходит к временам Античности и Средневековья, не знавшим строгого разделения литературы: вспомним дидактические поэмы или историю жанра диалога, популярного в средневековой Европе [Ненарокова 2011] и применявшегося даже в новолатинском медицинском дискурсе XVI в. [Данилина 2025а]. Черты риторической обработанности, языковой выразительности, приписываемые сейчас научно-популярным текстам [Серебрякова, Кибкало 2024], вообще часто присутствуют в академическом красноречии Ломоносова (см., например, выше описание обьекций или анализ «Слов» в статье [Данилина 2025б]).

Жанром, труднее других соотносимым с современными канонами научной речи, выступает в творчестве М. В. Ломоносова «слово». Определения, даваемые этому жанру в литературоведческих словарях, не предполагают его использования в научном дискурсе [Словарь... 1974]. Опора на латинский эквивалент, принимаемый М. В. Ломоносовым в «Риторике» (*oratio* 'доклад, выступление, речь'), предполагает устную

форму исполнения и не ограничивает содержательной стороны. Определение, предлагаемое М. В. Ломоносовым, подчеркивает риторическую обработанность текста: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово» [Ломоносов 1950–1983, 7: 91]. Сейчас выступления, озаглавленные Ломоносовым как «Слово», мы сопоставили бы с публичными лекциями (о характерных особенностях публичных лекций см., например, [Нагиева 2015]). Все они произносились на ежегодных публичных собраниях Академии Наук по случаю торжественных дат (например, тезоименитства императрицы или годовщины восшествия на престол), сборники таких речей печатались отдельными брошюрами, обычно до заседания. Трудность жанровой квалификации ломоносовских «Слов» заключается в неодинаковости их собственно научной составляющей. Например, «Слово о пользе химии» (написанное и произнесенное по-русски) носит, безусловно, научно-популярный характер и не содержит результатов каких-либо собственных изысканий автора. Напротив, в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (написанном и напечатанном параллельно на двух языках, прочтенном же по-русски) излагаются размышления и выводы по актуальной научной проблеме, настолько важной для М. В. Ломоносова, что он отказался печатать эту диссертацию в журнале без публичного выступления, которое могло обеспечить более быструю публикацию [Ломоносов 1950–1983, 3: 515]. Еще два «Слова» («Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» и «Слово о рождении металлов от трясения земли» (“Oratio de generatione metallorum a terrae motu”)) также отличаются новизной научного содержания. Риторическая составляющая «Слов» проявляется в наличии композиционных элементов восхваления (науки как таковой, Петра Великого как покровителя наук в России, царствующей особы как продолжательницы его дела), в использовании синтаксических маркеров диалогичности, риторических приемов, в частности тропики, на протяжении не только хвалебной, но и собственно научной части текста [Данилина 20256].

Группу научно-деловых жанров составляют в творчестве М. В. Ломоносова *репорты* в разные структуры Академии Наук, которые можно разделить на два типа, аналогичные разным современным жанрам. Общими чертами группы являются характерная для документов шапка, дата и подпись в конце. Первый тип репортов – аналог служебных записок, где содержатся просьбы об

организации лаборатории, о выдаче оборудования для исследований или необходимых денежных средств; подобные документы именовались также представлениями и доношениями; они могли составляться как на русском языке, так и на латинском. Репорты второго типа представляют собой экспертные заключения, выполненные по заданиям Академии (преимущественно это химические экспертизы образцов руд, однако сюда же можно отнести и вышеупомянутые рецензии на диссертацию Г. Ф. Миллера, а также еще несколько заключений о целесообразности/нецелесообразности печатания некоторых научных трудов).

Отдельно следует отметить возможность использования эпистолярного жанра для изложения научных идей. В наследии М. В. Ломоносова отмечено три письма на научные темы; эти письма не являются имитацией, они имели реальных адресатов и предполагали ответы. Первый случай – «Письмо о правилах российского стихотворства» (сентябрь 1739 г.), написанное и посланное в Российское собрание при Академии Наук; критический ответ на это письмо, написанный В. К. Тредиаковским, не был отправлен М. В. Ломоносову по настоянию других членов собрания [Ломоносов 1950–1983, 7: 783]. Второй случай – письмо Л. Эйлеру от 5 июля 1748 г., которое практически дословно повторяет диссертацию «Об отношении количества материи и веса», но отличается большей категоричностью языкового выражения (сравнение проведено в статье [Данилина 2023]). Целью М. В. Ломоносова было выяснить мнение уважаемого им коллеги о своих размышлениях, прежде чем представить их на обсуждение академиком [Ломоносов 1950–1983, 3: 556–557]. Третий случай – письмо И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г., представляющее собой, по сути, статью, печатаемую под заглавием «О сохранении и размножении российского народа», которой предшествовал план большой работы социально-экономического толка. Сам М. В. Ломоносов не предполагал издавать это сочинение, предвидя, вероятно, цензурные затруднения, которые и произошли при издании в 1819 г., вышедшем со значительными купюрами [там же, 5: 596].

Выводы

В научном дискурсе М. В. Ломоносова представлена разветвленная жанровая система, которая в целом укладывается в современную группировку по прагматическим параметрам, однако имеет и ряд отличий.

Круг собственно научных жанров представлен монографиями, диссертациями, специменами и авторефератами. Жанр монографии отличается

от современных аналогов отсутствием системы сопутствующих текстов (список источников и список литературы, аннотация и т. п.). Жанр диссертации совмещает черты двух современных: диссертации (присутствует свойство – процедура публичной защиты, отсутствует цель – получение ученой степени) и рецензируемой статьи (присутствует цель – публикация в авторитетном издании, отсутствует свойство «слепого рецензирования»). Специменами именуются научно-квалификационные работы периода обучения, не предполагавшие публичной защиты. Жанр, соответствующий нынешнему автореферату, не имеет в ломоносовское время отдельного обозначения, хотя такие рефераты регулярно издаются. Результат реферирования чужих работ получает у Ломоносова название *экстракт*. Жанр задачи, предлагаемой на премию Академии Наук, в настоящее время вышел из употребления. Весьма разнообразны малые научные жанры. Среди них уже выделяется группа научно-оценочных, представленная *объекциями* (критический отзыв на публичной защите) и *примечаниями* (приватные критические замечания), к ним примыкают *репорты*, являющиеся экспертизами научных трудов, проводимыми по требованию вышестоящих инстанций. Наименование *репорт*, относящееся к научно-деловым текстам, соответствует нескольким жанрам, ныне оцениваемым как различные: служебной записке и экспертному заключению. Большое значение М. В. Ломоносов придавал созданию учебных пособий: пособия по риторике и по металлургии имеют по две редакции, экспериментальная физика Х. Вольфа была специально переведена на русский язык. Научно-популярные тексты в нынешнем понимании у М. В. Ломоносова единичны. Жанр «слово» является аналогом публичной лекции.

В выборе языка изложения прослеживаются прагматические принципы. Труды по гуманитарным наукам написаны преимущественно по-русски, язык же естественно-научных работ выбирается в зависимости от жанра. Поскольку официальным языком Академии Наук был латинский, то все тексты, проходившие через нее, написаны по-латински. По-латински писались также личные заметки по физике и химии. Русский язык допускался для публичных речей на торжественных заседаниях (*слов*). Поскольку именно М. В. Ломоносов был активным сторонником введения русского языка как второго рабочего для Академии, среди его текстов научно-деловых жанров можно найти как латинские, так и русские. Для учебных пособий и монографий, независимо от научной сферы, ученый выбирает русский язык. Таким образом, в научном идиолекте М. В. Ломоносова наблюдается латинско-

русская диглоссия не столько по параметру «наука / не наука», сколько по параметру «естественные/гуманитарные науки»; кроме того, прослеживается тенденция к постепенной русификации деловой, научно-популярной и учебной сфер общения.

Список литературы

Багрян А. Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 81–86.

Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII – XVIII веков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 240 с.

Данилина Н. И. Диалоги в ренессансном научном тексте // Актуальные проблемы изучения и преподавания дисциплин античного цикла: коллективная монография. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2025а. С. 206–215.

Данилина Н. И. Риторическая организация научной речи М. В. Ломоносова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025б. Т. 47, № 1. С. 53–58. doi 10.15393/uchz.art.2025.1128

Данилина Н. И. Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов Ломоносова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 8–12. doi 10.15393/uchz.art.2023.951

Какзанова Е. М. Жанры научного текста: обзор мнений // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 129–138.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Кузьминых Ж. О., Красильникова Н. В. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2022. № 7 (97). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (дата обращения: 17.10.2025)

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. / гл. ред: С. И. Вавилов, Т. П. Кравец; редкол.: В. В. Виноградов, А. В. Топчиев, С. Г. Бархударов, А. И. Андреев, Г. П. Блок, А. А. Елисеев, Г. А. Князев, В. Л. Ченакал; АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1983.

Нагиева Е. Б. Средства диалогичности публичной лекции в аспекте специфики жанра // Коммуникативные исследования. 2015. № 4 (6). С. 80–87.

Ненарокова М. Р. Рецепция античного жанра диалога в литературе эпохи Каролингов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29, № 1. С. 106–130.

Никитина Л. Е., Малышкин К. Ю. Речевой жанр научной рецензии через призму категоричности оценки // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 72–79. doi 10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. 304 с.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Русский научный академический текст: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 343 с.

Серебрякова С. В., Кибкало Р. И. Оценочность как прагматически значимый маркер авторского присутствия в научно-популярном дискурсе астрономии (на материале текстов В. Г. Сурдина) // *Известия ЮФУ. Филологические науки*. 2024. Т. 28, № 3. С. 72–83.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Солопов А. И. Латинский язык в жизни и творчестве Ломоносова // *Научные доклады филологического факультета МГУ*. 2013. Т. 7. С. 16–24.

Чалова О. Н. Негативная оценка в устном научном диалоге (на материале русского и английского языков) // *Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2025. Т. 25, № 2. С. 94–106. doi 10.37482/2687-1505-V423

Thümmigius. Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae opera Ludovici Philippi Thümmigii, professoris philos. ordinarii, reg. soc. scient. bor. sodalis. Vol. 1. Francofurtus; Lipsiae: Officina libraria Rengeriana, 1725. 512 p.

References

Bagiyan A. Yu. The main properties and principal characteristics of the popular science discourse. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*, 2014, issue 3, pp. 81–86. (In Russ.)

Vorob'ev Yu. K. *Latin in Russian Culture of the 17th–18th Centuries*. Saransk, 1999. 240 p. (In Russ.)

Danilina N. I. Dialogues in a Renaissance scientific text. In *Current Issues of Studying and Teaching Disciplines of the Ancient Cycle*. Nizhny Novgorod, 2025a, pp. 206–215. (In Russ.)

Danilina N. I. Rhetorical structure of Mikhail Lomonosov's scientific language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2025b, vol. 47, issue 1, pp. 53–58. doi 10.15393/uchz.art.2025.1128 (In Russ.)

Danilina N. I. Pragmatic component in the eighteenth-century language of science (based on Mikhail Lomonosov's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2023, vol. 45, issue 7, pp. 8–12. doi 10.15393/uchz.art.2023.951 (In Russ.)

Kakzanova E. M. Genres of scientific text: an overview of opinions. *Language, Communication and Social Environment*, 2012, issue 10, pp. 129–138. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. *Culture of Scientific Speech: Text and Editing*. Moscow, 2008. 280 p. (In Russ.)

Kuz'minykh Zh. O., Krasil'nikova N. V. Popular science discourse as a communication phenomenon: essence and main characteristics. *Universum: Philology and Art History*, 2022, vol. 7 (97). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (accessed 17 Oct 2025). (In Russ.)

Lomonosov M. V. *Complete Works*. In 11 vols. Moscow, Leningrad, 1950–1983. (In Russ.)

Nagieva E. B. The dialogueness means of public lecture in terms of genre specificity. *Communication Studies*, 2015, issue 4 (6), pp. 80–87. (In Russ.)

Nenarokova M. R. Reception of the ancient genre of dialogue in the literature of the Carolingian era. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2011, vol. 29, issue 1, pp. 106–130. (In Russ.)

Nikitina L. E., Malyshev K. Yu. The speech genre of scientific review through the prism of categorical assessment. *Speech Genres*, 2015, vol. 2 (12), pp. 72–79. doi 10.18500/2311-0740-2015-2-12-72-79 (In Russ.)

Essays on the History of the Scientific Style of the Russian Literary Language of the 18th–20th Centuries. Ed. by M. N. Kozhina. Vol. 1. Development of scientific style from the perspective of the functioning of linguistic units of different levels. Perm, 1994, 304 p. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *Genres of speech in functional and stylistic coverage: Russian scientific academic text*. Dr. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 2002. 343 p. (In Russ.)

Serebryakova S. V., Kibkalo R. I. Evaluation as a pragmatically significant marker of the author's presence in astronomical popular scientific discourse (based on V. G. Surdin's texts). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2024, vol. 28, issue 3, pp. 72–83. doi 10.18522/1995-0640-2024-3-72-83 (In Russ.)

Dictionary of Literary Terms. Comp. and ed. by L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moscow, 1974. 509 p. (In Russ.)

Solopov A. I. The Latin language in the life and work of Lomonosov. *Scientific Reports of the Faculty of Philology of Moscow State University*, 2013, vol. 7, pp. 16–24. (In Russ.)

Chalova O. N. Negative evaluation in oral scientific dialogue (based on Russian and English). *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series Humanitarian and Social Sciences*, 2025, vol. 25, issue 2, pp. 94–106. doi 10.37482/2687-1505-V423 (In Russ.)

Thümmigius. *Institutiones philosophiae Wolfianae*, in usus academicos adornatae. Opera Ludovici Philippi Thümmigii, professoris philos. ordinarii, reg. soc. scient. bor. sodalis. Francofurtus; Lipsiae, 1725, vol. 1. 512 p. (In Latin)

Информация об авторе

Данилина Наталия Ивановна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского и латинского языков
Саратовский государственный медицинский
университет им. В. И. Разумовского
410012, Россия, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112
danilina_ni@mail.ru

SPIN-код: 8581-4560

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

ResearcherID: W-4916-2017

*Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена
после рецензирования 16.12.2025; принята к публи-
кации 14.01.2026*

Information about the author

Natalia I. Danilina

Professor in the Department of Russian
and Latin Languages
Saratov State Medical University
named after V. I. Razumovsky
112, Bolshaya Kazachya st., Saratov, 410012, Russia
danilina_ni@mail.ru

SPIN-code: 8581-4560

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>

ResearcherID: W-4916-2017

*Submitted 22 Nov 2025; revised 16 Dec 2025;
accepted 14 Jan 2026*

УДК 811.111'42:32

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-28-36

EDN EESWAQ

<https://elibrary.ru/eeswaq>

Роль экспрессивных средств в реализации стратегии убеждения в современном предвыборном политическом дискурсе Великобритании

Мошкова Олеся Андреевна

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
o.a.moshkova@yandex.ru

Аннотация. Интерес к изучению стратегического аспекта речи и речевого планирования сохраняется на высоком уровне. В данной статье рассматриваются стратегия и тактики убеждения в современном политическом дискурсе Великобритании. С позиций риторического подхода анализируется роль языковой экспрессии в их реализации. Материалом исследования послужили выступления британских политиков (Риши Сунака и Кира Стармера) в рамках предвыборной кампании 2024 г. Используемые лидерами выразительные средства на синтаксическом, лексическом и фонетическом уровнях обнаруживают разные механизмы персуазивного воздействия. Выявлена системообразующая роль синтаксических средств экспрессивности: в выстраивании логической аргументации они позволяют раскрыть концептуальную целостность выступлений, расставить необходимые акценты в реитерации, показать контраст позиций, реже выполняют задачи сокращения дистанции между адресантом и адресатом. Частота использования и универсальность этих средств позволяет отнести их к традиционным для данных речевых актов. Лексические и фонетические выразительные средства направлены на удержание внимания аудитории и формирование эмоциональной оценки. Их персуазивность основана на силе эмоционально заряженного образа. В то же время их применение опционально, индивидуально, зависит от способностей оратора и потому существенно влияет на проекцию его коммуникативной личности. Электоральный успех одного из оппонентов позволяет с определенной долей уверенности говорить об успешности выбранных им тактик и языковых средств для их реализации.

Ключевые слова: экспрессивные средства; стратегия убеждения; тактики; речевое воздействие; политический дискурс.

Для цитирования

Мошкова О. А. Роль экспрессивных средств в реализации стратегии убеждения в современном предвыборном политическом дискурсе Великобритании // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 28–36. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-28-36. EDN EESWAQ

The Role of Expressive Means in the Implementation of Persuasion Strategy in the Modern Pre-Election Political Discourse of Great Britain

Olesya A. Moshkova

Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
o.a.moshkova@yandex.ru

Abstract. The interest in studying the strategic aspect of speech and speech planning remains at a high level. This article examines the strategy and tactics of persuasion in the modern political discourse of Great Britain. The role of expressive means in the realization of persuasive tactics is analyzed from the standpoint of the rhetorical approach. The public speeches of British politicians (Rishi Sunak and Keir Starmer) in the 2024 election campaign are used as the material of the research. The expressive means employed by the political leaders at the syntactic, lexical and phonetic levels activate various mechanisms of persuasive influence. The article reveals the fundamental role of syntactic stylistic devices: in presenting series of logical arguments, they serve to emphasize the conceptual integrity and coherence of speech, they accentuate ideas that are central to the speech through reiteration, they help to show the contrast between the positions, and less often they perform the tasks of reducing the distance between the speaker and the addressee. The frequency of use and the universal character of these tools make it possible to classify them as traditional ones for these particular speech acts. Lexical and phonetic expressive means are aimed at retaining the audience's attention and forming an emotional assessment. Their persuasive potential is based on the power of an emotionally charged image. At the same time, their use is optional, individual, depends on the speaker's abilities and talents and therefore significantly affects the projection of their communicative personality. The electoral success of one of the opponents quite clearly indicates the success of the chosen tactics and language tools for their implementation.

Keywords: expressive means; persuasion strategy; tactics; linguistic manipulation; political discourse.

For citation

Moshkova O. A. The Role of Expressive Means in the Implementation of Persuasion Strategy in the Modern Pre-Election Political Discourse of Great Britain. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 28–36. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-28-36. EDN EESWAQ (In Russ.)

Введение

В политическом дискурсе Великобритании сохраняют традиционное место и значение выступления ведущих политиков на ежегодных партийных конференциях, которые являются важнейшей площадкой, позволяющей озвучить программу партии и консолидировать ее членов в преддверии всеобщих выборов. В кампании 2024 г. произошла смена власти: после четырнадцати лет правления консерваторов у руля оказались лейбористы. Несмотря на то что их победа выглядела «нетриумфальным триумфом» [Ананьева 2024] в контексте кризиса, переживаемого обеими ведущими партиями, именно лейбористам удалось набрать больше политических очков и победить на выборах.

В публичных выступлениях политиков, нацеленных на сплочение партии и общества вокруг предлагаемой линии реформ в предвыборный период, воздействующая функция доминирует над информационной и развлекательной. Речевое поведение лидера строится исходя из мотива обеспечить электоральный успех партии. Средства речевого воздействия подбираются с опорой на осознанные мотивы, цели и задачи, с учетом существующих социальных правил и норм для речевых актов в определенных прагматических ситуациях. Наряду с целеполаганием и речевыми традициями, представления об адресате играют ключевую роль в выстраивании коммуникативной стратегии. Языковые средства являются ва-

риативными, и каким из них отдаст предпочтение оратор – зависит от прогноза потенциального воздействия на аудиторию. Стратегии речевого поведения наиболее эксплицитны в диалогической речи [Вишневецкая и др. 2017: 88], но монологическая речь в политическом дискурсе также является результатом речевого планирования, в ней присутствует стратегический аспект.

Понятия риторических и коммуникативных, или речевых, стратегий разрабатываются рядом исследователей. По мнению Н. К. Пригариной, под риторической стратегией понимается общая линия поведения оратора, необходимая для достижения поставленной им цели и воздействия на конфликтную аудиторию [Пригарина 2009: 166]. У О. С. Иссерс более широким понятием предстают речевые, или коммуникативные, стратегии, определяющие семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего и подразделяющиеся на основные (семантические или когнитивные) и вспомогательные (прагматические, диалоговые и риторические) [Иссерс 2008: 108]. Т. В. Артемова и П. А. Катышев называют риторическую стратегию индивидуальным воплощением коммуникативной стратегии [Артемова, Катышев 2008: 13]. Стратегии реализуются через речевые тактики и коммуникативные ходы. А. П. Сковородников определяет речевую (коммуникативную) тактику как «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее то-

му или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Эффективное... 2012: 247]. Коммуникативные ходы – это коммуникативные приемы более низкого порядка, которые выступают в качестве инструмента реализации речевых тактик [Иссерс 2008: 117].

Политический дискурс может быть отнесен к персуазивному дискурсу с высокой интенсивностью речевого воздействия, поэтому одной из его доминантных стратегий является стратегия убеждения. Тактики, направленные на ее имплементацию, разноплановы, так как персуазивность не только апеллирует к логике, но и включает эмоционально-чувственное воздействие [Чернявская 2025: 79]. Убеждающее сообщение может оказывать влияние эксплицитно и имплицитно [Николаева, Шишкина 2016]. При этом, по мнению И. А. Щербаковой, убеждение исключает намеренное искажение фактов, препятствующее самостоятельному критическому осмыслению реципиентом поступающих от говорящего данных [Щербакова 2023: 105–106].

Изучение коммуникативных стратегий и тактик возможно с когнитивных, риторических и прагматических позиций. При когнитивном подходе речевое воздействие меняет картину мира реципиента, его восприятие предмета разговора. Прагматический подход делает акцент на достижении целей речевой деятельности с учетом ситуативных условий коммуникации и личностей участников. В близком к нему утилитарном аспекте, уделяющем особое внимание целям и мотивам речевого общения, стратегии и тактики представляются эффективными, если помогают говорящему достичь запланированного перлокутивного эффекта, в случае стратегии убеждения это согласие адресата с мнением говорящего и выполнение его воли [Азылбекова 2011: 134]. Наконец, в риторическом аспекте исследуется арсенал средств оратора, позволяющий добиваться поставленных целей речевой деятельности.

Материалы и методы исследования

Представляется интересным с позиций риторического подхода рассмотреть речевые тактики, коммуникативными ходами для которых стали средства экспрессивности, чтобы оценить роль последних в реализации стратегии убеждения в публичных речах британских лидеров. Это позволит нам получить представление о том, какие тактики и языковые средства находятся в их инструментарии, каков механизм их персуазивного воздействия, чем обусловлен их выбор. Нами были проанализированы выступления премьер-министра Р. Сунака на съезде консерваторов в Манчестере 4 октября 2023 г. и лидера оппози-

ции К. Стармера на лейбористской конференции в Ливерпуле 10 октября 2023 г. При анализе текстов использовались описательный, сопоставительный и контекстуальный методы.

Результаты исследования

В тактике экспертизы, предполагающей выстраивание логической аргументации, особая роль отведена экспрессивному синтаксису. В подготовленной монологической речи британских политиков синтаксические средства экспрессивности носят системный, структурообразующий и надындивидуальный характер [Антонина и др. 2020: 64]. Их применение отвечает сложившимся речевым традициям и позволяет воздействовать на целевую аудиторию определенным образом. Среди них наиболее частотны случаи разнообразных повторов. Их примеры мы можем найти у обоих лидеров.

Анафора и эпифора, основанные на воспроизведении соответственно начальных и конечных частей фраз или предложений в сопредельных отрезках речи, связывают высказывание в единый концептуальный блок и способствуют созданию ритмичного эффекта, подводящего к смысловой кульминации:

It is family that cares for us at the beginning of our life...

...it is family that helps us learn...

...it is family that sustains us...

...and in old age it is family that lightens the autumn of our days. (Rishi Sunak)

*We will face down the age of insecurity. **Together.***

*Break the stranglehold of Tory decline. **Together.***

*Walk towards a decade of national renewal. **Together** (Keir Starmer).*

Анадиплосис (подхват конечного элемента и его повторение в начале следующего отрезка) также акцентирует внимание слушателей на концептуальной связанности речи, задает ритм и позволяет добиться выразительности: *Couldn't change even in the pandemic when our country came together to **follow rules. Rules** that they set. And they broke (ibid.).*

Р. Сунак выстраивает цепочку подхватов в рамках одного предложения. Потенциал убедительности такого фрагмента возрастает, так как анадиплосис раскрывает внутреннюю логику высказывания, способствует эмпазе: *I know you want **tax cuts**, I want them too – and we will deliver them. But the best **tax cut** we can give people right now is to halve **inflation** and ease the cost of living. And with **inflation** under control, our **debt** reduction will become easier, and as **debt** falls, **confidence** grows, and as **confidence** grows so too will our economy.*

Синтаксический параллелизм, совмещенный с анафорой, эпифорой или анадиплосисом, может

охватывать объемные части текста. Использование схожих грамматических структур в нескольких предложениях упорядочивает и ритмично организует отрезок речи, благодаря чему он воспринимается целостно, как объединенный общим смыслом.

We were the first country to send Western battle tanks to Kyiv, now more than ten others have followed. We were the first country to send long range weapons to Kyiv, now France and the United States have followed. We were the first country to agree to train Ukrainian pilots, now more than a dozen others have followed (Rishi Sunak).

People are looking to us because they want our wounds to heal. And we are the healers. People are looking to us because these challenges require a modern state. And we are the modernisers. People are looking to us because they want to build a new Britain. And we are the builders (Keir Starmer).

В представленных выше примерах мы наблюдаем троичную модель построения параллельных конструкций. Трехчастная структура является продуктивной для разных уровней экспрессивного синтаксиса. Она также прослеживается в рядах однородных членов:

...we can't similarly deal with matters of fundamental sovereignty, safety, and control (Rishi Sunak).

Unable to see, unable to listen, unable to stand in your shoes and serve this country (Keir Starmer).

К. Стармер неоднократно использует более сложную, разветвленную модель, где последний – третий – компонент также имеет троичную структуру:

But I believe in this country. I believe in its spirit. In its people, in its businesses, in its communities.

It's a future with more beautiful cities. More prosperous towns. New parks, new green spaces, new public services – all aligned with our plan.

Трехкомпонентные ряды обладают уникальными просодическими характеристиками. Внешние благозвучие и стройность экстраполируются на содержательную сторону, порождая иллюзию логичности смыслового наполнения. Этим часто пользуются ораторы-политики.

Экспрессивность двухкомпонентной структуры синтаксических средств также часто эксплуатируется в политическом дискурсе – как для акцентирования значения, так и для контраста и противопоставления.

Повтор синтаксической структуры реплики стимула с уточнением одного из компонентов через его замену или модификацию приводит к усилению коммуникативного намерения оратора:

Not despite Brexit, because of Brexit (Rishi Sunak).

There is more. There's lots more (ibid.).

But look – here's what we can't do. We can't take advantage (Keir Starmer).

К. Стармер в своей речи часто использует парные синонимы (*shocked and appalled, safe and secure, distracted or divided, growth and dynamism*) и совмещает двух- и трехчастные конструкции, претендуя на большую выразительность и убедительность:

And through all this, because of all this democratic rules, democratic values, democratic certainties are under attack.

Roads, tunnels, power stations – built quicker and cheaper.

У Р. Сунака находим структуру из трех двухкомпонентных элементов. Такой композиционный рисунок делает высказывание выразительным и ритмичным и создает эффект широкого охвата, что далее подчеркивается лексически: *An alternative, which in place of one delayed and over running project will now begin hundreds upon hundreds of new projects large and small, road and rail, bus and train, covering the whole country.* У него же примечательны двухчастные лозунги, построенные как параллельные конструкции: *a man is a man and a woman is a woman.* Подобная композиция подчеркивает категоричность и безапелляционность постулата, позиционируемого как незыблемая истина.

Тактика контрастного анализа, опирающаяся на сопоставление, и тактика игры на повышение или понижение как попытка придать большую значимость своей работе и принизить достижения политических противников реализуются в том числе через антитезу. Антитеза как стилистическая фигура, в которой параллелизм синтаксических структур усиливается содержательным контрастом, используется обоими политиками. Она часто возникает там, где нужно противопоставить «ошибочные» решения политических предшественников или оппонентов и «правильные» собственные методы и предложения. Антитеза апеллирует к дихотомии категорий «свой – чужой», «хороший – плохой», «правильный – неправильный» и задействует бинарные оппозиции как имманентный атрибут дискурсивного мышления, чем и объясняется ее высокий персуазивный потенциал.

Thirteen years of 'things can only get better' versus thirteen years of 'things have only got worse' (Keir Starmer).

No longer a party of protest. A party of service (ibid.).

Because our political system is too focused on short-term advantage, not long-term success (Rishi Sunak).

Случаи использования рядов однородных членов довольно многочисленны у обоих политиков. Это выразительное средство позволяет реализовать тактику реитерации в случае, если в качестве однородных членов выступают синонимы или слова одного семантического поля. Тогда их «наслоение» в пределах предложения или отрезка речи способствует достижению кумулятивного эффекта, усилению значения:

*I wanted to come here to Manchester today, to say that this will be our **priority**, our **focus**, our **project*** (ibid.).

*Because it's exactly in moments like this, when people **want** change, **need** change, **cry out for** change...* (Keir Starmer).

*A Britain **strong** enough, **stable** enough, **secure** enough for you to invest your **hope**, your **possibility**, your **future*** (ibid.).

Реже встречается градация, примеры которой мы находим в речи К. Стармера. В первом из них выстраивается цепочка глаголов, отражающих ухудшение экономического развития Великобритании при консерваторах от замедления до стагнации и экономического упадка. Стадиальное развитие идеи недостаточности приводит к осязательному возрастанию отрицательного заряда высказывания. Во втором примере градация выстраивается по принципу климакса, от меньшего к большему, чтобы подчеркнуть уходящее в бесконечность время в очередях на получение медицинского обслуживания:

*The never-ending cycle of Tory Britain. ... **Drift**. **Stagnate**. **Decline**.*

*Pensioners waiting **weeks**, **months**, sometimes waiting **years** just to get the care that they need.*

Усилению значения, эмфазе способствует и тавтологический повтор, намеренное избыточное употребление одного слова в отрезке речи: *An answer to the outrage that is seven and a half million people **waiting**, **waiting**, **waiting** for treatment in our NHS* (Keir Starmer).

Тактика реитерации раскрывается и через репликацию ключевых слов и фраз. Неоднократное повторение смыслообразующих фрагментов в неизменном или модифицированном, но узнаваемом виде содействует логическому акцентированию. Так, у К. Стармера рефреном выступает фраза *national renewal* (8 повторов), отражающая обещание партии в случае победы на выборах перестроить внутреннюю политику в интересах рабочих и пересмотреть подходы к решению социально-экономических проблем. Другим подерживающим эту линию слоганом выступил *a Britain build to last* (7 повторов) как заявленная приверженность проведению масштабных, глубоких, ориентированных на долговременную перспективу реформ в отличие от подвергаемых

критике ситуативных и краткосрочных решений консервативного правительства, *sticking plaster politics* (3 повтора), нацеленных на устранение симптомов, а не первопричин. Стране нужен новый кабинет – *mission government* (4 повтора), обновленная политика которого позволит Великобритании вернуть уверенность в будущем – *get/hold our future back* (5 повторов). Смысловые ключи повторяются на протяжении речи, выступают ее идейным стержнем, предваряют или завершают перечень обещанных в случае победы реформ. Этот список мер, вариативно озвученный 4 раза, также является рефреном. Он звучит в конце выступления, а финальная фраза (*Britain must. Britain can. Britain will get its future back*) не только воспроизводит одну из ключевых идей *get its future back*, но и перекликается с известным высказыванием Фр. Д. Рузвельта (*We can, we will, we must!*).

Рассмотрим, как тактику реитерации ключевых слов реализует лидер тори. Речь Р. Сунака на треть длиннее, чем у его лейбористского оппонента, но уступает в смысловом акцентировании. Постулируется намерение действующего правительства построить лучшее будущее для следующего поколения (*build a brighter future* – 4 повтора, *the next generation* – 4 повтора); рефреном звучит слово *change*, которое повторяется 30 раз в тексте и входит в финальный лозунг (*it is time for a change*). Вместе с тем политик делает смысловой акцент на сложностях, с которыми столкнулась партия во время пребывания у власти: с корыстными интересами влиятельных групп (*vested interests* – 4 повтора) и необходимостью принимать непростые «правильные» решения, ориентированные на будущее (*the right thing/ way/ decision* – 8 повторов, *long-term decisions* – 8 повторов). Эти рефрены, указывающие на идейные расхождения в обществе и собственной партии, лишены консолидирующей силы.

Среди средств экспрессивного синтаксиса, выполняющих задачи акцентирования и эмфазы, заметную роль играют асиндетон и парцелляция. Бессоюзие, предполагающее объединение однородных членов в единый блок, ускоряет ритм перечисления и придает высказыванию более категоричное и целостное звучание:

My values are simple: service, family, work (Rishi Sunak).

Left with the choice of paying £15,000 to go private or abandoning his career, his love, his joy (Keir Starmer).

Парцелляция, напротив, разделяя предложения на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных частей, делает акцент на каждой из них. Дополнительные паузы и нисходящий тон подчеркивают значимость каждого отрезка:

It isn't anger, it is an exhaustion with politics. In particular, politicians saying things, and then nothing ever changing (Rishi Sunak).

Terrorism. The movement of people. Criminal gangs who exploit their vulnerability. They're all challenges we must confront (Keir Starmer).

That's why we had to move so fast. Why we had to fight so hard to change this party (ibid.).

К. Стармер чаще использует парцелляцию в своем выступлении. Наряду со смысловым акцентированием она помогает оратору решить еще одну важную задачу: присоединительные конструкции, свойственные разговорному стилю, понижают регистр и создают ощущение беседы «на равных», что особенно важно для лидера партии, которая представляет интересы простых трудящихся. Ту же задачу решает эллипсис, воссоздающий в монологе интонации живой, динамичной диалогической речи:

She was a single Mum, two kids (Keir Starmer).

Days out, meals out, holidays the first things people cut back on (ibid.).

Способствующие установлению более тесного контакта и сокращающие дистанцию между субъектом и объектом средства диалогизации и интимизации, по мнению В. Е. Чернявской, имеют высокий персуазивный потенциал [Чернявская 2014: 31]. Они могут быть отнесены к средствам реализации речевой тактики апелляции к дружеским чувствам в рамках стратегии убеждения.

Итак, экспрессивность на уровне синтаксиса широко задействуется лидерами (дань устоявшимся традициям политического красноречия). Ее использование концептуально структурирует и ритмически организует речь, позволяет расставить смысловые и эмоциональные акценты и тем самым делает выступление более логичным и убедительным. Лексический и фонетический уровни экспрессивности также представлены, но выбор выразительных средств здесь зависит от предпочтений и способностей оратора и носит индивидуальный характер. С их помощью реализуются тактики привлечения внимания и эмоциональной оценки. Персуазивность этих средств объясняется воздействием на эмоционально-волевые компоненты личности адресата через образы, «рисуемые» оратором, часто «заряженные» определенной оценкой. Они создают фон для логической аргументации, отвечая за эстетическую и эмоциональную стороны выступления.

К. Стармер часто прибегает к метафорам: *the fire of change still burns in Britain; drain the reservoirs of our belief; winnow the confidence; the gnawing rot of despair; a wrecking ball to our finances; old wounds of division*. На метафоре он

строит один из главных слоганов своей избирательной кампании – *sticking plaster politics*. Проводя аналогию между поверхностными, не затрагивающими причин, антикризисными мерами консерваторов и заклеиванием раны пластырем, политик способствует формированию у слушателей необходимой эмоциональной оценки. Его метафоры преимущественно архетипичны, универсальны, развивают темы природных явлений (света, тьмы, огня, скал, воды, мореплавания), здоровья (раны), военного опыта (взрывы, бомбы) и др. Аргументативная сила таких метафор высока, так как они базируются на общечеловеческом опыте и понятны для всех [Будаев, Чудинов 2008: 63]. В следующем примере мы найдем развернутую метафору, где необходимая британцам экономическая стабильность сравнивается со скалой, укрывающей от бушующего моря как образа переносимых трудностей и позволяющей проследовать к более спокойным водам финансового благополучия: *Can we deliver the rock of stability they need to move forward in their lives? Shelter from the storm and a passage to calmer waters*. Затмеваящим свет препятствием политик иносказательно называет требующую реформирования систему планирования жилищного строительства: *Because there is one barrier so big, so imposing that it blocks out all light from the other side*. Установленные консервативным кабинетом ставки по ипотеке лидер лейбористов метафорически сопоставляет с бомбой, подорвавшей бюджет миллионов британских граждан: *...a Tory mortgage bombshell that has blown up the finances of millions*. Автор усиливает экспрессивность выступления через сравнения. Указывая на сходство падения национальной валюты с идущим на дно камнем, он обличает несостоятельность финансовой и фискальной политики оппонентов: *The pound sinking like a stone*.

Наряду со стилистическими приемами, тропами, К. Стармер использует множество фразеологизмов: *an iron law; turn the page; make or break; cut to the bone*. Иногда политик употребляет несколько оборотов в одном отрезке речи и обыгрывает их значение на фоне друг друга, что многократно усиливает образность: *The Conservative Party that brought our NHS to its knees, will put it in the ground. We have got to get it back on its feet*. Среди идиом представительно группа с элементом *hand*: *hold out a hand to, go hand in hand, work hand in glove with, wash our hands, in the hands of*. Возможно, этим подчеркивается тесная связь лейбористской партии с традиционным электоратом, занятым ручным трудом.

К. Стармер применяет языковую игру на лексическом и фонетическом уровнях. В следующем

выражении обыгрываются прямое и переносное значения слова *future*: будущее как будущее процветание страны, которое нужно построить, и как будущее поколение британцев, которое нужно обучить, снабдить необходимым образованием: *Because a future must be trained as well as built*. Развенчивая и высмеивая экономическую концепцию консерваторов о постепенном «просачивании» выгод, полученных богатыми слоями общества и корпорациями от предоставленных им налоговых льгот, к остальным слоям в виде инвестиций в бизнес и создания новых рабочих мест, лидер лейбористов «играет» с разными оттенками значений, которые приобретает слово *trickle* в комбинации с частицами. Так, вместо бессмысленного «просачивания» выгод на деле деньги стекаются в кошельки богачей, а рабочие места утекают, как вода: *Back to the trickle-down nonsense, that sees wealth trickle-up and jobs trickle-out*. Фонетическая языковая игра позволяет создать запоминающиеся, звучные слоганы: так, тори устроили «большой взрыв» в финансах (*“big bang”*), а наступающая лейбористская эра будет временем большого строительства (*“big build”*). Здесь игра основана на анафорическом повторе первого слова и первого звука второго слова.

Из фонетических выразительных средств у К. Стармера может быть отмечена аллитерация: *What is broken can be repaired. What is ruined can be rebuilt*. Наряду с синтаксическим и лексическим параллелизмом высказывание реплицирует ритмическую структуру и содержит заметную концентрацию звуков [b] и [r], создающих ощущение напора, энергии, динамики, преодоления преграды. Комбинацию этих звуков мы находим и в других слоганах политика:

Rebuilt. Renewed. Reconnected to an old partnership.

Bulldoze through the barriers in their way.

Таким образом, К. Стармер в своем обращении к лейбористской конференции предстает как энергичный и творческий человек, готовый повести за собой партию и страну, вместе с тем он стремится быть убедительным, привлекать и удерживать внимание слушателей, апеллировать к эмоциям, в том числе за счет лексических и фонетических выразительных средств, и говорить на равных с аудиторией. Предыдущие исследования коммуникативной личности К. Стармера позволяют отнести его к смешанному, пограничному типу политического лидера, совмещающему черты «агитатора» и «администратора» [Мухортов, Жовнер 2023: 66].

Арсенал экспрессивных средств Р. Сунака уступает «набору» средств оппонента в разнообразии. Их потенциал для реализации тактик при-

влечения внимания и эмоциональной оценки не используется политиком в полной мере. Есть единичные случаи метафор: *Today, I am changing all of that, pulling one of the biggest levers we have to change the direction of our country*. Здесь планируемая к внедрению система образования в Великобритании, сочетающая технические и академические предметы в обучении выпускников школ, образно сравнивается с рычагом, способным изменить направление движения всей страны. Случаем языковой игры является использование в одном отрезке речи трех слов, близких семантически и фонетически. Они обозначают параметры физических характеристик и оканчиваются на глухой межзубный звук: *...his greater breadth won't come at the expense of depth which is such a strength of our system*. Гораздо чаще лидер партии тори прибегает к фразеологизмам (*take for granted, with a straight face, in our heart of hearts, from scratch* и др.), что отражает стремление повысить степень выразительности речи, но с помощью уже существующих в языке средств. Употребление метонимии также не выходит за рамки привычного: например, в фразе *from Whitehall to Town Hall*, говоря о работе консерваторов на разных уровнях власти от центрального правительства до муниципалитетов, Р. Сунак использовал распространенные языковые единицы. Отсутствие ярких проявлений речевого мастерства отражается на образе оратора. Выступление характеризует его как партийного функционера, выдерживающего обозначенную линию реформ, но не отличающегося творческой смелостью. Его личный ораторский образ переносится на образ возглавляемой им партии, что негативно отразилось на итоге избирательной кампании для консерваторов.

Заключение

Как показало наше исследование, в публичных выступлениях современных политиков Великобритании стратегия убеждения и тактики, направленные на ее имплементацию (экспертизы, контрастивного анализа, игры на повышение или понижение, реитерации, апелляции к дружеским чувствам, привлечения внимания, эмоциональной оценки), часто предполагают использование экспрессивных средств. Экспрессивный синтаксис в речах ораторов носит системный, обязательный характер, помогая решить ряд важных задач в персуазивной коммуникации, а именно содержательно и композиционно связать речь, определить смысловые акценты, облегчить восприятие на слух. Вместе с тем лексические и фонетические средства экспрессивности задействуются факультативно, являются отражением ораторского таланта политика,

его индивидуальных предпочтений и имиджа. Их речевое воздействие в большей степени ориентировано на эмоционально-волевую сферу, сопутствует логической аргументации и носит поддерживающий характер.

Список источников

Keir Starmer – Keir Starmer's Speech at Labour Party Conference. URL: <https://www.ukpol.co.uk/keir-starmer-2023-speech-at-labour-party-conference/> (дата обращения: 01.06.25).

Rishi Sunak – Rishi Sunak's Speech to the Conservative Party Conference. URL: <https://www.ukpol.co.uk/rishi-sunak-2023-speech-to-conservative-party-conference/> (дата обращения: 01.06.25).

Список литературы

Азылбекова Г. О. Речевая стратегия убеждения: утилитарный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 133–136.

Ананьева Е. В. Парламентские выборы в Британии 2024 г. Нетриумфальный триумф лейбористов // Современная Европа. 2024. № 5 (126). С. 98–111. doi 10.31857/S0201708324050085.

Антонова Т. В. и др. Слово и текст в лингвистическом и переводческом аспектах: монография. / Т. В. Антонова, И. В. Барынкина, И. И. Икатова, О. А. Мошкова, Н. Н. Образ, А. Ю. Ряховская, Е. Д. Селифонова, Е. С. Храброва, С. А. Чугунова. Брянск: РИСО БГУ, 2020. 192 с.

Артемова Т. В., Катыхшев П. А. К вопросу об определении понятия «риторическая стратегия» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1–1 (1). С. 11–13.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: ФЛИНТА, 2008. 248 с.

Вишневецкая Н. А. и др. Понятие речевых стратегий и дискурс / Н. А. Вишневецкая, О. П. Козлова, О. Н. Романова, Н. Ю. Сидорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10–3 (76). С. 86–89.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Мухортов Д. С., Жовнер Е. А. Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 1. С. 53–69. doi 10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69.

Николаева Н. Н., Шишкина Е. Н. Реализация стратегий и тактик убеждения в современном англоязычном научно-популярном дискурсе // Гуманитарный вестник. 2016. № 1 (39). С. 1–19. doi 10.18698/2306-8477-2016-01-338.

Пригарина Н. К. Риторический аспект изучения стратегий и тактик аргументативной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (36). С. 165–169.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 185 с.

Чернявская В. Е., Горшкова Н. Э. Гибридизация жанра в персуазивной коммуникации // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 1. С. 74–89. doi 10.5922/2225-5346-2025-1-5.

Щербакова И. А. Коммуникативная стратегия убеждения: понятие, сущность и коммуникативные тактики ее реализации в современном английском языке // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 4 (31). С. 105–108.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2012. 882 с.

References

Azylbekova G. O. Strategy of persuasion: Utilitarian perspective. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2011, issue 1, pp. 133–136. (In Russ.)

Anan'eva E. V. UK general election-2024: Labour's untriumphant triumph. *Contemporary Europe*, 2024, issue 5(126), pp. 98–111. doi 10.31857/S0201708324050085 (In Russ.)

Antonova T. V. et al. *Word and Text in Linguistic and Translation Aspects*. Bryansk, Bryansk State Academician I. G. Petrovski University, 2020. 192 p. (In Russ.)

Artemova T. V., Katyshev P. A. To the question of the definition of the concept "rhetorical strategy." *Philology. Theory & Practice*, 2008, issue 1–1(1), pp. 11–13. (In Russ.)

Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metaphor in Political Communication*. Moscow, FLINTA Publ., 2008. 248 p. (In Russ.)

Vishnevetskaya N. A. et al. The notion of verbal strategies and discourse. *Philology. Theory & Practice*, 2017, issue 10–3 (76), pp. 86–89. (In Russ.)

Issers O. S. *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*. 5th ed. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p. (In Russ.)

Mukhortov D. S., Zhovner E. A. Linking word use and personality characteristics: A contrastive study into parliamentary communications of Labour leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, vol. 14, issue 1, pp. 53–69. doi 10.22363/2313-2299-2023-14-1-53-69 (In Russ.)

Nikolaeva N. N., Shishkina E. N. Implementation of persuasion strategies and techniques in the modern English popular science discourse. *Humanities Bulletin*, 2016, issue 1 (39), pp. 1–19. doi 10.18698/2306-8477-2016-01-338. (In Russ.)

Prigarina N. K. The rhetorical aspect of the study of the strategies and tactics of persuasive activities. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2009, issue 2 (36), pp. 165–169. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 185 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E., Gorshkova N. E. Hybrid genre in persuasive communication. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2025, vol. 16, issue 1, pp. 74–89. doi 10.5922/2225-5346-2025-1-5 (In Russ.)

Shcherbakova I. A. Communicative strategy of persuasion: The concept, the essence and communicative tactics of its implementation in modern English. *Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*, 2023, issue 4 (31), pp. 105–108. (In Russ.)

Effective Speech Communication (Basic Competencies): A Reference Dictionary. Ed. by A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Press, 2012. 882 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Мошкова Олеся Андреевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
теории английского языка и переводоведения
Брянский государственный университет имени
академика И. Г. Петровского
241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

o.a.moshkova@yandex.ru

SPIN-код: 9470-8418

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7617-3226>

ResearcherID: NLO-0552-2025

Статья поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена
после рецензирования 22.11.2025; принята к публика-
ции 30.12.2025

Information about the author

Olesya A. Moshkova

Senior Lecturer in the Department
of English Language Theory and Translation Studies
Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
14, Bezhitskaya st., Bryansk, 241036, Russia

o.a.moshkova@yandex.ru

SPIN-code: 9470-8418

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7617-3226>

ResearcherID: NLO-0552-2025

Submitted 09 Aug 2025; revised 22 Nov 2025; accepted
30 Dec 2025

УДК 81'282.3
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-37-48
EDN CISRVH

<https://elibrary.ru/cisrvh>

Мифологическая и магическая лексика в русских говорах Симбирского Поволжья

Мызникова Янина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
janinam@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является описание и анализ мифологической и магической лексики в русских говорах Симбирского Поволжья. Материалом работы послужили записи рассказов информантов из различных районов Ульяновской области, собранные автором и опубликованные исследователями-фольклористами. Отобранные лексемы были разделены на следующие тематические группы: наименования мифологических персонажей, наименования людей со сверхъестественными свойствами, глаголы с семантикой применения сакральных знаний и сверхъестественных способностей, глаголы со значением магического превращения, наименования результатов магического воздействия и состояний, излечиваемых таким воздействием, наименования каналов магического воздействия. При анализе лексики в составе каждой из групп применяется этнолингвистический подход, исследуются функциональный, ареальный и этимологический аспекты. Наиболее объемные группы – наименования мифологических персонажей и наименования людей со сверхъестественными свойствами – отражают наличие в Симбирском Поволжье локальных и региональных особенностей функционирования и этнокультурного наполнения этих групп слов, а также взаимодействие с автохтонными языками (*баня-ведун*), лексические заимствования (*витница*, *бабай*). В различных подгруппах зафиксированы лексемы регионального распространения (*бабай*, *татарин*, *буканка*) и локального характера (*бабоськи*, *чиганашки*, *самошка*, *оратый*). Диалектная лексема *домоведушка* является региональным маркером для домового, а использование форм с суффиксами *-ушк/-юшк-* (*дедушко-домовеюшко*) объединяет Среднее Поволжье с более обширным северо-восточным ареалом. Отмечены также региональные наименования существ демонического характера с корнем *шут-* (*шутовка*, *шутушка*).

Ключевые слова: тематическая группа лексики; мифологическая лексика; магическая лексика; русские говоры; диалектная лексика; этнолингвистика.

Для цитирования

Мызникова Я. В. Мифологическая и магическая лексика в русских говорах Симбирского Поволжья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-37-48. EDN CISRVH

Mythological and Magical Vocabulary in the Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region

Yanina V. Myznikova

Saint Petersburg State University
janinam@mail.ru

Abstract. The study aims to describe and analyze mythological and magical vocabulary in the Russian dialects of the Simbirsk Volga region. The material for this work was collected by the author from recordings of stories told by informants from various villages of the Ulyanovsk region as well as from data published by folklorists. The selected lexemes were divided into the following thematic groups: names of mythological characters, names of people with supernatural properties, verbs with the semantics of the use of sacred knowledge and supernatural abilities, verbs with the meaning of magical transformation, names of the results of magical influence and diseases cured through such influence, names of channels of magical influence. When analyzing the vocabulary within each group, the author applied the ethnolinguistic approach and studied the functional, areal, and etymological aspects. The largest groups are the names of mythological characters and the designations of people with supernatural powers. The study reveals the local and regional traditions of the functioning and ethnocultural “filling” of these lexical groups in the Simbirsk Volga region as well as interaction with autochthonous languages (*banya-vedun*), lexical borrowings (*vitnitsa*, *babay*). Various subgroups contain regionally distributed lexemes (*babai*, *tatarin*, *bukanka*) and locally specific ones (*babos'ki*, *chiganashki*, *samoshka*, *oraty*). The study describes lexemes that may be considered as regional markers for the mythological character of the master of the house (*domovedushka*) and that unite the Middle Volga region with the wider northeastern area. The study also notes regional names of demonic creatures with the root *shut-* (*shutovka*, *shushka*). Within the group of names of people with supernatural abilities, there are distinguished the names of those who use their knowledge to harm others and the designations of people who use their knowledge for healing.

Keywords: thematic group of vocabulary; mythological vocabulary; magical vocabulary; Russian dialects; dialectal vocabulary; ethnolinguistics

For citation

Myznikova Ya. V. Mythological and Magical Vocabulary in the Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 37–48. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-37-48. EDN CISRVH (In Russ.)

Введение

Исследования этнологов, фольклористов, лингвистов свидетельствуют об устойчивой сохранности веры людей в потустороннее, в силу колдовства, в методы народного целительства, что находит отражение в фактах языка. Хотя формы этих верований претерпевают определенные трансформации, полевые материалы демонстрируют ограниченное влияние образовательных и религиозных факторов на изучаемые стороны духовной жизни диалектоносителей. Вера в колдовство и магию, как показывают исследования ученых, является культурной универсалией [Христофорова 2010: 45] и находит свое отражение в лексической сфере языка.

Изучение мифологии, как части духовной культуры народа, представляет собой междисциплинарную задачу, над решением которой работают историки, этнографы, антропологи, фольклористы [Дынин 2012; Христофорова 2010; Виноградова 2000] и, конечно, лингвисты, ведь формой ее (мифологии) существования является текст. Мифологическая и магическая лексика, функционирующая в рамках мифологических текстов, неоднократно подвергалась исследованиям в трудах по этнолингвистике. Монография О. А. Черепановой «Мифологическая лексика Русского Севера» (1983) посвящена изучению

тематической группы наименований мифологических персонажей в системе народных верований с XVIII до XX в. Автор исследования вскрывает глубинную семантику ряда мифологем, рассматривает этимологические гипотезы, описывает трансформацию изучаемой лексической группы в новых исторических условиях [Черепанова 1983]. В своей докторской диссертации И. И. Руסיнова детально описывает лексику колдовства, знахарства, функционирующую в русских мифологических текстах, как особую идеографическую сферу [Руסיнова 2022]. Е. Е. Левкиевская в диссертационном исследовании «Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика» рассматривает восточнославянский мифологический текст как совокупность представлений о мифологических персонажах и мифологических функциях, являющих собой основные тематические и структурные элементы мифологической системы [Левкиевская 2007].

Материалом для данного исследования послужили записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2024 г. в ходе экспедиций в ряде населенных пунктов Старомайнского, Чердаклинского, Мелекесского, Николаевского, Инзенского, Карсунского, Сенгилеевского районов Ульяновской области, а также фрагменты диалектной речи из коллективной монографии

«Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь» (2012). Помимо выявления ареальных и мотивационных особенностей диалектной мифологической и магической лексики, в исследовании применяется комплексный подход с привлечением этнокультурных данных и этимологических сведений в отношении некоторых лексем. В связи с полевым характером материала актуальным представляется функциональный подход к описанию особенностей ряда слов.

Отметим, что в наших материалах наиболее возрастная группа информантов оказалась 1930-х гг. рождения. Несмотря на сохранение в народной среде веры в колдовство и магию, в настоящее время многие мифологические представления практически ушли из народной жизни. Лексика, которую удалось собрать, представляет собой «осколки» прежних тематических групп мифологической и магической лексики, которая молодым людям уже практически не известна или едва знакома по рассказам родственников преклонного возраста. Рассмотрим основные подгруппы исследуемой тематической группы.

Наименования мифологических персонажей

1. Персонажи-устрашители. Большая часть наименований мифических и полумифических существ в рассказах сельских информантов используется для воспитания (предостережения, запугивания) маленьких детей с целью предохранить их от совершения опасных действий (уйти без сопровождения старших на речку, в лес, в баню и т. д.), приводящих к жизнеугрожающим последствиям. По словам О. А. Черепановой, персонажи устрашения обладают основными признаками мифологичности, хотя и с некоторыми ограничениями: если даже они генетически реальны, «то в узусе их реальный характер или забыт, или неясен на данной территории, в данной социальной группе» [Черепанова 1983: 45]. В числе таких наименований зафиксированы следующие:

– **бабай** (*Бабака фсе нас бабаим пугала. Крестово-Городище Чердаклин.*), лексема в значении ‘фантастическое существо в образе страшного старика, которым пугают детей’ зафиксирована в (СРНГ 2: 15) с территориальными пометами Том., Свердл., Исык-Куль; *бабай* – слово тюркского происхождения: татар. *бабай* – обращение к дедушке, деду, старику (ТРС 1: 181); также используется общеупотребительная лексема **бабайка** (*Вот бабайка придёт и уташишит тебя. Рязаново Мелекес.*);

– **самошка** ‘мифическое существо, которым пугают детей’ (*Самошкой вот нас пугали, если*

не слушались’. Красная Река Старомайн.), зафиксировано в с. Красная Река, вероятно, по своему происхождению связано с именем *Самул* (уменьшит. *Самошка*), локальная лексема (нет в СРНГ);

– **татарин** (то же): *Тиха, татарин идёт, вон стучит в окошка. Красная Река Старомайн.*); представители иных этнических и особенно профессиональных групп, проживавшие в сельском социуме, осознавались как чужие, а следовательно, опасные, способные причинить вред; как указывает И. И. Русинова, иноэтничные представители (в частности, татары) воспринимались как «знающие», способные причинить вред колдовством или излечить сверхъестественным способом [Русинова 2022: 166];

– **букан** (то же): *Как-та страшными буканами нарижалис’, маски на лицо-та наденут из кудели. Борады такя ис канпли-ти. Адни глаза астанут, яво и ни разбираеш, эта чей, какой. Проломиха Инзен. (ТКУП 2: 105), в СРНГ в значении ‘сказочное страшилище, которым обычно пугают детей; бука’ с пометами Влад. и Твер., также Сиб. (СРНГ 3: 262); также **буканка** (*Там бани вон пазади двароф-та: «В бани, – гаварят, – буканки сидят, вас забярут!» Первомайское Инзен. (ТКУП 2: 420)), в СРНГ приводится в значении ‘фантастическое существо, живущее в доме; домовый’ с пометами Калуж., Перм. (СРНГ 3: 262);**

– **бабоськи** ‘бесы’ (*Бабос’ки – эта мелкие пакостные существа, как и чиганашки. Барановка Николаев.*), локальная лексема;

– **чиганашка** – обычно мн. ‘бесы’ (*Патамушта бегают чиганашки, эта нечистые духи, ани бегают везде. Барановка Николаев.*), часто упоминаются в связи с запретом мыться в бане после двенадцати ночи (подробнее см. в следующем пункте).

Таким образом, в данной группе имеются как общеупотребительные и интердиалектные наименования мифических существ (*бабайка, букан*), так и лексемы регионального распространения (*бабай, татарин, буканка*) и локального характера (*бабоськи, чиганашки, самошка*).

2. Другая группа наименований мифологических существ, связанных с низшей мифологией, функционирует в рамках нарративов (быличек) или поверий и запретов. Чаще всего встречаются наименования домового, русалки и беса в образе умершего (*летун*).

Домовой относится к персонажам низшей мифологии – «хозяевам», обитающим «в доме» в широком смысле слова [Черепанова 1983: 22]. Основная функция домового – охрана домашнего очага. Проанализировав полевые материалы по Ульяновскому Присурью, а также данные фоль-

клорных исследований по сопредельным регионам [Мифологические рассказы и поверья... 2007; Дынин 2004; Власова 1998], авторы монографии «Традиционная культура Ульяновского Присурья» приходят к выводу о преобладании в регионе таких номинаций домового, как *дедушка*, а также *домоведушка* с вариантами *домови-душка*, *домовитушко* (ТКУП 1: 117). По данным СРНГ, наименования *домоведушка* и *домови-душка* фиксировались еще в XIX в. в Сызранском уезде Самарской, затем Симбирской губернии (СРНГ 8: 119). «Это позволяет предположить, что слово «домоведушка» является региональным маркером для данного персонажа» (ТКУП 1: 117). Наименование *дедушка* зафиксировано и в наших полевых материалах в Симбирском Заволжье: *До синякоф, вот у меня был, знаш как зажмёт, начнёт кавырят'-ть. Нада ставит' еду: «Дедушка, можэт, ты один, тебе плоха, айда с нами жьит'»*. Большая Кандаля Старомайн. В некоторых селах домового называют *хозяин*: *Эта хозяин, домовый. <...> Манин'кый такой, волысы на нём вот так, длинны вроди волысы на нём*. Вальдиватское Карсун. (там же: 357).

Согласно данным Е. Е. Левкиевской, по типу наименований домового Симбирское Поволжье является частью ареала восточных территорий Русского Севера (включая Каргопольский р-н Архангельской обл.) и Средней Волги, «где наряду с нейтральными обозначениями персонажа типа *домовой* распространены диминутивы с суффиксами *-ушк-/-юшк-* (к примеру, *дедушко-домовеюшко*)» [Левкиевская 2007: 28]. О. А. Черепанова пишет: «Слово, *дедушка* используется как табуистическое именование домового, оно обязательно в комплиментарных обращениях к домовому и дворовому, а к женскому персонажу – *бабушка, матушка*» [Мифологические рассказы и легенды... 1996: 77]. Домашние пенаты онтологически предстают как души умерших, предки, которые не покидают своего очага, участвуют в жизни потомков, предопределяют их судьбу, нередко помогают им [там же].

В ряде областей Поволжья (Владимирская, Нижегородская, Ярославская, Пензенская) домового называли *шут*. В Симбирском Поволжье, в частности в Ульяновском Присурье, встречается наименование *шутушка* (в селах Большое Шуватово и Валгуссы): *Любк, эта у вас шутушка! Кто-нибуть' жьыл – ни взял*. Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 362). «Слово «шут» в данном регионе чаще всего обозначает принадлежность к сфере демонического, что позволяет предположить причисление домового к вредоносным персонажам» (там же: 118). Однако в речи в обращениях к домовому такое наименование обычно смягча-

ется уменьшительным суффиксом *-ушк-* и сочетанием с другими уменьшительно-ласкательными формами: *Шутушка-батюшка, айда с нами ужинайт'!* Большое Шуватово Инзен. (там же: 363); *«Шутушка-дамавитушка, я ухажу вот в новый дом, айда са мной!» Пригаваривали и фсё*. Валгуссы Инзен. (ТКУП 2: 170).

По сделанным записям, домовый чаще всего положительно реагирует на доброжелательное отношение, поэтому обращения к домовому обычно представляют собой имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*-ушк-*, *-еньк-*), сложные слова, включающие корни с положительной оценкой (*добро-*), словосочетания и сочетания с приложением и с главным словом *дедушка* и *шутушка*: *дедушка-доброхотушка, добродедушка, шутушка-батюшка, шутушка-домовитушка, дедушка-домовой, дедушка-домовитенький, дедушка-домоведушка*. Наблюдается широкое варьирование эпитетов в составе двойных наименований домового: *домовитушка // домовидушка // домоведушка*, сближая данное определение домового с корнями *вид(еть)* и *вед(ать)*, что соответствует основным функциям домового. По словам Л. Н. Виноградовой, связь домового с домом не ограничивается его соотнесенностью с определенным локусом, это опекун всего хозяйства, «в определённом смысле хозяин и глава всей семьи, живущей в доме» [Виноградова 2000: 271]. В рассказах о переселении в новый дом часто используются эпитеты *доброходушка // доброхотушка*: *Дедушка-дабраходушка, пайдём с нами! Сухой Карсун Карсун*. (ТКУП 1: 363); *Дедушка-доброхотушка, айда к нам жьит'!* Ждамирово Сур. (ТКУП 2: 172). Возможно, во внутренней форме этих приложений актуализируются значения словосочетаний *добра хотеть* и *с добром ходить*, существует поверье о необходимости забрать своего домового в новый дом: *Чай гаварят, дамавой какой-та жьвьёт ф каждым даму, ф каждым, слыш, даму должын он жьит', а если ни будит жьит' — дома ни будит, сгарит или чаво*. Ждамирово Сур. (ТКУП 1: 365).

М. А. Гранова анализирует материалы пермских говоров и показывает, что ритуальные формулы-обращения к духу дома имеют контакто-устанавливающую и защитную, апотропейную функцию. При этом вербальными средствами для задабривания демонов могут являться термины родства, «через использование которых человек пытается “побрататься” с духами и таким образом избежать возможного вредоносного воздействия с их стороны, и ласкательные суффиксы, которые часто имеются одновременно и в структуре стержневого слова, и в структуре приложения» [Гранова 2020: 187].

Из наименований других низших мифологических существ, живущих в одном пространстве с человеком, в селах Николаевского района было зафиксировано название демонологического персонажа, живущего в бане, – *баня-ведун*: *Каторый в бане жыл, ево звали баня-ведун, эта дух, каторый живёт в бане*. Барановка Николаев.; *Помер вет' мужык в бане, запарили ево, вот эхтат самый баня-ведун*. Барановка Николаев. Данная лексема отражает влияние мордовского субстрата в сёлах Николаевского р-на, так как представляет собой композит, первая часть которого определяет вторую часть, такого рода сложение основ с выражением определительных или конкретизирующих отношений является характерной чертой мордовской грамматики [Евсеев 1931: 29], ср. мордовские наименования мифологических существ: морд. *банява* (*баня* + *ава*) ‘божество – покровительница бани’, *авинава* (*авин* + *ава*) ‘божество – покровительница овина’ [Девяткина 2007: 311].

Из низших мифологических существ, обитающих вне дома, важным персонажем в Симбирском Поволжье является русалка. Н. Ю. Трушкина, по экспедиционным материалам из Ульяновской области 1970–1990-х гг., описывает несколько женских демонологических персонажей, которые характеризуются сходными функциями, внешним обликом, статусом, генезисом, локализацией и общностью сюжетных схем и мотивов: *русалка*, *шутовка*, *шиишига*, *чеганашики/жиганашики* (обычно только во множественном числе), *беломойка* [Трушкина 2003: 45]. В проанализированных нами диалектных записях говорится о встречах с русалками у водоема: ночью они купаются, сидят на берегу, на камне, на дереве и расчесывают волосы. Когда стемнеет, их можно встретить в бане. В Симбирском Поволжье используются такие наименования русалок, которые соотносят их с бесами, нечистыми духами, например, *чиганашка* ‘русалка, мифическое существо’: *Айдати, а то чиганашка выйдит, и вас захватит, и утащит в речку!* Потьма Карсун. (ТКУП 2: 457); *Да эта адно и то жы — што чиганашка, што русалка*. Потьма Карсун. (там же: 450). Упоминание о *чиганашках* часто связано с запретом мыться в бане после двенадцати часов ночи, так как они могут запарить или защекотать до смерти. Как пишет Н. А. Криничная, использование бани «сопряжено с определенной регламентацией, нарушение которой чревато для посетителей незамедлительным наказанием» [Криничная 2004: 50]. Днем же мифические существа встречаются редко, они сходятся вместе на берегах рек, озер. В Симбирском Поволжье лексема *чиганашики* также употребляется в значении ‘бесы’.

Лексема *чиганашка* отмечена в русских говорах Республики Мордовия в значении ‘мифическое существо’, а форма множественного числа – в значении ‘дети, ребята’ (СРГМ 2: 1474). При этом в русских говорах Мордовии зафиксировано целое гнездо с корнем *шигán* ‘цыган’: *шигáна* ‘злая, сварливая женщина’, *шиганáшка* ‘ведьма’, *шиганáшки* ‘дети, ребята’ (также используется как бранное слово). Для обозначения детей в русских говорах Мордовии есть еще один вариант наименования – *шигайтáшки* (также используется в качестве ругательного слова) (там же: 1517). Возможно, источником лексемы *чиганашки* в значении ‘бесенята’ послужили слова *чиганашики* (*шиганашики*, *шигайтáшки*) в значении ‘дети, ребята’ (из ‘цыганята’). Полевые данные свидетельствуют о том, что *чиганашки* появляются только в одном локусе – в бане, где они пугают, щекочут, запаривают [Трушкина 2003: 45–46].

Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» допускают, что название «чиганашка» происходит от диалектного «чигán» ‘цыган’ (ТКУП 1: 119). Действительно, лексемы *чиган* ‘цыган’, *чиганка* ‘цыганка’, *чиганить* ‘попрошайничать, выпрашивать’, *очиганить* ‘обмануть’ имеют многочисленные фиксации в русских говорах, например, в вологодских (Кондаков 2022: 82, 137, 192, 207, 237 и др.; Мишнев 2013: 49, 167, 204 и др.) и в других говорах, характеризующихся цоканьем. Как было сказано выше, представители иных этнических и конфессиональных групп в закрытом сельском социуме воспринимались как потенциально опасные. По словам Н. А. Криничной, для наименования ведьм, колдунов, знахарей используются и определенные этнонимы, в южнорусской мифологической традиции это «татарин», в общерусской традиции – «цыган» [Криничная 2004: 390–391]. «Как и всем чужакам, цыганам приписывались контакты с нечистой силой и потусторонним миром» [Белова 2012: 495]. Исследуя магическую лексику Пермского края, И. И. Русинова пишет: «Не является неожиданным среди единиц, называющих людей, которым приписываются магические возможности, появление слов *цыган*, *цыганка*» [Русинова 2022: 167].

В похожих контекстах используется и слово *шиишига*. (ТКУП 2: 611). Во Владимирской области и в Поволжье *шиишигой* именуют существо, связанное с водой и напоминающее русалку; *шиишига*, как и *чиганашка*, часто упоминается в связи с запретом мыться в бане в ночное время [Власова 1998: 559–560]. О. А. Черепанова разъясняет: хотя лексикографические источники определяют значение слова *шиишига* как ‘чёрт, бес, нечистая сила’, текстовый и этнографиче-

ский материал показывает, что *шешига* – чаще женский персонаж, связанный прежде всего с водой или с баней [Черепанова 1983: 135]. К. Е. Корепова в своих комментариях к мифологическим рассказам пишет о том, что повсеместно в Нижегородском Поволжье русалку называют *водяной чертовкой* и *шешигой* [Мифологические рассказы и поверья... 2007: 89]. Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» приводят пояснения информантов о более позднем, современном использовании слова *русалка* по отношению к лексеме *шешига*: *Вот на речки вот шешиги, бывала, называли. А тут уж начали их, грит, «русалки» – шешигафти.* Чумакино Инзен. (ТКУП 2: 450). В Симбирском Поволжье лексема *шешига* используется и в более обобщённом значении ‘нечисть, ведьма, чёрт’: *Родители што-та дитя ни слушаица: вот, мол, шешига придёт, там или шчо каво памянут...* Новосурск Инзен. (там же: 420). Одно из наиболее частых употреблений слова *шешига* у современных диалектоносителей – в переносном значении в качестве ругательства: *Шешига – эта ругалис’, чай «шешига, вед’ма!» – чай ругалис’ ран’шы. Вот хто-нибут’ спаругаеца с бабай там или с кем: «Шешига бы тибя взяла, мат’ тибя!» Вот эт уш вроди шешига. Вед’ма, шешига – и адно и то жэ чай. Ну ни най, чай эт самы лукавый и эт сама шешига.* Кадышево Карсун. (там же: 611).

Другое наименование, отражающее бесовскую природу русалки, – *шутówka*: *Сидят – шутофки-те... Вот идёш када ночью в двенадцат’ часоф или ф три часа ночи, если кто баица, скажыт: «Ага, кто-та там – шутówka или там эта... на ваде шлёпат».* Палатово Инзен. (там же: 452). Название *шутówka* для русалок встречается во владимирских и костромских говорах [Дынин 2004: 114; Власова 1998: 566–567], таким образом, именование русалки *шутówкой* свидетельствует о миграционных потоках из Верхнего Поволжья (ТКУП 1: 118). В исследуемом регионе использование мифологемы «шут» расширилось и закрепились не только по отношению к русалкам, но и применительно к домовому, ряженым, что является, по мнению В. И. Дынина, особенностью лексики «низшей демонологии» средневожского локального типа [Дынин 2004: 140–141, 145–146]. Это положение подтверждается полевыми данными по Симбирскому Поволжью, «где русалки называются *шутówками*, домовый – *шутом*, а кроме того, это название носит популярный персонаж весеннего ряженья» (ТКУП 1: 121).

В нарративах о русалках часто вообще не содержится прямого названия, только описательные обороты с указанием наиболее выразитель-

ных признаков: *Глидит: как дефка стаит, гола, и вот эта, гаврит, дефка, я как, гаврит, я хлопнул, ана рас в воду – и бол’шы иё нет.* Княжуха Сур. (ТКУП 2: 451).

Одним из распространенных в Поволжье сюжетов нарративов (быличек) являются рассказы о *летунах* – так называют «ходячих» покойников, которые являются к излишне тоскующим по ним родным, чаще всего – к женам, плачущим по умершим мужьям [Мифологические рассказы и поверья... 2007: 143]. Летун обычно осознаётся информантами как бес, нечистая сила, принимающая обличье родного человека. Главная причина появления летуна и прихода покойника – излишняя тоска, плач, думы об умершем: *Ну, вот лятун литит, вроди таво, кто умрёт, таскуит, – вот лятун.* Коржевка Инзен. (ТКУП 1: 655–656). Наименование *летун* мотивировано способом передвижения нечистой силы – в виде летящего огненного шара с хвостом. «Постоянным качеством летающего является огненность, что в местных традициях закрепляется иногда терминологически» [Мифологические рассказы и поверья... 2007: 144]. В связи с этим в быличках могут встречаться наименования *шар, огненный (огневой, огнястый, красный) шар*: *Как шар, он как с крыл’йими литит, такой агнястый этат шар литит.* Засарье Сур. (ТКУП 1: 656).

В настоящее время в Симбирском Поволжье лексема *летуны* в форме множественного числа часто используется в качестве бранной, как аналог словам *чёрты, бесы*: *Хазяйка: «Литуны! Да вы чаво эта тут принисли! Вы чаво делаити!»* Шеевшино Сур. (ТКУП 2: 110). Лексема *летун* зафиксирована в костромских говорах в значении ‘дух, прилетающий к вдовам по ночам’ (Ганцовская 2015: 193), в русских говорах Республики Мордовия в значении ‘чёрт, нечистая сила’ (СРГМ 1: 488; СГСС 1: 382).

Наименования людей со сверхъестественными свойствами

Данная группа лексем включает наименования людей со сверхъестественными способностями, для которых наиболее частотными являются номинации литературного характера *колдун (колдунья)* и *знахарь (знахарка)*. По данным диалектных записей, выявляются скорее отрицательные свойства по отношению к окружающим для колдуна и скорее положительные – для знахаря. Но в целом ситуация в Симбирском Поволжье не отличается от описанной И. И. Русиновой для Пермского края: «Мифологические тексты территории не дают оснований для строгого деления “знающих” людей, то есть тех, кто наделяется сверхъестественным знанием, на “добрых” и “злых”: например, в диалектных сло-

варях Пермского края в толковании таких единиц одновременно могут использоваться слова *колдун* и *знахарь*» [Русинова 2022: 115]. Всех этих людей со сверхъестественными свойствами объединяет сакральное знание, закрытое для большинства обычных людей. Лексемы данной группы именуют людей, которые применяют свое тайное знание как для причинения вреда магическим способом, так и для лечения и противодействия уже нанесенному магическим способом вреду. Сакральным знанием, по словам И. И. Русиновой, могут обладать весьма различные персонажи: «колдуны, знахари, “профессионалы” (пастух, охотник и т. п.), старые люди, обладающие богатым жизненным опытом и традиционными знаниями своих предков, разного рода чужаки» [там же: 116].

Колдуны, использующие свое знание для причинения вреда, как правило, обладают и другими сверхъестественными способностями, например, летать, превращаться в животных (как правило, в свинью, собаку, кошку, птицу), наводить морок на человека, дезориентировать его в пространстве. *А вот пра Ната-Маньку рассказывали, што ана дажэ летала. Ана магла ф каво хочеш превратица, в жывотных превращалас', ф свин'ю, например. У нас тятёк к ней пахажывал. И ана сделала так, штоб он дамой не хадил, а вот именна к ней. И адин рас он вот вокрук фсё ходит, а дамой зайти он не можэст.* Барановка Николаев.

Другие наименования людей со сверхъестественными способностями чаще всего представляют собой словообразовательные диалектизмы:

- *ведун, ведунья* ‘колдун, колдунья’ (*Которые на плохое – те калдун'ьи или ведун, а варажэя – бол'шэ к лечебному. А катора калдавала – эта ведун.* Барановка Николаев.), лексема приводится в (БАС 2: 112), где помечена как просторечная; в Симбирском Поволжье сближается с колдунами, то есть на шкале обладающих способностью *вредить* – *лечить* располагается ближе к полюсу вреда;

- *волхун, волхунья* ‘колдун, знахарь; колдунья, знахарка’: *Окала этава калоца сабираюцца такии вот нидобрыи. Ну, эта гаварили, вот эти валхуны-та литают, валхуны.* Княжуха Сур. (ТКУП 2: 468), словообразовательный диалектизм;

- *глазунья* ‘колдунья, причиняющая вред взглядом’ (*Она была страшная глазун'ья вот.* Красная Река Старомайн.), словообразовательный диалектизм, локальная лексема, образованная по продуктивной для слов с подобной семантикой модели;

- *витница* ‘человек, умеющий лечить воздействием рук’ (*А поправляла витница, руками поправляла, руку или ногу, вывих поправляла. Вот*

Илифор-баба, она поправляла фсё, если не рожала. Телятниково Николаев.) – заимствовано из мордовского, ср. мордовское эзя *витемс* 1) ‘выправить, выпрямить’, 2) ‘исправить’, 3) ‘починить’, 4) ‘расправить’, 5) ‘вправить’ (ЭРС: 137); *витнемс* – многокр. к *витемс*; также эзя *виде* 1) сущ. ‘правда’, 2) прил. ‘прямой, правильный’ (там же: 132); отметим, что в сёлах Николаевского р-на в сфере целительства наиболее употребительным является глагол *править* ‘воздействовать на человека руками в лечебных целях’, *поправлять* ‘вылечить при помощи воздействия руками’ (*Была у нас баб Дуня, у нас у Толика была апушение жэлутка, и ана ему падняла жэлудак. Ани правили, направляли, кагда апушение. Гаварили: править.* Барановка Николаев.);

- *ворожэц, ворожэя* ‘знахарь, целитель; знахарка, целительница; человек, обладающий способностью колдовать’ (*А ехат' нада к варожцу, старичку.* Красная Река Старомайн.; *Варажэя – ана па-разнаму: варажыт' можна – калдават', и варажыт' можна – лечит'.* Барановка Николаев.); спецификой использования этих лексем в Ульяновской области является преимущественное отношение к целительству при помощи применения особых знаний, ворожбы.

Зафиксировано несколько наименований людей, обладающих знаниями и сверхъестественными способностями в лечении людей, с акцентом на тот или иной мотивационный признак:

- *лекарка* ‘целительница, знахарка, применяющая знания для лечения людей’ (*Цэлител'ницу лекаркай зовут.* Красная Река Старомайн.);

- *травник, травница* ‘народный целитель, практикующий лечение травами’ (*Они её [дочь] и к травникам возили.* Красная Река Старомайн.);

- *чернокнижница* ‘целительница, знахарка, лечащая ворожбой’ (*Цэлитил'ницу лекаркай зовут, кто и чэрнокнижницэй зовёт.* Красная Река Старомайн.)

- *бабка, баушка* ‘опытная целительница, знахарка’: *Ну, тётя Зина – ана хороша баушка. Ана тол'ка людям дабра делала. Ана варажыла. Каво – сглазу, каво – карову. Вот эдак-та.* Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 285); *У каво там спинка забалела или чао, пайдут там к бапке какой-нибут' – к лекарке.* Княжуха Сур. (там же: 285) – номинация с акцентом на возраст и опытность, наиболее частотная лексема для обозначения целителей.

Глаголы с семантикой

применения сакральных знаний и сверхъестественных способностей

Значительную часть тематической группы «Мифологическая и магическая лексика» состав-

ляют глаголы, значения которых можно обобщить следующим образом: ‘обладать сакральными знаниями и сверхъестественными способностями и использовать их для оказания помощи или нанесения вреда окружающим’. Максимально обобщенным значением обладают глаголы:

– **умѣть** ‘обладать даром’: *Была тѣт’ Дуня, ана дажэ в бане, ана лечила чо-та вот бесплодие, умела вот.* Барановка Николаев., диалектное значение (СРНГ 47: 184);

– **знать** ‘обладать магическим даром’ *Калдун’я была. Значѣт, ана знат чаво-та.* Палатово Инзен. (ТКУП 1: 568), диалектное значение (СРНГ 11: 311).

Ряд глаголов передаёт использование сакральных знаний и умений во вред окружающим:

– **дѣлать, сдѣлать, надѣлать** ‘наводить (наводить) порчу, портить’: *Там двор. Там пришли што-та наделали: у нас ес’т’, кому делат’, и знаем кто.* Крестово-Городище Чердаклин.; *Она умет з’делат’.* На смерть з’делана. Большая Кандаля Старомайн., слово используется в диалектном значении, в СРНГ не зафиксировано;

– **пóртить, испóртить** ‘наводить (навести) порчу на кого-л’: *Могут испортит’, порчу навес’ти.* Большая Кандаля Старомайн. *Эта в Васил’йефки-та былá: и портила, и личила – фсѣ дѣлыла.* Пятино Карсун. (ТКУП 1: 285), диалектное значение, широко распространено в русских говорах (СРНГ 30: 93);

– **сѣдáть** ‘наводить порчу’: *Как тол’ка карова телилас’ где-та ва дваре, Полкан-Натал’ка шла и забирала што-та са двара, то ес’т’ камен’ паднимет, щепку паднимет, и абязатил’на ана сѣдала этава или телѣнка, или ягнѣнка, или парасѣнка, здыхал этак парасѣнак. У нас гаварили, что ана сѣдала, пра калдун’ю, эта как порчу навела.* Барановка Николаев., лексема используется в диалектном значении, которое хорошо известно южнорусским говорам (СРНГ 43: 107).

Другая группа глаголов передает использование сакральных знаний и умений для оказания помощи окружающим:

– **ворожѣть, поворожѣть** – в Симбирском Поволжье имеет основное значение – ‘лечить при помощи особых знаний, магических приѣмов’: *Баба Зина личила. Варажыла. Ана очин’ намагала. К ней приижжали дажы с Дал’нива Востока.* Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 287);

– **пράвить (попράвить, поправлять)** ‘воздействовать на человека руками в лечебных целях’: *Бывает, жэница не ражала – прихадил к бабе Марусе в баню или к себе звали. Ана их направит, направит и радит. Жэлутики направляли, спину точно таг жэ.* Барановка Николаев.; в данном диалектном значении лексема фиксиру-

ются в южнорусских, севернорусских говорах, в Поволжье, на Урале и в Сибири (СРНГ 31: 57);

– лексемы **заговаривать** ‘лечить при помощи словесного воздействия (молитвами и заговорами)’ и **наговаривать (воду, масло, чай)** ‘придавать целебную силу путём словесного воздействия (молитвами и заговорами)’ являются общеупотребительными, приводятся в (БАС 4: 352; 7: 106);

– лексемы **отмывáть** ‘снимать сглаз при помощи молитвы, наговорѣнной на воду’ (*Тут и сами старухи атмывали такая, малитвай. Зделают вадичку, за ушами намажут, лоп намажут, папит’ дадут. Любой вадичкай, вот малитву прачитают и эта.* Коржевка Инзен.) и **отливáть** ‘снимать сглаз при помощи молитвы, наговорѣнной на воду’ (*Ана балеzni личила. Вот три раза пайдѣш: утрам три дня на два раза, утрам – вечерам, утрам – вечерам. Это ана, как гаварица, называца «отливания». Балеzn’ атливают как бутта, вот эта и правда. Чирис три дня бол’ эта праходит.* Большое Шуватово Инзен. (ТКУП 1: 289–290)) используются в диалектном значении, в СРНГ не зафиксированы.

Большая часть глаголов, обозначающих применение сакральных знаний и сверхъестественных способностей, представляют собой ограниченные определенными контекстами значения общеупотребительных лексем. «Значительная их часть является семантическими дериватами, пришедшими из иных тематических сфер, т. е. это слова, большей частью общерусские, употребляемые в мифологических значениях в определенных коммуникативных ситуациях – при описании магических практик» [Русинова 2022: 275].

Глаголы со значением магического превращения

Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» приводят следующие номинации «оборачивания», то есть превращения колдунов в животных и предметы в Ульяновском Присурье: *сделаться, становиться, обернуться, оборачиваться, обращаться, обратиться, перевёртываться, кувыряться (перекувыриваться), перекатиться, перепрыгнуть (перепрыгивать), прыгать и переворачиваться, наряжаться.* (ТКУП 2: 191). По нашим данным, наиболее типичными лексемами для реализации значения ‘превратиться, принять иное обличье’ в Симбирском Поволжье являются глаголы **дѣлаться** (и производные, например, **сделаться**), **нарядиться** (**наряжаться**), **кувыряться** и другие глаголы с исходной семантикой переворачивания, как правило, имеющие в своем составе приставку *пере-*: **перевернуться** (**переворачи-**

ваться), перекачаться, перекувырнуться. Мотив преворачивания символизирует обряд перехода из одного состояния в другое, из одного мира («этого света») в другой (потусторонний), что переключается с действиями по преворачиванию предметов, одежды для того, чтобы запутать представителей потустороннего мира (лешего, «ходячего покойника», беса). Как правило, объект превращения используется в форме творительного падежа: *наряжаться кошкой, перекачаться свиньей*.

Е. В. Сафронов и И. А. Морозов обращают внимание на использование глагола *наряжаться* для обозначения процесса превращения: «В Присурье оборачивание и обрядовое ряжение обозначались одним и тем же термином «наряжаться»: «Колдуны наряжаются лошадьё», то есть «оборачиваются лошадьё» (ТКУП 1: 121). Как отмечают авторы, рассказы об оборотнях часто пересекаются с описанием реальных случаев ряженья. В то же время ряженные на святочных гуляньях (их называли *святками*, *святóшниками*, *русалками*) часто наряжались цыганом и цыганкой, татаринном и татаркой, мордовкой либо надевали на себя вывернутые наружу шубы, шапки, тулупы, рваную одежду, «оборачиваясь» «пужалой» (чучелом), «чертом», «стариком», «лошадьё», «медведем», страшным «буканом» (ТКУП 2: 105). Авторы словаря «Традиционная культура Ульяновского Присурья» пишут: «Маркером средневожской и, шире – поволжской традиции, можно считать оборачивание в кошку или свинью, зафиксированное в наших записях» (ТКУП 1: 121). Зафиксированы следующие глаголы со значением магического превращения:

– *нарядиться, наряжаться* (кем-л.): *Эт колдуны. Адна нарижалас' свин'йей, што ли? Свин'йей нарижалас'. Ночью нарижалис' ани. Када, им, наверна, требуваца. Вот жэнишина адна кошкai нарижалас', тут вот, где мы жыли*. Кадышево Карсун. (там же: 575);

– *делаться, сделаться* (кем-л.): *Ну вот у ней мат'-та была колдун'йя. Вот сдельица тилёнкам или ищё чиво, или свин'йей сдельица*. Сухой Карсун Карсун. (ТКУП 2: 191);

– *кувыркаться*: *Ани какой-та заговор гаварят и – кувёркуюца. Да, и приврацаюца вот в эту в свин'йю или ва што-та. Такии вот вещи*. Потьма Карсун. (ТКУП 2: 196);

– *перекувырнуться* (кем-л.): *Вот дванацат' рас чириз нажы пирикувыркнүца чем ты – на чаво вьражыш. <...> Дельица он и ходит ноч-та, и ходит*. Тяпино Инзен. (ТКУП 2: 196);

– *преворачиваться*: *Пириварачиваюца чириз дванацат', грит, нажэй. Да, лезвиим так вверх, наверна*. Потьма Карсун. (ТКУП 2: 196);

– *перекачаться* (кем-л.): *Как-та ана умела чириз дванацат' нажэй – пирикувыркнёца, пирика́тица свин'йей. Калдывала чорнай магией*. Белый Ключ Сур. (ТКУП 2: 195).

Как и предыдущая группа слов, глаголы магического превращения представляют собой обусловленные определенной коммуникативной ситуацией диалектные значения общеупотребительных лексем.

Наименования результатов магического воздействия и состояний, излечиваемых таким воздействием

В числе результатов вредоносного магического воздействия, а также состояний (заболеваний), излечиваемых при помощи такого воздействия, нашедших отражение в лексических единицах, можно назвать общее недомогание, тяжелое состояние, названия конкретных болезней, причиненных колдунами, а также названия болезней, возникших как естественным путем, так и в результате колдовства:

– *испуг* ‘болезнь от сильного страха, испуга’: *От испуга, испугаца – тожэ лечыли, да, заговаривали*. Большая Кандаля Старомайн., лексема есть в (СРНГ 12: 249) с пометами Енис., Смол.;

– *крик* ‘громкий, непрерывный, болезненный плач ребёнка’: *И крик лечыла, тожэ выходила на зарю, лечыла. Ходили к ней вот, к матери*. Старая Майна Старомайн., лексема употребительна в Поволжье (СРНГ 15: 254);

– *дурнота* ‘плохое самочувствие’, *позевота* ‘зевота’: *Пзевота бывает ат зглаза, и дурнота, и пзевота*. Крестово-Городище Чердаклин.;

– *притка* ‘по суеверным представлениям – внезапная болезнь, которая могла быть вызвана колдовством, сглазом’: *Если напугасса как-та чово-та, потом мот где упала ты, чово вот там с тобой ззелалас' чово-та, эта вот вылечывают тожэ ес' эта, притки называлис', каке-та притки. Вот она сохнет, не ест ничово, чо такое*. Красная Река Старомайн., интердиалектная лексема;

– *кила* ‘опухоль, грыжа’ *У нево между нок килы появилис'.* *Я гыт тол'ка где не был, по врачам хвалыстал да хвалыстал, фсё, я уш, гыт, бол'шэ перестал ходит', ноги не идут*. Телятниково Николаев., интердиалектная лексема с варьированием семантики, как правило, обозначающая болезнь, вызванную колдовством;

– *рожа* ‘болезнь кожи’: *Рожэ? Рожэ эт на ноге, тожэ заговаривала*. Большая Кандаля Старомайн.

К этой группе существительных примыкают слова других частей речи, обозначающие результат магического воздействия:

– *сделалось* (безл.): ‘о плохом самочувствии, возникшем в результате сглаза, наведения порчи’: *А вот к старухе-ть повели, она сказала: «С тобой з’делалас’»*. Красная Река Старомайн.;

– *оратый* ‘испорченный в результате магического воздействия’: *А сосетка бапка наша, она тожэ кое-чо умела. Пришла я, гъворю так и так, она гъворит: «Хватит оратых таскат’ короф-та, иди сйезди в Милзавот, зайди ф сарай, где корова». Она гъворит: «По трём местам ты тол’ка воз’ми соринки, навос, и скажы: я забираю своё, забираю своё, и принеси домой сюда – ты меня позовёи»*. Телятниково Николаев., локальная лексема.

Большая часть наименований результатов магического воздействия в диалектной среде являются широко известными лексемами с присущей диалектным лексемам варьированием в семантическом наполнении (*кила, притка, дурнота*). Лексемы *крик, испуг* в указанных значениях являются диалектными, но скорее всего распространены шире, чем это обозначено в диалектных словарях. Лексема *оратый* является локальной.

Наименования каналов магического воздействия

В данной группе лексем зафиксированы следующие:

– *относ* ‘вещь, предназначенная для того, чтобы отвести от её хозяина болезнь или порчу’: *А на перекрёстке лежыт варешка, не наша, она пьдняла, два месяца потом чир’ями мучылас. Этъ называлса относ: нагъворят-нагъворят там чэво-та как-ть вот, умели фсё, на перекрёстак, нада обязатил’на на перекрёстак*. Большая Кандаля Старомайн., диалектная лексема, фиксируется в разных говорах, в СРНГ с пометами Саратов., Смолен., Псков (СРНГ 24: 250);

– *подклад* ‘вещь, предмет, подброшенный человеку для магического воздействия на него’: *Для порчи бывает патклад делают, не нада ево трогают’: ямку выкапал и в землю, пус’т’ в земле*. Барановка Николаев., диалектная лексема, в СРНГ приводится с пометой Смолен. (СРНГ 28: 31).

Обе лексемы (*относ, подклад*) мотивированы соответствующими глаголами, их внутренняя форма прозрачна, скорее всего, лексемы встречаются шире, чем это представлено в словарях.

Выводы

Итак, мифологическая и магическая лексика частично уходит из языка, сохраняясь лишь в традиционных произведениях фольклора, в бранном или переносном употреблении. В Симбирском Поволжье зафиксированы локальные и региональные традиции функционирования и этнокультурного наполнения наименований ми-

фологических персонажей. В различных подгруппах отмечены лексемы регионального распространения (*бабай, татарин, буканка*) и локального характера (*бабоськи, чиганашки, самошка, оратый*). Диалектная лексема *домове-душка* является региональным маркером для домового, а использование форм с суффиксами *-ушк/-юшк-* (*дедушко-домовеюшко*) объединяет Среднее Поволжье с более обширным северо-восточным ареалом. В селах Николаевского района с выраженным мордовским субстратом отмечена лексема *баня-ведун* с субстратной структурой. В Симбирском Поволжье используются диалектные наименования русалок, отражающие их бесовскую природу: *чиганашка, шииши-га*. Функция «ходячих» покойников в изучаемом регионе реализована в демоническом персонаже с наименованием *летун*. Также отмечены региональные наименования существ демонического характера с корнем *шут-* (*шутовка* ‘русалка, ведьма’, *шутушка* ‘домовой’). В группе наименований людей со сверхъестественными способностями выделяются названия тех, кто использует свои знания во вред окружающим, – имена с суффиксом *-ун/-ун(я)* (*колдун, колдунья, ведун, ведунья, волхун, волхунья, глазунья*) – и названия людей, чаще применяющих свои знания для лечения (*ворожец, ворожея, баушка, бабка, травница, лекарка*). Зафиксирована локальная лексема *витница*, которая, вероятно, появилась под влиянием мордовского (эрзя) языка.

Список сокращений районов Ульяновской области

Инзен. – Инзенский район
Карсун. – Карсунский район
Мелекес. – Мелекесский район
Николаев. – Николаевский район
Старомайн. – Старомайнский район
Сур. – Сурский район
Чердаклин. – Чердаклинский район

Источники

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. / под ред. В.И. Чернышева (глав. ред.) и др. М.–Л., 1948–1965.

Кондаков В. А. Слово русское, родное: народные слова и выражения жителей деревни Подсосенье и прилегающих селений Верховажского района Вологодской области / под ред. Э. Л. Трикоз. 2-е изд., испр. и доп. Вологда: Киселев А. В., 2022. 344 с.

Мишнев С. М. Памятники русского диалектного слова. Тарногский говор. Тарногский городок; Вологда: Полиграф-Книга, 2013. 343 с.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи.

Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 512 с.

СГСС – Словарь говора села Суподеевка Ардатовского района Республики Мордовия в 2 ч. / авт.-сост.: А. И. Витов и др., под общ. ред. Э. Н. Акимовой. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2022. 524 с.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II. СПб.: Наука, 2013.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2021.

ТКУП – Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. В 2 т. / колл. авт. И. С. Кызласова (Слепцова), А. П. Липатова, М. Г. Матлин, И. А. Морозов, Е. В. Сафронов, М. П. Чередникова и др. М.: Индрик, 2012.

ТРС – Татарско-русский словарь: в 2 т. Т. 1 (А–Л). Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007.

ЭРС – Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова и др. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 803 с.

Список литературы

Белова О. В. Цыган // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. С. 493–497.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 431 с.

Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-Классика, 1998. 669 с.

Гранова М. А. Названия духа-«хозяина» дома, используемые в вокативной функции (по данным мифологических текстов Пермского края) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 173–194.

Десяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. 3-е изд., испр. и доп. Саранск: Красный Октябрь, 2007. 332 с.

Дынин В. И. Народные верования русских Европейской части России XIX–XX веков: сравнительно-географическое исследование. Воронеж: Истоки, 2004. 228 с.

Дынин В. И. О номенклатуре русских мифологических персонажей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 1. С. 96–100.

Евсеев М. Е. Основы мордовской грамматики. М.: Центриздат, 1931. 241 с.

Криничная Н. А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Левкиевская Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 48 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор ком. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007. 495 с.

Русинова И. И. Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2022. 640 с.

Трушкина Н. Ю. Русалки и подобные им в традиционной культуре Ульяновской области // Живая старина. 2003. № 1. С. 45–46.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т: Объед. гуманитарное изд-во, 2010. 432 с.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 435 с.

References

Belova O. V. A gypsy. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary*. In 5 vols. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 493–497. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Folk Demonology and Mythological-Ritual Traditions of the Slavs*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 431 p. (In Russ.)

Vlasova M. N. *Russian Superstitions. An Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 1998. 669 p. (In Russ.)

Granova M. A. Names of the spirit-“master” of the house used in the vocative function (according to the mythological texts of the Perm region). In *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2020*. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, IWL RAS Publ., 2020, pp. 173–194. (In Russ.)

Devyatkina T. P. *Mordvin Mythology: An Encyclopedia*. 3rd ed. Saransk, Krasnyy Oktyabr' Publ., 2007. 332 p. (In Russ.)

Dynin V. I. *Folk Beliefs of Russians in the European Part of Russia in the 19th–20th Centuries: A Comparative Geographical Study*. Voronezh, Istoki Publ., 2004. 228 p. (In Russ.)

Dynin V. I. On the nomenclature of Russian mythological characters. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2012, issue 1, pp. 96–100. (In Russ.)

Evsev'ev M. E. *The Basics of Mordovian Grammar*. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. 241 p. (In Russ.)

Krinichnaya N. A. *Russian Mythology. The World of Folklore Images*. Moscow, Akademicheskiiy proekt: Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. *East Slavic mythological text: Semantics, dialectology, pragmatics*. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2007. 48 p. (In Russ.)

Mythological Stories and Legends of the Russian North. Comp. and comm. by O. A. Cherepanova. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1996. 212 p. (In Russ.)

Mythological Stories and Beliefs of the Nizhny-Novgorod area of the Volga Region. Comp. by K. E. Korepova, N. B. Khramova, Yu. M. Shevarenkova. St. Petersburg, 2007. 495 p. (In Russ.)

Rusinova I. I. *The vocabulary of witchcraft and sorcery in Russian mythological texts as a distinct ideographic sphere: A comprehensive study*. Dr. philol. sci. diss. Perm, 2022. 640 p. (In Russ.)

Trushkina N. Yu. Mermaids and their ilk in the traditional culture of the Ulyanovsk region. *Living Antiquity*, 2003, issue 1, pp. 45–46. (In Russ.)

Khristoforova O. B. *Sorcerers and Victims: The Anthropology of Witchcraft in Modern Russia*. Moscow, Russian State University of the Humanities, 2010. 432 p. (In Russ.)

Cherepanova O. A. *Mythological Lexicon of the Russian North*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1983. 435 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Мызникова Янина Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9

janinam@mail.ru

SPIN-код: 5287-5976

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>

ResearcherID: C-2422-2016

Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена
после рецензирования 22.11.2025; принята к публи-
кации 14.01.2026

Information about the author

Yanina V. Myznikova

Associate Professor in the Department
of Russian Language
St. Petersburg State University
7/9, Universitetskaya Embankment,
St. Petersburg, 199034, Russia

janinam@mail.ru

SPIN-code: 5287-5976

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-8219>

ResearcherID: C-2422-2016

Submitted 05 Oct 2025; revised 22 Nov 2025; accepted
14 Jan 2026

УДК 81'33

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-49-55

EDN NTTZIJ

<https://elibrary.ru/nttzij>

Семантически опустошенные слова в риторических кодах к этосу

Ступина Екатерина Сергеевна

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
stupina.ek@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определена усилившимся в последние десятилетия интересом к оценке риторического потенциала содержательной стороны текста и потребностью понять подтекст в речи государственных деятелей. Цель работы заключается в формировании общих принципов дешифрации закодированных смыслов в политических текстах и в осмыслении роли семантически опустошенных слов, выступающих знаками кода. Риторические коды встроены в три основных риторических модуса: этос, логос и пафос. Методом сплошной выборки из стенограмм выступлений российских политиков выделены текстовые элементы, демонстрирующие риторические коды к этосу. Их следует рассматривать с позиции авторитетности актора и пропагандируемых нравственных категорий, отраженных в конкретном дискурсивном пространстве. Контекстный анализ, методика наблюдения, интерпретации и обобщения позволили выдвинуть гипотезу о том, что семантически опустошенные слова могут иметь разные векторы, устанавливающие механизмы шифрации смыслов. Десемантизированные лексемы используются акторами в манипулятивных целях, поскольку появляется возможность варьирования смыслов. Ограничение обусловлено только политической этикой. Значение слова может меняться в зависимости от окказионального содержания текста и уровня этоса говорящего. Дешифрация открывает идею пейоративной оценки события, указывает на желание снизить статус оппонента, свидетельствует о неоднозначности предложения. Реализованные коды эвфемистической номинации и нарративного расширения позволяют осмыслить реальную оценку происходящего в государстве.

Ключевые слова: риторический код; дешифрация; этос; семантически опустошенные слова; эвфемистическая номинация.

Для цитирования

Ступина Е. С. Семантически опустошенные слова в риторических кодах к этосу // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 49–55. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-49-55. EDN NTTZIJ

Semantically Empty Words in Rhetorical Codes to Ethos

Ekaterina S. Stupina

Linguistics University of Nizhny Novgorod
stupina.ek@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the increased interest in recent decades in assessing the rhetorical potential of the content of text and by the need to understand the subtext in the speech of statesmen. The study aims to develop general principles for deciphering encoded meanings in political texts and to understand the role of semantically empty words acting as code signs. Rhetorical codes are embedded in three main rhetorical modes: ethos, logos, and pathos. Using the continuous sampling method,

the author of the article extracted text elements demonstrating rhetorical codes to ethos from transcripts of Russian politicians' speeches. Rhetorical codes to ethos should be considered from the perspective of the actor's authority and the propagandized moral categories reflected in a specific discursive space. Contextual analysis, the methods of observation, interpretation, and generalization led the author to the hypothesis that semantically empty words may have different vectors establishing mechanisms for encoding meanings. Desemanticized lexemes are used by actors for manipulative purposes as there is a possibility of varying meanings. Modeling rhetorical codes to ethos is effectively used by speakers to create a positive image. The limits are only dictated by political ethics. The meaning of a word may vary depending on the occasional content of the text and the speaker's level of ethos. Decryption opens up the idea of a pejorative assessment of the event, indicates a desire to reduce the opponent's status, and highlights the ambiguity of the proposal. The implemented codes of euphemistic nomination and narrative expansion make it possible to comprehend the real assessment of what is happening in the state. Rhetorical codes to ethos are aimed at changing the status of a particular person.

Keywords: rhetorical code; decoding; ethos; semantically empty words; euphemistic nomination.

For citation

Stupina E. S. Semantically Empty Words in Rhetorical Codes to Ethos. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 49–55. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-49-55. EDN NTTZIJ (In Russ.)

Введение

Вопросы речевого воздействия являлись актуальными во все времена. Обращения к словесному обозначению своей позиции, своего статуса востребованы обществом в силу определенного расслоения в социуме, неравноценного распределения возможных ресурсов, установления единоличной власти в отношении значительной группы населения. В настоящее время критическое восприятие действительности обусловлено широкой доступностью к информационным ресурсам и частной жизни человека. В условиях, когда события в жизни отдельного индивидуума становятся достоянием общественного мнения, вопросы речевой обороны и успешности стратегии речевого поведения, вопросы навыка самозащиты с помощью разнообразных вербальных средств являются первостепенными в публичной среде.

Риторические приемы, риторические стратегии вписываются в возможности риторического воздействия при условии успешной дешифрации первичной задачи говорящего или пишущего. Интерпретация высказывания обусловлена опытом дешифрации общих культурных кодов, заложенных в систему речи. Риторические коды, являясь частью культурного кода, позволяют оценить инференциальный потенциал речи, понять скрытый смысл. Точное осмысление коммуникативной цели прямо пропорционально сегментированной оценке используемых приемов, средств грамматического, семантического уровней языка. Чувственное, эмоциональное понимание речи при осознании жанровой специфики высказывания позволяет сконцентрироваться на дешифруемом подтексте [Ступина 2023: 104]. Риторические коды встроены в три основных

риторических модуса: этос, логос и пафос. Каждый код соответствует свойственной направленности. Эффективное использование этих категорий считается критически важным для максимальной реализации интеллектуального потенциала в речи. В бизнесе, в образовании, в политике умение апеллировать к эмоциям, ценностям, обнаружение уникальных знаний, обширных или узконаправленных компетенций в разных областях, мастерство логически обосновывать свою позицию становятся главными факторами в организации общего успеха. В данной работе нас будут интересовать риторические коды, обращенные к этосу.

Этос еще в античное время имел различное толкование. Греки определяли этос в контуре представления о характере, нравственности и добродетели, традициях и общем окружении. В плане риторической аргументации, согласно учению Аристотеля, этос устанавливает принципы убеждения, основанные на успешном применении приемов демонстрации осведомленности в теме разговора, уверенности в предоставляемых данных [Аристотель 2010: 132–133]. Справедливо считать, что авторитетный источник, с точки зрения слушателей, выдвигает такие аргументы, которые не могут подвергаться сомнению. Таким образом, представление об этосе сопоставимо с пониманием о перлокутивном эффекте. И даже слабые или спорные аргументы будут компенсированы высоким этосом.

В Новейшее время ученые, обращаясь к античной философии и риторике для переосмысления опыта прошлого, указывают на «игровой» формат взаимодействия оратора и аудитории.

Так, Р. Барт отмечает в этосе «те черты характера оратора, которые тот должен проявить в речи для того, чтобы создать о себе благоприятное впечатление в глазах аудитории» [цит. по: Тарасова 2013: 202]. Карнавальное начало, лежащее в основании типа отношений оратор – аудитория, не предполагает правдивого представления того, кем является говорящий на самом деле. Бельгийский исследователь Х. Перельман, родоначальник неориторик, характеризуя структурные черты этоса, объединяет концепцию Р. Барта и традицию Аристотеля. Перельман не только обращает внимание на влияние личности оратора на аудиторию, но и подчеркивает значимость роли, которую говорящий или пишущий намеренно берет на себя в общении в конкретный момент речи [Тарасова 2013: 202]. Таким образом, риторический код к этосу складывается из постоянной основы и окказионально обусловленной вариативной части.

М. Хайдеггер считает осовремененным вариантом перевод греческого слова «этнос» как *нрав*: «Словом “этнос” именуется открытая область, в которой обитает человек. Открытое пространство его местопребывания позволяет явиться тому, что касается человеческого существа и, захватывая его, пребывает в его близости» [Хайдеггер 1993: 215]. Следовательно, окружение также должно моделировать поведенческие формулы человека. Дополняющим фактором формирования кодов будет внешняя среда. Например, слова А. Лукашенко на Дне независимости Беларуси (*Всё будет нормально. Иногда даже хорошо*) может быть иллюстрацией влияния внешней среды на выступление политика непосредственно после значимого события при складывающихся напряженных условиях. Влияние празднично-патриотической линии очевидно активизирует восприятие действительности. При этом фраза обладает отличительной иронической интенцией, которая была считана в последующем. По этой причине выражение стало ключевым текстовым компонентом многих мемов.

Считается, что люди психологически склонны подчиняться некой норме. На это указывает существование предписаний на принятие правил по умолчанию и директив в ожидании желаемого, в силу чего возможны искажения в восприятии, например, в запоминании случившегося; специфические регуляции механизмов логики, что облегчает усвоение культуры бытия и мотивации для совершения чего-либо [Chudek, Zhao, Henrich 2013: 427. Пер. наш – Е. С.]. В массовом представлении следование воле того, в ком люди видят силу, знание, уверенность, опыт, заключается основа существования.

Между высоким этосом и восприимчивостью к логическим доводам и эмоциональному воздействию существует выраженная зависимость. Особенно отмечается использование семантически «пустых» слов. Таковыми «следует считать денотативно опустошенные слова, которые не соотносятся с образным представлением о реально существующих материальных предметах или воспринимаемых органами чувств свойствах данных предметов» [Иванова, Николаева 2011: 202]. Они выступают знаками кода. Мы отмечали, что «риторическими знаками следует считать все элементы, определяющие содержание речевого произведения, влияющие на понимание и оценку передаваемой и принимаемой информации» [Ступина 2024: 198]. Анализ эмпирического материала, а именно стенограмм выступлений российских политиков, показывает, что единицы, относящиеся к этому пласту лексики, эффективно используются говорящими для создания положительного образа. Возможно, актуализация десемантизированных слов «ощущается носителями языка как живой процесс», то есть не возникает особой рефлексии относительно потери части семантической нагрузки слова [Кронгауз, Фуфаева 2025: 252]. В политическом дискурсе подобные лексемы реализуются как средство организации подтекста или манипулятивный прием.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили текстовые иллюстрации, полученные методом сплошной выборки из изданий, обращенных к политической тематике. Общее число примеров, превышающих 100 единиц, свидетельствовало о существующей тенденции не просто пополнения объема десемантизированных слов в речи, а формирования особой задачи – выступать знаком риторического кода.

Особенности реализации риторических кодов, сформированных посредством семантически опустошенных слов, описаны с помощью когнитивно-дискурсивного анализа, контекстного анализа, а также посредством методики интерпретации и обобщения, что позволило предположить, что активизация употребления указанных языковых единиц является, с одной стороны, естественным процессом речевого автоматизма, с другой – проекцией социально-политических установок говорящего.

Результаты

Рассмотрим в статье наиболее показательные примеры, актуализирующие концепцию формирования аттрактирующей функции опустошенных слов, которые встраиваются в структуры

риторических кодов в речи известных политиков. Согласимся, что «наличие аттрактивных элементов значительно облегчает “скрытое” управление объектом, хотя и это управление не всегда очевидно. База аттракции – потребность человека в положительных эмоциях» [Николаева 2010: 141]. В актуальном состоянии уровень высоких ожиданий в совокупности с психологической усталостью, вызванной нестабильной ситуацией переговоров о мире, формирует потребность позитивного прогноза или уверения в существующих силовых ресурсах. Значительные показатели доверия президенту России коррелируют с высокой воздействующей силой, которой обладают его слова. Последние события, касающиеся заключения мирного соглашения, отражают, насколько велико может быть влияние. Владимир Путин не конкретизирует выдвигаемые условия, но возникает иллюзия активно продвигающихся переговоров: *Мы согласны с предложениями прекратить боевые действия, но исходим из того, что это прекращение должно быть таким, которое привело бы к долгосрочному миру и устранило бы первоначальные причины этого кризиса* (РБК). Обратим внимание на два выделенных слова. Их семантика может быть определена весьма широко. Согласно БАС, значение слова **действие** сопряжено с представлением о деятельности любого характера, в том числе предполагается возможность военных операций [БАС]. В актуальном времени действия, которые атрибутированы как боевые, могут реализоваться не только в активном наступательно-оборонительном движении, но и в пассивной организации агрессии и сопротивления. Предметное значение слова расплывчато. Благодаря подобным употреблением достигается фасцинирующий эффект, то есть эффект, связанный с околдовыванием, зачаровыванием. И. Т. Вепрева полагает, что «целью употребления слов с “размытым” денотативным значением является, во-первых, уход от конкретики, во-вторых, создание общего эмоционального настроения» [Вепрева 2017: 60]. Ю. В. Кнорозов считает сильнейшим фасцинирующим средством неясность, многозначность описания. Великим открытием называет он «возможность выдумки» [см. подробнее: Кнорозов 1962: 167]. Воспринимающая сторона домысливает перспективы исхода переговоров.

Семантика слова **кризис** тоже неопределенна: ‘резкий перелом, переходное состояние, обостренное положение’ [БАС]. Множественные критерии могут быть отнесены к представлению о кризисе. Абстрактное содержание слова привязывается к конкретному событию. Лексика «с

расплывчатым денотативным содержанием, но с ярко выраженными положительными или отрицательными коннотациями» порождает безграничное варьирование смыслами, что часто становится основой для манипулятивных стратегий [Иссерс 2009: 97]. В данном случае реализуется код нарративного расширения. Такой код может быть исполнен с целью актуализации тех позиций, которые ранее озвучивались и которые, возможно, следует уточнить. Вопрос границ понятия регулируется критериями политической этики.

Риторические коды этоса следует рассматривать с позиции нравственных категорий, отраженных в конкретном дискурсивном пространстве. Кроме того, подтверждая идею Ю. В. Рождественского о том, что параметры этоса в разных дискурсах определены «временными, обстоятельственными и местными условиями речи», мы подчеркиваем необходимость многофакторного подхода к процессу декодирования [Рождественский 2006: 189]. Семантически опустошенные слова могут иметь полипродуктивные векторы, устанавливающие механизмы шифрации смыслов. Например, употребление слова **миротворец** в современной публицистике задает три основных вектора, указывающих на уровень доверия к самому изданию, к источнику передаваемой информации и к содержанию высказывания. Одно из ведущих изданий российских СМИ РБК пишет: *В начале марта президент Франции Эмманюэль Макрон и премьер-министр Великобритании Кир Стармер представили свой план урегулирования конфликта на Украине. Он предусматривает «перемирие в воздухе, на море и в энергетической инфраструктуре» на месяц и размещение европейских миротворцев после достижения мирного соглашения* (РБК). С точки зрения внутренней формы слова очевидно, что миротворец – это тот, кто призван установить спокойный порядок жизни в стране, которая вела военные действия. Однако понимание политической ситуации требует пересмотреть смысловые границы слова, поскольку условия миротворческой миссии, вероятно, предусматривают присутствие активной действующей армии на приграничной с Россией территории. Благие намерения президента Франции и премьер-министра Великобритании подозрительны. Подобная ситуация может быть расценена как потенциально провокационная. Следовательно, миротворцами следует называть военных, многочисленных вооруженных представителей иного государства, находящихся на стороне поддерживаемого режима на время ведения переговоров. Дешифруется риторический код эвфемистиче-

ской номинации лексемы **миротворец**. Так продолжает «открываться» ключевая идея неоднозначности предложения. Перемирие будет считаться только формальным. Фактически готовые войска могут в любой момент начать наступление.

В статье другого российского интернет-издания, менее известного, используется слово **миротворец**, вписанное в структуру иного кода: *Украина продавливает франко-британский сценарий, где перемирие достигнуто в море, воздухе и на земле. Среди условий противоречие вызвали поставки вооружения, мобилизация на Украине и возможность отправки «миротворцев»* (Readovka)¹ Важно, что издание ссылается на слова Владимира Путина, благодаря чему уровень этоса в речи поднимается. Сформированный риторический код иронического парадокса транслирует идею пейоративной оценки предполагаемых ходов со стороны европейцев.

Таким образом, содержание значения слова может варьироваться в зависимости от окказионального смысла текста и уровня этоса той личности, о которой идет речь и которая является модератором информационного потока.

Не последнюю роль в организации риторических кодов этоса играет и репутация говорящего. Современные ораторы обратили особое внимание на моральный облик, сложившиеся стереотипы относительно отдельной личности. Положительная модель поведения оратора в прошлом, его статусность, его умение реагировать на серьезные ситуации является сегодня залогом успеха. Этос определяется доброжелательностью и чувством справедливости говорящего [Зарецкая 2002: 4]. Подобная модель поведения особенно приветствуется в политической, журналистской среде. Актор, подчеркивая свой статус, использует специальные термины, ссылается на авторитетные источники, ловко оперирует фактами и новейшими статистическими данными. Часто при оценке авторитета в медиапространстве используют мнения экспертов. Сегодня слово **эксперт** также можно квалифицировать как семантически опустошенное. Рассмотрим вариант реализации риторического кода ирреальной проекции: *Бывший президент Франции Николя Саркози вошел в историю как первый из числа своих предшественников, кто получил реальный тюремный срок. Приговор по делу о коррупции, злоупотреблении властью и нарушении гостайны ему был вынесен 1 марта: год тюрьмы и два условно. В сентябре ему присудили еще один год тюрьмы по делу о незаконном финансировании президентской кампании. Пока Саркози на свободе и, как ожидают эксперты, может отделаться домашним арестом.* (Парламентская га-

зета. 2021.12.31). Читатель не знает, кого называют в данном случае экспертами. Актор, последовательно предоставляя информацию, аргументируя позицию, намеренно использует слово **эксперт**, ибо в сознании слушающего названный таковым не нуждается в дополнительном представлении. Словарная дефиниция устанавливает, что эксперт – это человек, специализирующийся на таких вопросах, которые требуют особых научных знаний [БАС]. Но сегодня экспертами часто называют любого, кто что-то видел, слышал. Эксперт – это человек, умеющий выражать свое мнение. В данном контексте некие эксперты могут быть ассоциированы со сплетниками, которые делают прогноз, основываясь на неизвестных данных. Денотативно пустые слова, используемые журналистом «Парламентской газеты», направлены на создание спроектированного пространства потенциального будущего. Утверждается безусловность ареста, но это может быть домашний арест. Дешифрованный код направлен на снижение статуса Саркози как президента и как опасного соперника.

Заключение

Подводя итог нашим размышлениям, подчеркнем, что «расшатывание» конвенционального содержания слова в настоящем является пространственным процессом, связанным с разными факторами. Семантически опустошенные слова встраиваются в систему организации речи с целью окказионального расширения смыслового пространства. Этос формируется как результат умелого сочетания знания, моральных показателей, отраженных в речи через демонстрацию общих ценностных принципов, и доброжелательности, реализованной с помощью универсальных в смысловом плане слов. Риторические коды к этосу, сформированные на основе данных лексем, разнообразны, направлены на изменение статуса конкретной личности, способствуют вуалированию замысла говорящего, служат цели «смягчения» категоричности высказывания.

Список источников

- РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/03/2025/67d2feb79a7947a21fa27cde?ysclid=md7coz3xbd84330465> (дата обращения: 03.01.26).
- РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2025/67c4d06e9a79477ed9c49b5d?ysclid=md7cпыetj0713083213> (дата обращения: 02.01.26).
- Главные события 2021 года // Парламентская газета. 2021.12.31. URL: <https://www.pnp.ru/politics/glavnye-sobytiya-2021-goda.html?ysclid=md7b1wl9eq10864082> (дата обращения: 20.11.25).

Readovka. URL: <https://dzen.ru/readovka> (дата обращения: 20.11.25).

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика / пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 81–326.

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 3 / гл. ред.: К. С. Горбачевич; науч. координатор изд. А.С. Герд; ред. т.: Л. И. Балахонова, Н. В. Соловьев; РАН, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Вепрева И. Т. Базовый лексикон астрологического прогноза: о словах с «размытым» содержанием // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 57–63.

Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. 4-е изд. М.: Дело, 2002. 480 с.

Иванова С. В., Николаева А. В. Роль «пустых» слов в тексте рекламы (на материале англоязычных рекламных текстов) // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 202–209.

Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

Кнорозов Ю. В. Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 162–170.

Кронгауз М. А., Фуфаева И. В. Гендерный сдвиг в прагматике обращений // Шаги/Steps. 2025. № 1. С. 252–269. doi 10.22394/2412-9410-2025-11-1-252-269

Николаева А. В. Аппетитивная функция «Пустых» слов в рекламных текстах (на материале английской рекламы) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2010. № 3. С. 141–144.

Рождественский Ю. В. Теория риторики: учеб. пособие / под ред. В. И. Аннушкина. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 512 с.

Ступина Е. С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В. И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») // Политическая лингвистика. 2023. № 4. С. 103–108.

Ступина Е. С. Семантический фактор в определении риторического кода // ГОВОР: альманах / отв. ред. Е. В. Маринова и С. В. Лесников. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова; СПб.: Редакция Альманаха «Говор», 2024. № 09, вып. IV. С. 197–202.

Тарасова А.Н. Этос как когнитивно-дискурсивная категория (на материале французского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 10 (670). С. 201–209.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: ст. и выступления / пер. с нем. В. В. Библина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Chudek M., Zhao W., Henrich J. Culture-gene coevolution, large-scale cooperation, and the shaping of human social psychology // Cooperation and its evolution / ed. by K. Sterelny, R. Joyce, B. Calcott, B. Fraser. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. P. 425–457.

References

Aristotle. *Poetics. Rhetoric*. Transl. from Ancient Greek by V. Appel'rot, N. Platonova. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, pp. 81–326. (In Russ.)

Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 3. Ed. by K. S. Gorbachevich, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 677 p. (In Russ.)

Vepreva I. T. Basic vocabulary of astrological forecast: On words with vague meaning. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2017, issue 1, pp. 57–63. (In Russ.)

Zaretskaya E. N. *Rhetoric: The Theory and Practice of Speech Communication*. 4th ed. Moscow, Delo Publ., 2002. 480 p. (In Russ.)

Ivanova S. V., Nikolaeva A. V. The role of “empty” words in the advertising text (on the basis of English commercials). *Political Linguistics*, 2011, issue 4, pp. 202–209. (In Russ.)

Issers O. S. *Speech Influence*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 224 p. (In Russ.)

Knorozov Yu. V. On the study of fascination. *Voprosy yazykoznaniya*, 1962, issue 1, pp. 162–170. (In Russ.)

Krongauz M. A., Fufaeva I. V. Gender shift in the pragmatics of addresses. *Steps*, 2025, issue 1, pp. 252–269. doi 10.22394/2412-9410-2025-11-1-252-269 (In Russ.)

Nickolaeva A. V. Attractive function of ‘weasel’ words in commercials (based on English ad texts). *Intellect. Innovations. Investments*, 2010, issue 3, pp. 141–144. (In Russ.)

Rozhdestvenskiy Yu. V. *Theory of Rhetoric*. Ed. by V. I. Annushkin. 4th ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 512 p. (In Russ.)

Stupina E. S. A biography of an epoch (based on the works of V. I. Lenin “Where to start?”, “What to do?”). *Political Linguistics*, 2023, issue 4, pp. 103–108. (In Russ.)

Stupina E. S. Rhetorical codes of antonyms in the political text: Biography of the epoch (based on the works by V. I. Lenin “Where to start?,” “What to do?”). *Political Linguistics*, 2023, issue 4, pp. 103–108. (In Russ.)

Stupina E. S. *The semantic factor in determining the rhetorical code*. GOVOR: Almanac. Ed. by E. V. Marinova, S. V. Lesnikov. Nizhny Novgorod; St. Petersburg, 2024, vol. 9, issue IV, pp. 197–202. (In Russ.)

Tarasova A. N. Ethos as a cognitive-discursive category (based on the French language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, issue 10 (670), pp. 201–209. (In Russ.)

Heidegger M. Letter on humanism. *Being and Time*. Transl. from German by V. V. Bibikhin. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 192–220. (In Russ.)

Chudek M., Zhao W., Henrich J. Culture-gene coevolution, large-scale cooperation, and the shaping of human social psychology. In K. Sterelny, R. Joyce, B. Calcott, B. Fraser (Eds.) *Cooperation and Its Evolution*. Cambridge, MA, MIT Press, 2013, pp. 425–457. (In Eng.)

Информация об авторе

Ступина Екатерина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова
603155, Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Минина, д. 31а

stupina.ek@mail.ru

SPIN-код: 3023-0453

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

ResearcherID: NVL-9933-2025

Статья поступила в редакцию 06.09.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 24.02.2026

Information about the author

Ekaterina S. Stupina

Associate Professor in the Department of Russian as a Native and Foreign Language
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31a, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

stupina.ek@mail.ru

SPIN-code: 3023-0453

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

ResearcherID: NVL-9933-2025

Submitted 06 Sep 2025; revised 22 Dec 2025; accepted 24 Feb 2026

УДК 81'272
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-56-65
EDN OVIZYO

<https://elibrary.ru/ovizyo>

Стереотипы коммуникативного поведения руководителя в эпоху СССР и в эпоху глобализации в кинофильмах

Шестакова Ольга Александровна

Волгоградский государственный технический университет
plyasun.ya@mail.ru

Евтушенко Оксана Александровна

Волгоградский государственный технический университет
ksenja22@yahoo.com

Ионкина Екатерина Юрьевна

Волгоградский государственный технический университет
katya_dzhandalie@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются стереотипы коммуникативного поведения руководителя в диахронии. Акцентируется внимание на исследуемых стереотипах в кинофильмах периода 1950-х гг. и последних двадцати пяти лет. На коммуникативное поведение руководителя в начале 1950-х гг. оказывали влияние отголоски индустриализации и коллективизации, а также надвигающийся период оттепели. Последние двадцать пять лет характеризуются активным взаимодействием с Западом, внедрением тактик и стратегий западного типа руководства и коммуникативного поведения. Целью статьи является установление особенностей изменения стереотипов коммуникативного поведения руководителя в названные периоды. Материалом для анализа выбраны кинофильмы, так как, являясь видом искусства, они отражают действительность, запечатлевают ее через призму стереотипов коммуникативного поведения. В ходе исследования были выявлены изменения в коммуникативном поведении руководителя, которые произошли из-за трансформаций аспектов жизни общества (исторических, политических, культурных), что, в свою очередь, изменило представление о коммуникативном поведении руководителя, изображенного в кинематографе. Установлено, что наиболее яркими изменениями являются сдвиг от высмеивания и иронии к положительному образу руководителя и смещение кинематографических стереотипов от негативного к позитивному. В современных стереотипах коммуникативного поведения руководителя отражены дискурсивные практики современности: стирание границ субординации, дружелюбность отношений руководителя и подчиненного, использование заимствований, неологизмов.

Ключевые слова: стереотип; руководитель; коммуникативное поведение; административный дискурс; кинодискурс; глобализация.

Для цитирования

Шестакова О. А., Евтушенко О. А., Ионкина Е. Ю. Стереотипы коммуникативного поведения руководителя в эпоху СССР и в эпоху глобализации в кинофильмах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 56–65. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-56-65. EDN OVIZYO

Film Stereotypes of a Leader's Communicative Behavior in the Soviet Era and in the Era of Globalization

Olga A. Shestakova

Volgograd State Technical University
plyasun.ya@mail.ru

Oksana A. Evtushenko

Volgograd State Technical University
ksenja22@yahoo.com

Ekaterina Yu. Ionkina

Volgograd State Technical University
katya_dzhandalie@mail.ru

Abstract. The article explores the topic of "stereotypes of a leader's communicative behavior" in diachrony. The attention is focused on the stereotypes depicted in films in the period of 1950s and in the last 25 years. The communicative behavior of a leader in the early 1950s was still influenced by the echoes of industrialization and collectivization; at the same time the "thaw" was coming, which also changed this behavior. The last 25 years have been characterized by active interaction with the West, the introduction of Western-style tactics and strategies of leadership and communicative behavior. The article aims to establish how stereotypes of the leader's communicative behavior changed during the specified periods. Films were chosen as the material for the study since, being a form of art, they reflect reality, depict it using the stereotypes of communicative behavior. Film discourse functions as a representant of key linguocultural dominants. Cinematic texts possess the ability to modulate recipients' value judgments regarding social processes, determine perceptual stereotypes, and transmit ideological frameworks. The image of a leader is constructed purposefully and designed to exert a suggestive emotional and psychological influence on the target audience. The behavioral model, including its verbal component, constitutes an integral unit of the image: speech and activity patterns are incorporated into the deliberately formed external presentation of the person. Globalization has engendered two tendencies in the communicative behavior of a leader: orientation toward Western models to enhance communication efficiency both within and outside the company; the necessity of flexibility to adapt to the evolving social and technological environment. The study has found the following to be the most striking changes: a shift from ridicule and irony to a positive image of a leader; a shift in cinematic stereotypes from negative to positive. Modern stereotypes of a leader's communicative behavior reflect discursive practices of our time: the erasing of the boundaries of subordination, friendly relations between a superior and a subordinate, the use of borrowings, neologisms.

Keywords: stereotype; leader; communicative behavior; administrative discourse; film discourse; globalization.

For citation

Shestakova O. A., Evtushenko O. A., Ionkina E. Yu. Film Stereotypes of a Leader's Communicative Behavior in the Soviet Era and in the Era of Globalization. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 56–65. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-56-65. EDN OVIZYO (In Russ.)

Междисциплинарный характер исследований языковой личности руководителя, при котором используются данные из разных отраслей гуманитарных наук, является действенным в решении различных исследовательских задач и позволяет по-новому взглянуть на некоторые вопросы. Так, например, требуют междисциплинарного подхода вопросы, связанные с изменениями в комму-

никативном поведении руководителя под влиянием глобализационных процессов.

Изучение коммуникативного поведения руководителя в кинодискурсе является актуальным с позиции социолингвистики и лингвокультурологии. Кинофильмы несут в себе лингвокультурологическую информацию, отражая окружающую действительность, содержат

культурные коды, верно интерпретируемые именно носителями лингвокультуры и представляющие богатый материал для многоаспектного анализа.

Целью настоящей статьи является установление особенностей стереотипов коммуникативного поведения руководителя в советское время и в эпоху глобализации, репрезентированных в кинофильмах.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить стереотипы коммуникативного поведения советского руководителя, представленные в кинофильмах периода 1950-х гг.; 2) обнаружить стереотипы коммуникативного поведения руководителя, демонстрируемые в кинофильмах эпохи глобализации; 3) проанализировать изменения стереотипов коммуникативного поведения руководителя в вышеупомянутые временные периоды; 4) определить лингвистические средства выражения исследуемых стереотипов.

Объектом исследования является административный дискурс в кинодискурсе. **Предмет исследования** – стереотипы коммуникативного поведения руководителя в кинодискурсе.

К исследованию кинодискурса обращается ряд ученых. Например, И. В. Зыкова изучает полимодальность и лингвистическую креативность в кинодискурсе [Zykova 2023], А. В. Ленец анализирует национальную идентичность в кинодискурсе [Ленец 2023]; Ю. В. Новикова – терминологию бейсбола в американском кинодискурсе [Новикова 2023], Д. С. Бикус описывает характеристики чёрного юмора в кинотексте [Бикус 2024], М. Б. Раренко проводит исследование любительского кинодискурса [Раренко 2024]. С. Чаттопадхья, изучая кинодискурс, доказывает в своих исследованиях, что кинематограф не является языком, но имеет с ним некоторые общие черты [Chattopadhyay 2017].

Мы поддерживаем убеждение исследователя М. Дайнел в том, что в кинофильмах «выдуманные персонажи изображаются реальными людьми, являясь прототипичными членами социальных групп» [Dyneel 2011: 47]. Важную роль персонажам фильмов отводит исследователь Дж. Андроутсупулос, считая, что они «играют ключевую роль в реконструкции социолингвистического репертуара фильма, определяемого как набор отношений между персонажами (типизированными по жанру) и выбором языковых средств» [Androutsopoulos 2012: 148]. Применяя метод конверсационного анализа к определенному объему кинематографических диалогов, исследователи Н. Чепинчик и С. Томпсон пришли к выводу, что изучаемые диалоги имеют ряд характеристик, присущих естественной коммуникации [Cherpinchik, Thompson 2016: 10].

М. Е. Самуйлова, В. А. Богатикова в своей работе подчеркивают, что, несмотря на разнообразие аспектов исследования кинодискурса, он остается одним из главных вопросов, которые привлекают внимание современных ученых [Samuilova, Bogatikova 2024: 172].

Представляется, что исследования коммуникативного поведения руководителя являются актуальными, что подтверждается многообразием работ, выполненных в рамках данной темы. Большой вклад в изучение административного дискурса вносят исследования О. А. Евтушенко [Евтушенко 2018]. На материале английского языка свои исследования проводит Л. А. Кадильникова [Кадильникова 2023]. Неэкологичное коммуникативное поведение управленца рассматривает С. В. ИONOва [ИONOва 2018]. Жанры диалогического общения пары «руководитель – подчиненный» выявляет Е. В. Янкина [Янкина 2021].

Рассматривая кинодискурс с позиции традиционного анализа дискурса, согласимся с определением Ю. В. Сургай, которая под кинодискурсом понимает «процесс воспроизведения и восприятия кинотекста», включающий в себя такие дискурсивные характеристики, как пространственно-временная ситуация и его участники, имеющие личный опыт, знания, общественно-культурные установки [Сургай 2008: 8]. А. В. Ленец отмечает, что, являясь частью массовой культуры, кинематограф фиксирует на экране все сферы жизни общества. В нем отражаются национальные, культурные, социальные, исторические особенности народа. Также немаловажен и обратный процесс – участие кинематографа в формировании окружающей действительности, которое зависит от точек влияния создателей кинофильма на общественность [Ленец 2023: 100]. Помимо этого, в кинодискурсе находят отражения лингвокультурные доминанты. Кинофильм, как любое художественное произведение (литературное, музыкальное), способен воздействовать на отношение, складывающееся у зрителей по поводу тех или иных явлений общества; формировать стереотипы восприятия, внедрять идеи. Исследователь А. Качмарова установила «взаимосвязь между социальными нормами и языковыми средствами, используемыми в речевом событии» в кинодиалогах [Kačmarová 2014: 11].

Имидж руководителя – «целенаправленно формируемый образ (явления, организации, лица), призванный оказать определенное эмоционально-психологическое воздействие на определенную группу лиц» [Морозова, Дуденкова 2016: 302]. Неотъемлемой частью имиджа является поведение, в том числе вербальное. Кинематограф создает стереотипы коммуникативного поведения и воспроизводит их в кинопродуктах, так как сте-

реотипы легко воспринимаются зрителями потребителями кинокультуры. Такого же мнения придерживается исследователь М. Дайнел, отмечая, что «современные фильмы реагируют на социальные изменения, выделяя преобладающие воплощения социальных типов, одновременно помогая определить их» [Dyner 2011: 47].

Н. С. Соловьева справедливо подчеркивает, что на начальном этапе стереотипы представляют собой ментальные образы-картинки, которые затем оформляются с помощью различных семиотических систем и далее вербализируются. Вслед за упомянутым исследователем отметим, что изучение стереотипов коммуникативного поведения руководителя помогает определить ценности, установки, стремления общества [Соловьева 2014: 57]. По мнению исследователей Уи. Кокс и П. Дивайн, в процессе формирования представления о какой-либо категории людей важную роль играет их выделение в социальную группу. Присоединяясь к воззрениям данных исследователей, мы определяем стереотип как «составное когнитивное представление о категории социальной группы и атрибутов, обычно ассоциируемых с членами этой категории» [Cox, Devine 2015: 3]. Например, *передовик производства: деятельный, трудолюбивый, ответственный, честный* и т. д. Д. Осборн считает, что «стереотипы могут помочь людям быстрее понять поведение других людей, являясь эвристикой для интерпретации неизвестной информации» [Sybley, Osborne 2015: 1].

Методами контент- и дискурс-анализа нами были обработаны киноленты постсталинских 50-х гг. XX в. и современные кинофильмы, выпущенные за последние двадцать лет. Все исследуемые киноленты находятся в сети Интернет в открытом доступе. Материал с интересующим нас аспектом административного дискурса можно найти не в каждом кинофильме эпохи глобализации, так как тематика киноисторий современности сместилась в сторону сказочных фэнтези и ретро-ностальгических фильмов, не отражающих современность. Всего обработано около 110 эпизодов.

В ходе исследования было выявлено, что на образ советских управленцев, транслируемый в массовой культуре, оказали непосредственное влияние идеология партии и «пропагандистские клише» [Клинова, Трофимов 2020: 132].

Опираясь на исследование М. А. Клиновой и А. В. Трофимова, которые реконструировали образ советского руководителя по материалам прессы, отметим, что в медиaprостранстве был представлен как положительный, так и отрицательный образ руководителя. Кинематограф поддерживает те стереотипные представления об имидже руководителя, которые содержат представления носителей лингвокультуры.

Рассмотрим пример.

– *Здравствуй, товарищ Николай.*

– *А я тебя жду уже. И вчера у тебя был, и позавчера, и сегодня с 6:00 утра даже. Очень ты мне нужен.*

– *А я всем нужен. Ну всем. Не могу же я разорваться?! Да, разорваться...*

– *А я говорю, с 6:00 утра... У нас стройки стоят...*

– *Ты с 6:00 утра, я с 5:00 утра объект объезжаю. Если я не поинтересуюсь, как рабочий класс живёт, никто не поинтересуется. (Уходит.)*

– *Виталий Григорьевич, с 5:00 утра...* (Верн., 1954 г.).

Этот фрагмент диалога руководителя с подчиненным показывает, что присутствуют как неформальное общение, на *ты*, так и официальные обращения *товарищ* и *Виталий Григорьевич*. Представлен образ начальника, который не придерживается строгой субординации и позволяет общаться вне официально-делового стиля. Далее по диалогу становится ясно, что вникать в проблему подчиненного руководитель не намерен. В речи начальника используется анадиплосис – практически полное повторение конечных фраз реплики в начале следующей: *Очень ты мне нужен. – А я всем нужен. Ну всем; – ... с 6:00 утра... – Ты с 6:00 утра, я с 5:00 утра объект объезжаю*. Складывается впечатление, что руководитель говорит много, но на самом деле речь его несодержательна, так как сказать по решению вопроса ему нечего. *Не могу же я разорваться?! Да, разорваться...* – здесь повтор подчеркивает, скорее, важность слов. Далее следует демонстративность собственной значимости: *Если я не поинтересуюсь, как рабочий класс живёт, никто не поинтересуется*. Данный пример показывает стереотип отрицательного имиджа руководителя, который подкрепляется далее. Диалог руководителя с замом:

– *Ох... ну, ладно, что там?*

– *На подпись.*

– *На подпись. «Утверждаю».*

– *Виталий Григорьевич!*

– *Ах, да, «НЕ утверждаю»* (Верн., 1954 г.).

Здесь слова *Утверждаю* и *Не утверждаю* дают понять, что руководитель совершенно не интересуется сутью проблемы, хотя это входит в круг его обязанностей.

– *Как же это так? Табуны на стройку идут! Это получается что? Непорядок? Они мне там всё перебьют-переломают, а отвечать <...> кто будет?*

– *Вы* (Верн., 1954 г.).

Этот эпизод содержит несколько вопросительных предложений, что может говорить о плохом понимании руководителем ситуации. В конце фразы задается риторический вопрос: *...а отве-*

чать... кто будет? Этот руководитель заботится о своём имидже, об объеме своей ответственности, а не о том, что табуны на стройке могут погибнуть и труд животноводов будет обесценен.

Данные примеры иллюстрируют использование негативного стереотипа неэффективного руководителя. Другой тип негативного коммуникативного поведения, а именно чрезмерный формализм, заискивание перед руководителем более высокого уровня, демонстрирует следующий фрагмент.

- *Всё-таки горку поставили?*
- *Вы же видите, как людям весело!*
- *Серьёзный человек таким образом не поедет. Вот видите, солидный человек недоволен.*
- *Почему недоволен? Мне эта затея очень нравится.*
- *Товарищ Телегин! С наступающим!*
- *И Вас так же.*
- *А Ваша супруга тоже приедет?*
- *А как же?! Лиза, смелее. Ну, как доехала?*
- *Чудесно. Всё очень хорошо придумано!*
- *Стараясь. Заботимся о культурном обслуживании* (Карн., 1956 г).

Первой фразой руководитель показывает, что он недоволен: *Всё-таки горку поставили?* Затем, узнав, что более высокий по статусу руководитель положительно реагирует на аттракцион, меняет свое отношение, подчеркивая свою причастность к успехам коллектива. Руководитель использует формы множественного числа глаголов, говоря о деятельности всего коллектива, причисляя себя к тем, кто выполняет эти действия: *Стараясь. Заботимся о культурном обслуживании*. В этом высказывании представлен вариант самопрезентации, присваивания руководителем чужих достижений. Приведенный фрагмент иллюстрирует явление административного восторга. Это «негативная эмоция, которую испытывает человек, наделенный властью по отношению к своим подчиненным» [Евтушенко 2015: 6].

В ходе работы выяснилось, что стереотипизируются в большей степени негативные варианты коммуникативного поведения. Однако положительный пример стереотипа коммуникативного поведения руководителя представлен в следующем фрагменте. Это образ рассудительного главы района, радеющего за общее дело.

- *Шо Вы на это скажете, Денис Степаныч?! Это же грабёж! Я растил Дашу. Я её воспитывал.*
- *А тебя кто растил, товарищ Ворон?*
- *Как кто? Ну, партия, народ....*
- *А Дашу, значит, ты один растил? Так... Скажи мне, пожалуйста, в каком таком государстве находится колхоз «Завет Ильича»?*
- *Степаныч, ну шо это за вопросы, я не знаю!*
- *Нет, ты отвечай, отвечай.*

– *В нашем, советском.*

– *Ну, а шо ж ты шумишь? Ты, наоборот, радоваться должен, ведь какая замечательная пара получается! Молодцы! Непременно поеду их поздравить. Непременно.*

– *Так выходит и тут меня Пересветова обогнала. Вот, ну баба! Ну змея!*

– *Напрасно ты обижаешь хорошую женщину. Напрасно!*

– *Не говорите мне про неё! Не напоминайте!*

– *Опять шумишь! А между прочим, она гораздо лучше к тебе относится, чем ты к ней* (Кубан., 1950 г).

В кинофильмах 1950-х гг. показаны имиджи председателей колхозов со их недостатками, вредными привычками и определенным набором отрицательных и положительных черт характера – «люди из народа». Имидж партийных работников сводится к таким чертам, как деятельностное участие в жизни района, защита интересов подопечных, профессионализм, авторитет в решении спорных вопросов. В диалоге глава района задает вопросы, наводящие собеседника на верное решение (*А тебя кто растил, товарищ Ворон? Скажи мне, пожалуйста, в каком таком государстве находится колхоз «Завет Ильича»?*), выражает оценку поступкам подопечных через оценочные лексемы (*Молодцы! Непременно поеду их поздравить.*), старается примирить враждебно настроенного собеседника (*Ты, наоборот, радоваться должен, ведь какая замечательная пара получается! Напрасно ты обижаешь хорошую женщину. А между прочим, она гораздо лучше к тебе относится, чем ты к ней.*).

Глобализационные изменения в обществе породили, с одной стороны, необходимость в новом коммуникативном поведении руководителя с ориентацией на западные образцы, так как это способствует более эффективной коммуникации внутри и за пределами компании. С другой стороны, современные управленцы должны быть гибкими, чтобы приспосабливаться к меняющейся социальной и технологической среде для достижения успеха. Стереотип коммуникативного поведения руководителя трансформируется: происходит сглаживание границ институциональных ролей, субординация становится менее строгой; уровень официальности используемого языка снижается; в речи появляется большое количество заимствований, связанных с развитием техники и технологий. Рассмотрим пример.

– *Ну, чем порадуешь? Не томи... Так, прекрати пить мой кофе.*

– *Ты помнишь, чем кончил Верхопольский?*

– *Ну да, ты же писал об этом. Увлекался альпинизмом и погиб где-то на Тибете.*

– Вот. А Никитенко?

– Помню. Утонул в Доминикане во время дайвинга.

– А Александр Макаров?

– Слушай, ты что, решил устроить викторину «Как погибают российские олигархи»? К чему ты всё это?

– К тому, что все эти люди перед смертью продавали свой бизнес неизвестно кому и распустились неизвестно куда. Я думаю, что за всем этим стоят одни и те же люди. Или человек.

– Ух, ты. Не может быть.

– Я знал, что тебе понравится.

– Слушай, прекрати, а? Мне надоело твои бесконечные расследования. Занимайся этим в свободное от работы время, мой дорогой. Мне нужна нормальная человеческая статья, чтобы люди скачивали, репостили, лайкали и прочее, прочее...

– Слушай, но это золотое дно для тебя. Тебе стоит потратить всего две-три моих журналистских зарплаты, и ты станешь миллионером.

– Я не хочу ничего никуда вкладывать. Мне нужна нормальная человеческая статья к завтрашнему дню. Иначе, Олег, прости, но будем расставаться. Я тебя ещё утром предупредил.

– Ты хочешь нормальную человеческую статью? Будет тебе статья. Сегодня вечером я иду на презентацию нового альбома Вилены. Думаю, там найдется кое-что интересное для нормальной статьи.

– И зачем мне нужно было мозг выносить? Всё, иди, работай!

– Пошел писать нормальную статью.

– Иди, пиши!

– Писать нормальную статью для нашего среднестатистического интернет-издания.

– Ни пуха, ни пера! И приведи себя в порядок! А то ходишь как пугало! (Жив., 2017 г.)

В приведенном примере прослеживается дискурсивная практика, появившаяся в глобализационный период, – налаживание дружеских отношений между руководителем и подчиненным. Данная практика находит свое выражение и в разговорной лексике [Шестакова 2022: 26] Руководитель общается с подчиненным «на равных», используя глаголы в форме второго лица единственного числа, местоимение «ты» (Ну, чем порадуешь? Ну да, ты же писал об этом.). Руководитель позволяет подчиненному разговаривать и вести себя так, что стираются границы субординации, (Так, прекрати пить мой кофе.). Используется юмор (Слушай, ты что, решил устроить викторину «Как погибают российские олигархи»?) и иронию (ходишь как пугало!), чтобы разрядить серьезный разговор, так как требования руководителя четкие и категоричные (Мне нужна нор-

мальная человеческая статья к завтрашнему дню. Иначе, Олег, прости, но будем расставаться.), хотя и угроза увольнения сглаживается лексемой «расставаться». Руководитель использует неологизмы и заимствования (чтобы люди скачивали, репостили, лайкали). В целом можно заключить, что данный руководитель добивается успеха и побуждает подчиненного выполнить работу.

Другой пример, подтверждающий наши наблюдения:

– Всем привет! Я – ваш новый директор. Это мой зам, Алмаз. Я – Глеб Данилыч, можно просто – Глеб.

– Глеб, дай на хлеб!

– Остроумно. Было. Лет сорок назад.

– Не, в натуре, когда зарплата? А, директор?

– А когда должна быть зарплата?

– Слышь, так это ты нам скажи. Чё замер, zenки вылупил? Денег людям дай!

– С деньгами мы разберемся.

– Вот и разберись с нашими кровными, а потом речи толкай. Пойдём отсюда! Развелось начальников...

– Подождите, мужики, ну вы куда? Стоять, я сказал!

– Директор, ты это, работай над собой, да. Ораторское мастерство прокачивай. У! В Интернете полно гайдов. Я тебе ссылку скину. (Кол., 2025 г.).

Пример иллюстрирует стремление руководителя быть ближе к подчиненным, что выражено разговорным приветствием (Всем привет!), представлением по имени (Я – Глеб Данилыч, можно просто – Глеб.), обращением к подчиненным в разговорной форме, а не в деловом стиле (Подождите, мужики, ну вы куда?).

В данном примере ярко представлена коммуникация подчиненных с руководителем. Опираясь на исследования О. А. Евтушенко, отметим, что в административном общении существует коммуникация двух видов направленности: нисходящая и восходящая [Евтушенко 2017: 123]. В свете доминирующего положения руководителя коммуникация с нисходящим вектором занимает большую часть времени общения. Заметим, что позиция подчиненных в современных кинофильмах не представлена как конформистская. Напротив, работники поддерживают тенденцию стирания границ субординации (Глеб, дай на хлеб! / Не, в натуре, когда зарплата? А, директор? / Слышь, так это ты нам скажи. Чё замер, zenки вылупил? / Директор, ты это, работай над собой, да). Подобное общение подчиненных игнорирует какие-либо кодексы корпоративного поведения или иерархию должностей, оно граничит с грубостью и панибратством. Это выражается наличием жаргонизмов (Не, в нату-

ре.../ зенки выдунил), лексики и грамматики разговорного стиля (Слышь, ... / Чё замер... / Вот и разберись.../ Директор, ты это, ...). Используются также неологизмы (прокачивай... / ссылку скину...) и заимствования (гайд, Интернет), характерные для глобализационных процессов в языке.

Следующие примеры видеофрагментов также наглядно демонстрируют усиление позиции подчиненного в административной коммуникации, стирание статусных ролей:

– Серёга!

– Да?

– Удалось связаться с хозяином квартиры?

– Да, хозяин квартиры далеко на югах, сдавал квартиру через агентство. Связался с агентством, они сказали, что сдали её гражданину Таджикистана на две недели. Документы прислали.

– Да, путать следы ребята умеют.

– Ну, погоди. Может, распутаем.

– Ну, может, и распутаем.

– Командир, прими соболезнования по поводу смерти Николаича.

– По соседям пройдишь. Может, видел кто-нибудь что-нибудь в 11–11.15.

– Сделаю. (Васька, 2025 г.)

Общение проходит в дружественной атмосфере. Обращения в диалоге имеют разговорные формы (Серёга! / Николаича / Командир). Используется лексика (на югах / Ну, погоди) и грамматика разговорного стиля – глаголы поставлены в форму второго лица, единственного числа (пройдишь / прими), предложения простые нераспространенные (Ну, погоди. Может, распутаем.). Отметим, что часть фраз, используемых в диалоге, относится к официально-деловому стилю (Удалось связаться с хозяином квартиры?/соболезнования по поводу смерти). В административном дискурсе происходит смешение стилей речи. Используются также метафора (путать следы ребята умеют) и анафора (Может, распутаем. – Ну, может, и распутаем.).

Следующий видеофрагмент подкрепляет выводы, сделанные выше:

– Дело закрыто. Не было никакого дела. Никто в редакции не согласовывал твоё расследование.

– Именно поэтому оно и было независимым.

– Не умничай. Тебе повезло, что ни «Медлан», ни господин Павловский, в чей загородный дом вы проникли, не будут выдвигать никаких обвинений.

– Кх-х-х!

– Ты думаешь, это смешно? Своим коптером ты чуть не убила гостей Павловского.

– Своим коптером я сняла прямое доказательство, что Павловский прекрасно знаком со всем руководством «Медлана». И что госконтракты на поставку медоборудования были заключены с организацией, чьё руководство – близ-

кие друзья Павловского. Все они, между прочим, напрямую связаны с проведением тендеров.

– Тебе ещё раз повторить, что прокуратура не нашла коррупционной составляющей в проведении тендера в городской больнице компанией «Медлан»? Дело закрыто за отсутствием состава преступления. Поэтому радуйся, что новое дело не открыто против тебя.

– Чего тебе это стоило?

– Тридцать минут извинений, как школьник на собрании. Да и это не помогло бы, если бы не вмешательство твоего покровителя, дело на тормозах никто бы не спускал.

– Какого, нахрен, покровителя?

– Понятия не имею. Кто-то сверху за тобой присматривает. Если бы не он, на нас бы так надавили, что это всё закрыли бы за день. Я не собираюсь двадцать лет своего труда похерить, чтобы просто потешить твоё эго.

– Тогда мне здесь делать нечего.

– Не надо широких жестов. Официально ты здесь не работаешь. Уже две недели. (Прометей, 2024 г.)

Административное общение в данном фрагменте происходит в дружественной манере, участники общения разговаривают как приятели (используют глаголы в форме второго лица, единственного числа). Происходит смешение официально-делового стиля (Никто в редакции не согласовывал ...расследование / ни «Медлан», ни господин Павловский не будут выдвигать никаких обвинений / я сняла прямое доказательство / госконтракты на поставку медоборудования были заключены с организацией... / прокуратура не нашла коррупционной составляющей в проведении тендера / Дело закрыто за отсутствием состава преступления / вмешательство твоего покровителя... / Официально ты здесь не работаешь) и разговорного (Да и это не помогло бы... / Ты думаешь, это смешно? / Не умничай. Тебе повезло, что... / Поэтому, радуйся, что... / Тридцать минут извинений, как школьник на собрании. / Тебе ещё раз повторить...?).

Персонажи данного фрагмента используют разговорную лексику (похерить / на хрен), что не вписывается в рамки официально-делового стиля. Использование подобной лексики представляется невозможным в административном общении середины XX в., воспроизводимом в кинофильмах того периода. В настоящее время сниженная лексика имеет место в административном общении ввиду сближения позиций руководителя и подчиненного, что отражено в этом кинофрагменте.

С развитием техники и под влиянием глобализационных процессов в экономике появляются заимствования в административном дискурсе. В данном видеофрагменте использованы слова

мендер (от англ. *tender*, от *tend* – «обслуживать») и *квадрокоптер* (от англ. *quadcopter*).

В результате проведенного исследования было установлено, что в связи с историческими, экономическими, социальными и культурными трансформациями в жизни общества произошли изменения в коммуникативном поведении руководителя, также изменились стереотипы представления этого явления в кинематографе. Наиболее яркое изменение – это смещение стереотипов от негативного к позитивному, от высмеивания и иронии – к положительному образу.

Стереотип коммуникативного поведения руководителя на данном этапе оформлен в кинодискурсе в соответствии с представлением о руководителе в обществе. В административном дискурсе используются дискурсивные практики современности: стирание границ субординации, наличие дружественных отношений между руководителем и подчиненным, смешение стилей речи (официально-деловой и разговорный), появление заимствований и неологизмов.

Список источников

- «Верные друзья», реж. М. Калатозов, 1954 г.
«Карнавальная ночь», реж. Э. Рязанов, 1956 г.
«Кубанские казаки», реж. И. Пырьев, 1950 г.
«Васька», реж. Г. Кен, 2025 г.
«Живой», реж. М. Кабанов, 2017 г.
«Колбаса», реж. А. Пантелеев, 2025 г.
«Прометей», реж. М. Свешников, 2024 г.

Список литературы

- Бикус Д. С. Вербальные и невербальные характеристики англоязычного черного юмора (на материале кинотекста) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 182–186. doi 10.52452/19931778_2024_2_182
Евтушенко О. А. Административный восторг: эмоциональный аспект административного дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 3. С. 5–9.
Евтушенко О. А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика. Волгоград: ПринТерра, 2018. 192 с.
Евтушенко О. А. Типы административного дискурса с нисходящим статусным вектором // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 121–130.
Ионова С. В. Токсичный руководитель: лингвозекология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 1–12. doi 10.17516/2311-3499-033
Кадыльникова Л. А. Невербальные статусные характеристики коммуникативного поведения ру-

ководителя в англоязычной культуре // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 9. С. 69–74.

Клинова М. А., Трофимов А. В. Советский руководитель: реконструкция образа по материалам журнала «Крокодил» (1953–1964 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. № 2 (49). С. 131–146.

Ленец А. В. Язык и культура как факторы конструирования национальной идентичности в кинодискурсе (на материале австрийских фильмонов) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2. С. 99–106.

Морозова Л. Б., Дуденкова М. М. Представление об имидже современного руководителя // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53-10. С. 302–309.

Новикова Ю. В. Функционирование терминологии бейсбола в американском кинодискурсе. // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 6. С. 24–28.

Раренко М. Б. Экранизация повести Генри Джеймса «Что знала Мейзи»: любительский кинодискурс как подвид институционального кинодискурса // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3, № 1(9). С. 40–46. doi 10.21603/2782-4799-2024-3-1-40-46

Соловьева Н. С. Взгляд на образ руководителя сквозь призму гендерных стереотипов (на материале фразеологии) // Сборник конференций НИЦ «Социосфера». 2014. № 32. С. 56–61.

Сургай Ю. В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 16 с.

Шестакова О. А. Явление глобализации в административном общении // Современный ученый. 2022. № 1. С. 25–29.

Янкина Е. В. Диалогическое общение руководителя и подчиненного как предмет лингвистического исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 2. С. 81–87. doi 10.14529/ling210213

Androutsopoulos J. Introduction: Language and society in cinematic discours. Multilingua. 2012. Vol. 31, № 2-3. P. 139–154. doi 10.1515/multi-2012-0007

Chattopadhyay S. Cinema-Language: The “subject” that transforms human // Aligarh Journal of Linguistics. 2017. P. 2–6. URL: https://www.academia.edu/43206170/Cinema_Language_The_Subject_that_Transforms_human (дата обращения: 20.09.2025)

Chepinchikj N., Thompson C. Analysing Cinematic Discourse Using Conversation Analysis // Discourse, Context & Media. 2016. Vol. 14. P. 40–53. doi 10.1016/J.DCM.2016.09.001

Cox W. T. L., Devine P. G. Stereotypes Possess Heterogeneous Directionality: A Theoretical and

Empirical Exploration of Stereotype Structure and Content // PLoS ONE. 2015. Vol. 10(3), e0122292. doi 10.1371/journal.pone.0122292

Dynel M. Stranger than fiction. A few methodological notes on linguistic research in film discourse // Brno Studies in English. 2011. Vol. 37, № 1. P. 41–61. doi 10.5817/BSE2011-1-3

Kačmárová A. Exploring film dialogue discourse // Discourse and Interaction. 2014. Vol. 7, № 1. P. 66–71. doi 10.5817/DI2014-1-67

Samuilova M. E., Bogatikova V. A. Film Discourse as an Object of Linguistic Research // Education and Science in the 21st Century: Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, 29 Nov. 2023. Vitebsk: Vitebsk State Technological University, 2024. P. 171–172.

Sibley C. G., Osborne D. Stereotype // The International Encyclopedia of Political Communication. Ed. by G. Mazzoleni. John Wiley & Sons, Inc, 2015. P. 1-5. doi 10.1002/9781118541555.WBIEPC096

Zykova I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27 (2). P. 334–362. doi 10.22363/2687-0088-33206

References

Bikus D. S. Verbal and non-verbal characteristics of English-language dark humor (based on the material of the film script). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2024, issue 2, pp. 182–186. doi 10.52452/19931778_2024_2_182 (In Russ.)

Evtushenko O. A. Administrative delight: the emotional aspect of administrative discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*, 2015, vol. 12, issue 3, pp. 5–9. (In Russ.)

Evtushenko O. A. *Administrative Discourse: Types, Subjects, Dynamics*. Volgograd, PrinTerra Publ., 2018. 192 p. (In Russ.)

Evtushenko O. A. Types of administrative discourse with descending status vector. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2017, vol. 16, issue 3, pp. 121–130. doi 10.15688/jvolsu2.2017.3.12 (In Russ.)

Ionova S. V. Toxic head: Linguoecology of verbal behavior. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2018, issue 4 (15), pp. 1–12. doi 10.17516/2311-3499-033 (In Russ.)

Kadil'nikova L. A. Non-verbal status characteristics of the communicative behavior of a leader in the English-speaking culture. *Philological Sciences Bulletin*, 2023, vol. 3, issue 9, pp. 69–74. (In Russ.)

Klinova M. A., Trofimov A. V. Soviet leader: reconstruction of the image according to the journal "Crocodile" (1953–1964). *Perm University Herald. History*, 2020, issue 2 (49), pp. 131–146. doi 10.17072/2219-3111-2020-2-131-137 (In Russ.)

Lenets A. V. Language and culture as the factors of designing the national identity in the film discourse (based on the Austrian filmonyms). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philology*, 2023, issue 2, pp. 99–106. (In Russ.)

Morozova L. B., Dudenkova M. M. The idea of the image of a modern leader. *Problemy sovremen-nogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2016, issue 53-10, pp. 302–309. (In Russ.)

Novikova Yu. V. The functions of baseball terminology in American film discourse. *Modern Humanities Success*, 2023, issue 6, pp. 24–28. (In Russ.)

Rarenko M. B. Screen adaptation of Henry James's novel 'What Maisie Knew': Amateur film discourse as a subtype of institutional film discourse. *Virtual Communication and Social Networks*, 2024, vol. 3, issue 1 (9), pp. 40–46. doi 10.21603/2782-4799-2024-3-1-40-46 (In Russ.)

Solov'eva N. S. A look at the image of a leader through the prism of gender stereotypes (based on phraseology). *Collection of Conference Articles of the Scientific Research Center "Sociosphere"*, 2014, issue 32, pp. 56–61. (In Russ.)

Surgay Yu. V. *Interdiscursivity of film text in the cross-cultural aspect*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tver, 2008. 16 p. (In Russ.)

Shestakova O. A. The phenomenon of globalization in administrative communication. *Modern Scientist*, 2022, issue 1, pp. 25–29. (In Russ.)

Yankina E. V. Dialogic communication between administrative managers and employees as an object of linguistic research. *Bulletin of the South Ural State University. Series 'Linguistics'*, 2021, vol. 18, issue 2, pp. 81–87. doi 10.14529/ling210213 (In Russ.)

Androutsopoulos J. Introduction: Language and society in cinematic discourse. *Multilingua*, 2012, vol. 31, issue 2-3, pp. 139–154. doi 10.1515/multi-2012-0007. (In Eng.)

Chattopadhyay S. Cinema-language: The "subject" that transforms human. *Aligarh Journal of Linguistics*, 2017, pp. 2–6. Available at: https://www.academia.edu/43206170/Cinema_Language_The_Subject_that_Transforms_human (accessed 20 Sep 2025). (In Eng.)

Chepinchikj N., Thompson C. Analysing cinematic discourse using conversation analysis. *Discourse, Context & Media*, 2016, vol. 14, pp. 40–53. doi 10.1016/J.DCM.2016.09.001 (In Eng.)

Cox W. T. L., Devine P. G. Stereotypes possess heterogeneous directionality: A theoretical and empirical exploration of stereotype structure and content. *PLoS ONE*, 2015, vol. 10(3), e0122292. doi 10.1371/journal.pone.0122292 (In Eng.)

Dynel M. Stranger than fiction. A few methodological notes on linguistic research in film discourse. *Brno Studies in English*, 2011, vol. 37, issue 1, pp. 41–61. doi.org/10.5817/BSE2011-1-3 (In Eng.)

Kačmárová A. Exploring film dialogue discourse. *Discourse and Interaction*, 2014, vol. 7, issue 1, pp. 66–71. doi 10.5817/DI2014-1-67 (In Eng.)

Samuilova M. E., Bogatikova V. A. Film discourse as an object of linguistic research. *Education and Science in the 21st Century: Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference*, Vitebsk, 29 Nov. 2023. Vitebsk, Vitebsk State Technological University Press, 2024, pp. 171–172. (In Eng.)

Sibley C. G., Osborne D. Stereotype. In *The International Encyclopedia of Political Communication*. Ed. by G. Mazzoleni. John Wiley & Sons, Inc., 2015, pp. 1–5. doi 10.1002/9781118541555.WBIEPC096 (In Eng.)

Zykova I. V. Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, 27 (2), pp. 334–362. doi 10.22363/2687-0088-33206 (In Eng.)

Информация об авторах

Шестакова Ольга Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Волгоградский государственный
технический университет
400005, Россия, г. Волгоград, просп. им. Ленина,
д. 28

plyasun.ya@mail.ru,

SPIN-код: 9825-0133

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1953-4999>

ResearcherID: LXV-5209-2024

Евтушенко Оксана Александровна

доктор филологических наук,
профессор кафедры «Иностранные языки»
Волгоградский государственный
технический университет
400005, Россия, г. Волгоград, просп. им. Ленина,
д. 28

ksenja22@yahoo.com

SPIN-код: 2250-8599

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

ResearcherID: ABG-3442-2021

Ионкина Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Волгоградский государственный
технический университет
400005, Россия, г. Волгоград, просп. им. Ленина,
д. 28

katya_dzhandalie@mail.ru

SPIN-код: 3849-4098

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5667-5881>

ResearcherID: ABD-4208-2021

*Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена
после рецензирования 22.08.2025; принята к публикации
03.02.2026*

Information about the authors

Olga A. Shestakova

Associate Professor
in the Department of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt Lenina, Volgograd, 400005, Russia

plyasun.ya@mail.ru,

SPIN-код: 9825-0133

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1953-4999>

ResearcherID: LXV-5209-2024

Oksana A. Evtushenko

Professor in the Department of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt Lenina, Volgograd, 400005, Russia

ksenja22@yahoo.com

SPIN-code: 2250-8599

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6280-4731>

ResearcherID: ABG-3442-2021

Ekaterina Yu. Ionkina

Associate Professor
in the Department of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt Lenina, Volgograd, 400005, Russia

katya_dzhandalie@mail.ru

SPIN-code: 3849-4098

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5667-5881>

ResearcherID: ABD-4208-2021

*Submitted 13 May 2025; revised 22 Aug 2025;
accepted 03 Feb 2026*

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111(78)

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-66-75

EDN LJGHRP

<https://elibrary.ru/ljghrp>

Мотив поиска счастья в литературе США

Баранова Ксения Михайловна

Московский городской педагогический университет

baranovkm@mgpu.ru

Шалимова Надежда Сергеевна

Московский городской педагогический университет

shalimovans@mgpu.ru

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ эволюции мотива *поиска счастья* как одного из сквозных идейно-тематических комплексов в литературе США XVII–XXI вв. Благодаря использованию историко-культурного и мотивного методов анализа прослеживается его трансформация в контексте ключевых периодов развития национальной словесности: от пуританской колониальной словесности, романтизма, реализма XIX в., модернизма первой половины XX в. к современной прозе. Исследование демонстрирует, как парадигма счастья смещается от религиозно детерминированных представлений (божественное предопределение, благодать) к антропоцентрическим идеям индивидуального самосовершенствования, морального долга, материального успеха и в дальнейшем к экзистенциальным поискам смысла жизни и личной самореализации. Особый акцент делается на диалектической связи данного мотива с парадигмой «американской мечты», которая выступает одновременно как стимул и как источник трагической иллюзии для персонажей. На материале произведений У. Брэдфорда, Б. Франклина, Н. Готорна, М. Твена, Т. Драйзера, Ф. С. Фицджеральда, Т. Капоте, Н. Спаркса и других авторов выявляются устойчивые нарративные и семантические модели репрезентации счастья, что позволяет говорить о нем как о константе, отражающей фундаментальные социокультурные и философские сдвиги в американском общественном сознании.

Ключевые слова: поиск счастья; американская мечта; трансформация мотива, национальные мотивы.

Для цитирования

Баранова К. М., Шалимова Н. С. Мотив поиска счастья в литературе США // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 66–75. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-66-75. EDN LJGHRP

The “Search for Happiness” Motif in American Literature

Kseniya M. Baranova

Moscow City University

baranovkm@mgpu.ru

Nadezhda S. Shalimova

Moscow City University

shalimovans@mgpu.ru

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the evolution of the motif of the *search for happiness* as one of the recurring ideational and thematic complexes in American literature from the 17th to the 21st century. Using the methods of historical-cultural and motif analysis, the study traces its transformation across key periods in the development of the national literary tradition: from Puritan colonial writings, through the literature of the Enlightenment, 19th-century Romanticism and Realism, Modernism of the early 20th century, to contemporary prose. The study demonstrates how the paradigm of happiness shifts from religiously deterministic notions (divine providence, grace) to anthropocentric concepts of individual self-improvement, moral duty, material success, and, subsequently, to existential searches for meaning, personal self-fulfillment. Particular emphasis is placed on the dialectical connection of this motif with the mythologeme of the "American Dream," which serves simultaneously as an impetus and a source of tragic illusion for the characters. Based on works by W. Bradford, B. Franklin, N. Hawthorne, M. Twain, T. Dreiser, F. S. Fitzgerald, T. Capote, N. Sparks, and other authors, the article identifies stable narrative and semantic models for representing happiness, allowing it to be considered as a constant reflecting fundamental socio-cultural and philosophical shifts in American social consciousness.

Keywords: search for happiness; American dream; transformation of motif; national motives.

For citation

Baranova K. M., Shalimova N. S. The "Search for Happiness" Motif in American Literature. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 66–75. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-66-75. EDN LJGHRP (In Russ.)

Поиски счастья – проблема, волнующая человечество испокон веков. Для каждого индивида счастье имеет свое уникальное значение и выражение. Однако, несмотря на конкретные особенности восприятия, существуют универсальные подходы и принципы, помогающие приблизиться к этому состоянию. Счастье часто воспринимается людьми как чувство гармонии, состояние полного удовлетворения жизнью и внутреннего покоя. Оно связано с ощущением благополучия, радости и эмоционального комфорта.

Мечты о счастье всегда были свойственны людям. Свои мысли они выражают в произведениях художественной литературы. Именно в них легко найти стремление человеческой души к счастью, которое окрыляет героев и возвышает их над идеалом житейского благополучия. Поиски счастья побуждают протагонистов отправляться в дорогу ради славы и совершения героических поступков. Путь к достижению подлинного счастья всегда сопряжен с испытаниями, тяготами, соблазнами, которые необходимо преодолеть. И лишь в конце пути после достижения цели происходит осознание истинного счастья.

В литературе любого народа находят отражение исторические события, происходящие в стране. Американская литература не является исключением. С момента зарождения в ней можно усмотреть основополагающие этапы развития страны [Crawford 1995]. Она является одной из самых молодых литератур мира. Ее зарождение тесно связано с освоением континента выходцами из разных стран. До их появления в Северной Америке существовало более 500 племен, каждое

из которых исповедовало свою религию, поклоняясь разным богам и имея определенные обряды и ритуалы. Этим и объясняется такое разнообразие устной словесности коренных жителей США. Колонисты, приехавшие в Новый Свет, привезли с собой европейские культурные и художественные традиции, которые, несомненно, повлияли на развитие литературы на новых территориях, что исторически было связано с английской литературой.

Категория *поиска счастья* традиционно рассматривается в русле философской антропологии, психологии и культурологии, специфика ее репрезентации в литературе США не становилась объектом специального литературоведческого анализа. Настоящее исследование опирается на фундаментальные труды по исторической поэтике (А. Н. Веселовский, И. В. Силантьев) и мотивному анализу (Б. М. Гаспаров), а также работы, посвященные истории американской литературы (Б. А. Гиленсон, С. С. Савинич, Б. В. Кроуфорд) и изучению ведущих мотивов американской словесности (О. В. Афанасьева, К. М. Баранова). В нем мотив *поиска счастья* рассматривается в диахроническом аспекте как системообразующий элемент национальной традиции. Новизна работы определяется хронологической рамкой исследования (от XVII к XXI в.), позволяющей зафиксировать семантические сдвиги в понимании счастья; жанровым разнообразием материала (от богословских трактатов и автобиографий до модернистской прозы); вниманием к смене культурно-философских парадигм; установлением функции рассматриваемого

мотива (сюжетообразующая, характерологическая, смыслообразующая) в структуре художественного целого. Исследование восполняет существующий пробел и вписывает мотив *поиска счастья* в широкий контекст исторической поэтики.

Как уже было отмечено, данный мотив не рассматривался современными исследователями в качестве одного из ведущих в произведениях колониальной словесности. Обычно к ним относят такие как предопределение, избранность и достоинство, негреховность, дикие просторы, трудолюбие, свобода, равенство [Баранова 2011: 6]. Ученые отмечают, что «данные мотивы можно полагать сквозными и рассматривать их как истоки развития основных тем американской литературы на протяжении нескольких столетий» [там же: 2]. Поскольку все они «в значительной степени оказываются обусловленными мифологическими истоками» [Баранова, Афанасьева 2014: 10], их можно рассматривать как идейные мотивы. То же относится и к мотиву *поиска счастья*, который занимает важное место в американской литературе и проявляется в разных формах и аспектах в соответствии с исторической поэтикой жанров [Жанровая палитра... 2025: 74].

Категория мотива является одной из ключевых в современном литературоведении, однако ее функционально-семантическое наполнение претерпело значительную эволюцию. В классических трудах А. Н. Веселовского мотив трактовался как «простейшая повествовательная единица» [Веселовский 2011]. Данное понятие впоследствии было переосмыслено представителями формальной школы (В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский) и понималось как минимальный элемент сюжета, обладающий способностью к варьированию. В современном литературоведении мотив трактуется значительно шире, его интерпретация восходит к трудам Б. М. Гаспарова, который ввел в научный обиход термин «мотивный анализ», где мотив понимается как кросс-уровневая единица. Подобный анализ сочетает в себе структурный и семантический подходы и опирается на «принцип лейтмотивного построения повествования», при котором «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз» [Гаспаров 1994: 30].

Особую значимость данное понимание приобретает при анализе сквозных идейно-тематических комплексов, к которым можно отнести мотив *поиска счастья*, поскольку через мотивную структуру прочитывается смысл художественного целого литературного произведения [Силантьев 2004].

Выбор материала для настоящего исследования обусловлен несколькими факторами. Одним из принципов отбора стала хронологическая ре-

презентативность – возможность проследить генезис и трансформацию мотива на протяжении значительного исторического периода развития США, от зарождения первых колоний до современности. Еще одним критерием стало жанровое разнообразие произведений. В фокусе исследования колониальные дневники и богословские трактаты («История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда), автобиографический нарратив («Автобиография» Б. Франклина), романтическая, реалистическая и модернистская проза (произведения Н. Готорна, Т. Драйзера, Ф. С. Фицджеральда), подростковая литература («Поллианна» Э. Портер), современный бестселлер (Н. Спаркс) и др. Это позволяет выявить инвариантные свойства мотива, сохраняющиеся при смене жанровых парадигм. Выбранные авторы являются ключевыми фигурами соответствующих литературных эпох: У. Брэдфорд – основоположник колониальной словесности, Б. Франклин – «отец-основатель» американского Просвещения, Н. Готорн – классик американского романтизма, М. Твен и Т. Драйзер – ведущие представители реализма, Ф. С. Фицджеральд – «голос джазовой эпохи», Т. Капоте и Н. Спаркс – знаковые фигуры литературы XX–XXI вв. Таким образом, выбор материала исследования дает возможность комплексного анализа картины эволюции мотива и является репрезентативным для выражения авторских стратегий.

Рассмотрим основные направления и произведения, в которых данный мотив раскрывается наиболее ярко. Первый период североамериканской литературы (1600–1865 гг.) начинается с эпохи первых переселенцев и заканчивается Гражданской войной (1861–1865 гг.) [Гиленсон 2003: 11–12]. Как правило, авторами сочинений в тот период времени были священники. Отличительной особенностью их творчества является форма, в виде которой создавались первые американские литературные произведения. В основном это богословские трактаты, церковные гимны, проповеди, дневники, посвященные описаниям путешествий, нелегких дней освоения новых мест, тяжелых испытаний, которые выпали на долю переселенцев. Яркими примерами подобных работ являются «Общая история Виргинии, Новой Англии и Летних островов» Джона Смита (John Smith “The General History of Virginia, New England and the Summer Isles”, 1624), «История Новой Англии» Джона Уинтропа (John Winthrop “The History of New England”, 1630–1649), «История поселения в Плимуте» Уильяма Брэдфорда (William Bradford “The History of Plymouth Plantation”, 1630–1650), стихотворения Анны Брэдстрит (Anne Bradstreet “The Tenth Muse, Lately Sprung up in America”, 1647) и мн. др.

«История поселения в Плимуте» – одно из сочинений, где дается описание зарождения первой колонии на территории североамериканского континента и больших трудностей, с которыми приходилось сталкиваться поселенцам, чтобы выжить на новых землях и выполнить волю Господа по распространению учения Христа: *Not one of our men was either hit or hurt <...> Afterwards they gave God solemn thanks and praise for their deliverance* («Не было даже ранено ни одного из наших <...> они благодарят Бога за избавление») [Bradford 2002: 34] (перевод здесь и далее выполнен авторами статьи). У. Брэдфорд в своем дневнике неоднократно указывает на то, что только с Божьей помощью членам общины удалось не просто выжить, но и достичь намеченных результатов, что было для них настоящим счастьем.

Эпоха войны за независимость США (1775–1783 гг.), а также Гражданской войны отличается развитием публицистики и политической литературы. Основными сочинителями того времени являются государственные деятели: Бенджамин Франклин (Benjamin Franklin), Сэмюэл Адамс (Samuel Adams), Патрик Генри (Patrick Henry), Томас Джефферсон (Thomas Jefferson), Джон Куинси Адамс (John Quincy Adams) и мн. др.

В 1771 г. Б. Франклин начинает писать свое самое известное произведение «Автобиография» ("The Autobiography"), над которым он работает в течение многих лет [Баранова 2010: 111]. Анализируемое сочинение может служить своеобразным пособием о том, как, полагаясь только на свои силы, человек «третьего сословия» сможет достичь славы, получить образование, стать обеспеченным и успешным в жизни [Meltzer 1988]. Автор делится с читателем своими мыслями о том, как можно прийти к моральному совершенству и материальному благополучию, стать лучше и счастливее: *It may be well my posterity should be informed? That to this little artifice, with the blessing of God, their ancestor owed the constant felicity of his life* («Возможно, моему потомству следует знать, что благодаря этой небольшой уловке, с благословения Бога, их предок обрел постоянное счастье в своей жизни») [Franklin 1997: 46]. С точки зрения Б. Франклина, для этого необходимо быть воздержанным, молчаливым, решительным, бережливым, проявлять любовь к порядку, трудолюбие и иные добродетельные качества [ibid.: 43–44]. Особое место в данном списке добродетелей известный просветитель уделяет трудолюбию, которое его отец считает лучшим средством для достижения богатства и известности. Он с детства помнит наставления своего родителя и поэтому призыва-

ет постоянно заниматься полезным делом, не теряя времени на пустяки: *My original habits of frugality, and my father having, among his instructions to me when a boy, frequently repeated a proverb of Solomon – Seest thou a man diligent in his calling, he shall stand before kings, he shall not stand before mean men* («Моим природным бережливости и трудолюбию способствовали и наставления отца, который, поучая меня в детстве, часто повторял изречение Соломона: «Видал ли ты человека, проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями, он не будет стоять перед простыми») [ibid.: 41]. Следовательно, можно сказать, что для создателя «Автобиографии» счастье – внутреннее становление и путь к нравственному совершенству [Шалимова 2019].

Б. Франклин утверждает, что, придерживаясь этого совета, индивид действительно может считаться трудолюбивым, а потому станет ближе к тому, чтобы называться человеком моральным. Он убежден, что тот, кто хочет стать счастливым, должен быть добродетельным, а главным условием счастливой жизни является правдивость, искренность и честность в отношениях между людьми: *I grew convinced that truth, sincerity and integrity, in dealings between man and man, were of the utmost importance to the felicity of life* («Я все сильнее убеждался, что правда, искренность и честность в отношениях между людьми имеют первостепенное значение для счастья жизни») [Franklin 1997: 47]. Произведение автора иллюстрирует его основную мысль – добиться жизненных успехов и стать счастливым можно, только надеясь прежде всего на самого себя и рассчитывая на свои силы. Соответственно, мотив *поиска счастья* в «Автобиографии» проявляется в достижении морального совершенства, которое, в свою очередь, поможет человеку добиться материального благополучия и стать счастливым.

Если обратиться к работам одного из величайших пуританских философов-богословов Джонатана Эдвардса (Jonathan Edwards), то можно увидеть, что он придерживается иного мнения. Творчество автора основано на выражении двух тем. Первая из них – абсолютный суверенитет Божественного начала [Мотив предопределение... 2023]. Данная мысль прослеживается во всех его работах, написанных до 1740 г. Писатель утверждает, что только Создатель является вершителем судеб человека. Он предопределяет жизнь и поступки людей. Счастливым считается тот, кто уповает на Бога и живет по его наставлениям. В работах более позднего периода Д. Эдвардс не отрицает абсолютный и явный суверенитет Божественного начала, но четко пока-

зывает, что развитие индивида зависит от его свободы выбирать свой собственный путь. Несомненно, человек должен быть морально достойным для осуществления подобного выбора. Однако в трактатах этого проповедника можно усмотреть некоторое изменение его взглядов. Если в ранних произведениях Дж. Эдвардс указывает, что Всевышний предопределяет жизнь и поступки человека, то в более поздних работах известный ученый отмечает, что люди сами в какой-то степени могут решать, как им поступать; они могут больше доверять самим себе.

В начале и середине XIX в., в период становления американской литературы, происходит развитие американского романтизма [Николюкин, 1968]. Один из его известнейших представителей – Натаниэль Готорн (Nathaniel Hawthorne). В 1850 г. выходит в свет его роман «Алая буква» (*“The Scarlet Letter”*), в котором затрагиваются вопросы греха, раскаяния и религиозной нетерпимости. Главная героиня, Эстер Прин (Hester Prynne), обвиняется в супружеской измене. В наказание на протяжении всей жизни она должна носить на одежде вышитую алую букву «А», которая обозначает «неверная супруга» (*Adulteress*). Женщина скрывает от всех имя отца ребенка, потому что он является священником. Эстер не считает себя падшей женщиной и не раскаивается в содеянном, так как, с ее точки зрения, отношения с пастором Димсдейлом (Dimmesdale) – настоящая любовь, которая дарит ей бесконечное, настоящее счастье: *...and showing how sacred love should make us happy, by the truest test of a life successful to such an end* [Hawthorne 2008: 393] («...и показывая, сколь счастливыми должно делать нас священное чувство любви, что подтверждается вернейшим мерилom – жизнью, успешно прожитой для этой цели»). Не взирая на то, что с ней произошло, Эстер счастлива. У нее есть дочь Перл (Pearl), а быть матерью для героини – ни с чем несравнимое счастье: *God gave me the child! – cried she. He gave her in requital of all things else which ye had taken from me. She is my happiness* («Бог дал мне дитя! – воскликнула она. – Он дал его мне в возмещение всего, что вы у меня отняли. Она – мое счастье!») [ibid.: 168]. Таким образом, мотив *поиска счастья* в данном произведении реализуется автором через такие понятия, как любовь и материнство.

Второй период развития американской литературы (1865–1918 гг.) – время реализма, когда постепенно романтическое видение трансформируется в реалистическое художественное мышление [Мулярчик 1988]. В произведениях писателей данного периода, таких как Марк Твен (Mark Twain), Джек Лондон (Jack London), Теодор Драйзер (Theodore Herman Albert Dreiser),

Элинор Портер (Eleanor Porter) и др., действительность изображается в реальном свете с присущими ей актуальными проблемами.

В 1876 г. выходит в свет известный роман Марка Твена «Приключения Тома Сойера» (*“The Adventures of Tom Sawyer”*). Данное произведение не оставляет равнодушным ни детей, ни взрослых. В своей книге автор обращается к теме детства и детской мечты, что неразрывно связано с мотивом *поиска счастья*. Здесь также четко прослеживается связь с мотивом *предопределение*. Если большинство взрослых героев рассматривают Высшую силу как Божий промысел и в этом видят свое счастье, то дети считают, что она прежде всего порождает суеверия и предрассудки. При этом все персонажи романа воспринимают предопределение как испытания, посланные Богом, которые необходимо преодолеть.

Главный герой романа, Том Сойер (Tom Sawyer), жизнерадостный, озорной мальчуган, умеющий превращать обыденные вещи в увлекательные события, а будни – в праздники. Он, безусловно, умеет радоваться мелочам. Так, например, научившись особой манере свистеть, он ощущает себе астрономом, открывшим новую планету. Его радость глубокая и непосредственная: *He felt much as astronomer feels who has discovered a new planet – no doubt, as far as strong, deep, unalloyed pleasure is concerned, the advantage was with the boy, not the astronomer* («Он чувствовал себя почти так же, как астроном, открывший новую планету, – хотя, без сомнения, что касается силы, глубины и чистоты испытанного удовольствия, перевес был на стороне мальчика, а не астронома») [Twain 2018: 8]. В романе описываются разнообразные приключения Тома и его друзей на протяжении нескольких месяцев. Обладая качествами лидера, мальчик способен вдохновлять на рискованные поступки своих не столь смелых и изобретательных приятелей. Он сочувствует тем, кто незаслуженно терпит обиду и несправедливость. Автор симпатизирует своему герою, потому что Том мечтает о свободной, героической жизни, о приключениях и подвигах: *No, he would be a soldier, and return after long years. All war-worn and illustrious. No – better still, he would join the Indians, and hunt buffaloes and go on the warpath in the mountain ranges. But no, there was something gaudier even than this. He would be a pirate! How his name would fill the world, and make people shudder* («Нет, он станет солдатом и вернется спустя много лет. Измученный войной и прославленный. Нет, еще лучше, он присоединится к индейцам, будет охотиться на бизонов и ходить на воевать в горах. Ну нет... есть что-то еще более эффектное. Он станет пиратом! Его имя звучало

бы по всему миру и заставляло людей дрожать от страха») [ibid.: 73–74]. В этом и заключается поиск счастья для протагониста.

Роман известного писателя Теодора Драйзера «Сестра Керри» ("Sister Carrie") был опубликован в 1900 г. Он не сразу получает достойную оценку читателей и критиков, его отвергают за аморальность и несоответствие традиционным ценностям. В указанном произведении американский писатель поднимает классическую для США 90-х гг. XIX в. проблему стремления к американской мечте. Главная героиня произведения, Керри Мибер (Carrie Meeber), по достижении восемнадцати лет приезжает из небольшого, захолустного городка Колумбия-Сити (Columbia City) в большой промышленный город Чикаго (Chicago). Девушкой движет единственное желание – покорить большой город. И даже если она не сможет добиться в нем невероятного успеха – всё же хочет стать его неотъемлемой частью.

Карьера, финансовое благополучие, успешность – вот в чем и заключается поиск счастья для главной героини, как и для большинства людей того времени: *And yet she was interested in her charms, quick to understand the keener pleasures of life, ambitions to gain in material things* («И все же она уже интересовалась своими чарами, быстро понимала прелесть более острых жизненных удовольствий, лелеяла честолюбивые мечты о материальных благах») [Dreiser 2016: 5]. Керри достигает цели, которая в начале кажется ей смыслом жизни, но вместе с тем она понимает, что несчастлива: *In fine raiment and elegant surroundings, men seemed to be contented. Hence, she drew near these things. Chicago, New York, Drouet, Hurstwood. The world of fashion and the world of stage. These were but incidents. Not them, but that which they represented, she longed for. Time proved the representation false* («В красивых одеждах, среди изысканной обстановки люди, казалось, были довольны своей судьбой. Поэтому она и тянулась к этому. Чикаго, Нью-Йорк, Друэ, Герствуд. Мир моды и мир сцены – все это было лишь случайностью. Она жаждала не их, а того, что они собой представляли. Но время показало, что это представление ложно») [ibid.: 629]. Девушка начинает задумываться о том, что деньги и слава не самое главное. Они не приносят счастья. Благодаря словам молодого человека по имени Эмс (Ames) она размышляет о профессии драматической актрисы, которая позволила бы ей самореализоваться, создать что-то ценное для других, тем самым не растратить своих способностей и стать по-настоящему счастливым человеком. В данном произведении мотив *счастья* реализуется в его поиске. В начале романа главная героиня

видит счастье в достижении славы и богатства, но затем под влиянием различных обстоятельств она меняет свою точку зрения и понимает его как свою личную самореализацию.

В 1913 г. американская писательница Элино́р Портер создает повесть «Поллианна» ("Pollyanna"). Спустя столетие главная героиня, одиннадцатилетняя девочка по имени Поллианна, продолжает учить читателей всех возрастов одной увлекательной игре – «игре в радость», с которой ее познакомил отец. Суть этой игры заключается в том, чтобы во всем всегда находить что-то, чему можно радоваться. Автор описывает Поллианну как худенькую девочку в красном клетчатом платице с двумя косичками, торчащими из-под соломенной шляпки. Но всех в ней привлекают необыкновенно красивые голубые глаза, в которых отражается чистая душа. Страница за страницей книга постепенно открывает непростую и необычную историю жизни маленькой героини, на чью долю выпадает много испытаний. Она рано становится сиротой, потом получает тяжелую травму позвоночника, в результате чего девочка долгое время прикована к постели. Однако она не отчаивается и продолжает радоваться каждому прожитому дню. Для нее счастье заключается в том, что она просто живет.

Под влиянием главной героини меняются жители городка Белдингсвилль (Beldingsville), которые привыкли жить только для себя, замкнувшись в своем мелочном мире: *So you see, dear, it's just you that have done it. The whole town is playing the game, and the whole town is wonderfully happier – and all because of one little girl who taught the people a new game, and how to play it* («Так что видишь, дорогая, это все ты. Весь город играет в эту игру, и весь город стал необыкновенно счастливее – и все из-за одной маленькой девочки, которая научила людей новой игре и показала, как в нее играть») [Porter 2013: 227]. Но самая значительная трансформация происходит с тетей Полли (Aunt Polly), которая до приезда Поллианны жила по своим строгим законам, делая всё не по собственному желанию, а из чувства долга. Девочка заставляет ее измениться, стать добрее и искреннее. Повесть Элино́р Портер учит читателя находить во всем положительные стороны, даже в самых сложных ситуациях. Она помогает людям понять, что они могут быть уже счастливы, лишь стоит оглянуться вокруг. В данном произведении мотив *поиска счастья* отображен в ценности самой жизни и здоровье человека.

Третий период становления американской литературы (1918–1940 гг.) называют эпохой модернизма. Произведения этого времени тесно

связаны с Первой мировой войной (1914 – 1918). Их авторы – Эрнест Хемингуэй (Ernest Miller Hemingway), Гертруда Стайн (Gertrude Stein), Томас Элиот (Thomas Stearns Eliot), Фрэнсис Скотт Фицджеральд (Francis Scott Key Fitzgerald) и др.

В 1925 г. известный писатель США Ф. С. Фицджеральд создает роман «Великий Гэтсби» (“The Great Gatsby”), в котором повествует о жизни Америки в 1920-е гг. Данное произведение появляется одновременно с «Американской трагедией» Теодора Драйзера (“An American Tragedy”). Герои обеих книг, Клайд Гриффитс (Clyde Griffiths) и Джей Гэтсби (Jay Gatsby), упорно стремятся воплотить в жизнь американскую мечту, то есть идеал жизни, который заключен для них в богатстве, престиже и роскоши. Они уверены, «что каждый способен стать богатым, а следствие этого возможность покупать счастье при помощи достатка и влияния» [Коршунова 2017: 24]. Однако это не так. Авторы указанных романов хотят показать, что причины неудач протагонистов проистекают из самой американской действительности, которая не соответствует сформировавшимся представлениям о неограниченных возможностях для граждан страны: *Gatsby believed in the green light, the orgastic future that year by year recedes before us it eluded us then, but that’s no matter – tomorrow we will run faster, stretch out our arms farther <...> and one fine morning* («Гэтсби верил в зеленый огонек, свет невероятного будущего счастья, которое отдалается с каждым годом. Пусть оно ускользнуло сегодня, но не беда – завтра мы побежим быстрее, шире распрострем наши руки... и в одно прекрасное утро...») [Fitzgerald 2016: 193]. Они, по сути, верят в миф об американской мечте, что является стимулом в их стремлении к успеху [Савинич 2019]. Мотив поиска счастья в этих романах воплощен в достижении американской мечты. Данное понятие не имеет четких границ. Каждый вкладывает в него свой смысл, от чего мечта становится более притягательной, хотя и не приносит людям истинного счастья.

Четвертый период развития художественной литературы в США начинается с 1940 г. Известные его представители – Джером Сэлинджер (Jerome David Salinger), Джон Апдайк (John Hoyer Updike), Сол Беллоу (Saul Bellow), Курт Воннегут (Kurt Vonnegut), Уильям Стайрон (William Styron), Теннесси Уильямс (Thomas Lanier Tennessee Williams), Артур Миллер (Arthur Asher Miller), Трумен Капоте (Truman Capote) и др.

«Завтрак у Тиффани» (“Breakfast at Tiffany’s”) – самое знаменитое произведение Трумена Капоте, написанное в 1958 г. Главную героиню, Холли Голайтли (Holly Golightly), довольно эксцентричную и полную жизни девушку, манит к себе

мир богатых людей. Она полна жизни и воплощает в себе самую сущность города Нью-Йорк (New York City). Данный образ сочетает в себе детскую наивность и чарующее обаяние настоящей женщины. В ее жизни были лишения и унижения, так как девушка рано потеряла родителей: *Because Holly wanted to know about my childhood. She talked of her own, too; but it was elusive, nameless, placeless, an impressionistic recital, though the impression received was contrary to what one expected, for she gave an almost voluptuous account of swimming and summer, Christmas tree, pretty cousins and parties: in short, happy in a way that she was not, and ever, certainly, the background of child who had run away* («Потому что Холли захотелось узнать о моем детстве. Она тоже рассказала о своем; но рассказ ее был уклончив, безымяннен, безместен – импрессионистский пересказ, и всё же производимое впечатление было противоположно ожидаемому, потому что она описывала почти сладострастно – купание и лето, рождественскую елку, хорошеньких кузин и вечеринки: словом, счастливое, каким оно не было для нее и, конечно, фоном всему – ребенок, который сбежал») [Capote 2017: 17]. Она старается убежать от бесприютной тоски, несмотря на внешнее веселье. Холли находится в поисках настоящего человеческого счастья. Но ее мечтам не дано осуществиться. Красной нитью через всё повествование проходит тема разрыва между мечтой и действительностью главной героини. Здесь мотив *счастье* выражен в его поиске и невозможности достижения в силу определенных обстоятельств.

Современный период американской литературы известен такими именами, как Джон Грин (John Green), Дэн Браун (Dan Brown), Сара Джо (Sarah Jio), Джонатан Сафран Фоер (Jonathan Saffran Foer), Гейл Форман (Gayele Forman), Вероника Рот (Veronica Roth), Николас Чарльз Спаркс (Nickolas Charles Sparks) и мн. др.

В 2011 г. выходит в свет роман всемирно известного американского писателя Николаса Чарльза Спаркса «Лучшее во мне» (“The Best of Me”). Это история о первой любви. Доусон Коул (Dawson Cole), главный герой, вырос в неблагополучной семье. Он знает цену деньгам и понимает, что в этой жизни может положиться только на самого себя. Аманда (Amanda Collier) воспитывалась в достатке и любви, однако деньги не избаловали ее, скорее, наоборот, помогли ей понять, что они не являются в жизни основной ценностью. Молодые люди полюбили друг друга: *She’d loved him once and had loved him again, and nothing would ever change the way she felt. After all, Dawson had renewed her life in a way she’d never imagined possible* («Она любила его

когда-то и полюбила снова, и ничто не могло изменить ее чувств. Ведь то лето возродило ее жизнь так, как она не могла себе даже представить») [Sparks 2013: 129]. Однако им не суждено быть вместе. Через 25 лет они встречаются на похоронах своего учителя Така Хостетлера (Tuck Hostetler) и понимают, что все прошедшие годы были одиноки. Аманда сообщает Доусону, что она была счастлива только рядом с ним и хочет, чтобы это счастье никогда не заканчивалось: *I don't know that I've ever felt as happy as I did that day, but then again, it was always like that when we were together. I never wanted it to end* («Не знаю, чувствовал ли я когда-нибудь еще такое счастье, как в тот день. Хотя, если подумать, так было всегда, когда мы были вместе. Мне никогда не хотелось, чтобы это кончалось» [Sparks 2013: 56]. Но женщина замужем. Обязательства перед мужем и детьми, а также сильное чувство долга заставляют ее выбрать семью. В этом романе Н. Спаркс обращается к темам первой любви, семьи, долга. Он также затрагивает темы одиночества и классового неравенства. Ведь именно социальная пропасть между семьями Доусона и Аманды становится главной причиной разлуки юных влюбленных. Здесь мотив поиска счастья выражен в чувствах, которые испытывают протагонисты.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что мотив *поиска счастья* видоизменялся и трансформировался на протяжении всей истории формирования американской литературы. Он выполняет ряд ключевых функций, которые определяют его роль в структуре художественного текста. *Сюжетобразующую*, поскольку путь к достижению счастья сопряжен с испытаниями, тяготами, соблазнами, которые необходимо преодолеть главному герою, что формирует нарративную структуру произведения. *Характерологическую*, так как понимание счастья и способов его достижения раскрывает ценностные ориентиры персонажей, их нравственную сущность. Так, в «Автобиографии» Б. Франклина стремление к моральному самосовершенствованию и материальному благополучию формирует образ человека «третьего сословия», полагающегося только на собственные силы. В повести Э. Портер «Поллианна» способность находить радость в любых обстоятельствах становится главной характеристикой героини и способом изменения окружающего мира. *Смыслообразующую* – мотив *поиска счастья* видоизменялся и трансформировался на протяжении всей истории формирования американской литературы, это делает его репрезентативным с точки зрения отражения социокультурных изменений и национального самосознания.

Анализ мотива *поиска счастья* позволяет установить его место и роль на мотивном уровне текстов и связь с иными элементами поэтики художественного целого. На протяжении всей истории американской литературы данный мотив сохраняет статус одного из сквозных. В колониальный период он неразрывно связан с мотивами предопределения, избранности и трудолюбия. В «Истории поселения в Плимуте» У. Брэдфорда счастье понимается исключительно как благодать, ниспосланная свыше. В эпоху Просвещения происходит сближение мотива *поиска счастья* с проблемами самосовершенствования, морального долга и материального успеха. В «Автобиографии» Б. Франклина счастье становится результатом сознательных усилий человека. В литературе романтизма и реализма мотив *поиска счастья* вступает в сложные отношения с мотивами негреховности (Н. Готорн), свободы (М. Твен), достоинства и равенства (Т. Драйзер). В творчестве Ф. С. Фицджеральда и Т. Капоте мотив *поиска счастья* неразрывно связан с мотивами утраченных иллюзий. Именно поэтому «зеленый огонек», символизирующий будущее счастье в романе «Великий Гэтсби», отдаляется с каждым годом, а мечтам Холли Голайтли не дано осуществиться. Взаимосвязь исследуемого мотива с другими элементами поэтики реализуется на уровне образной системы, воплощаясь в таких образах-символах, как «зеленый огонек» (символ недостижимого будущего счастья) или «алая буква» (знак греха, оборачивающегося счастьем материнства). Прослеживается она и на уровне хронотопа: поиск счастья разворачивается в оппозициях «дом/дорога», «прошлое/будущее», «провинциальный/большой город».

Таким образом, исследуемый мотив занимает центральное место в мотивной системе американской литературы, интегрируя различные уровни поэтики и отражая фундаментальные сдвиги в национальном сознании на протяжении четырех столетий.

В приведенных произведениях колониального периода данный мотив был воплощен в преодолении всех невзгод судьбы благодаря помощи Божьей воли. Можно отметить некоторые изменения в анализируемом мотиве. Так, например, наряду с богобоязненным поведением появляется право на свободу выбора, стремление к моральному совершенствованию и материальному благополучию при помощи физического и умственного труда. В более поздних произведениях литературы США мы видим воплощение мотива *поиска счастья* в теме детства, первой любви, ценности жизни или просто радости жизни, стремлении главных героев к *американской мечте*, поисках смысла, а также проявлении материнской любви.

Список литературы

Баранова К. М. XVIII столетие. Рождение американской мечты: (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина). М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2010. 250 с.

Баранова К. М. Основные идейные и сюжетно-образные мотивы в литературе Новой Англии XVII–XVIII веков. Становление традиций в литературе США: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 490 с.

Баранова К. М., Афанасьева О. В. Образ Нового Адама в американской колониальной литературе XVII века // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 3 (15). С. 8–17.

Веселовский А. Н. Избранное: историческая поэтика. СПб.: Университетская книга, 2011. 684 с.

Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994. 304 с.

Гиленсон Б. А. История литературы США. М.: Академия, 2003. 704 с.

Жанровая палитра зарубежной литературы / К. М. Баранова, Л. Г. Викулова, С. А. Герасимова [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2025. 265 с.

Коришунова Е. С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. 2017. № 4. С. 22–27.

Мотив предопределение в литературе США: эволюция и трансформация / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, С. С. Савинич [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2023. 238 с.

Мулярчик А. С. Современный реалистический роман США. М.: Высшая школа, 1988. 174 с.

Николюкин А. Н. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 413 с.

Савинич С. С. Смысл, или Игра в смысл. Проблемы интерпретации произведений американских авторов эпохи постмодернизма // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 3 (50). С. 62–70.

Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Шалимова Н. С., Дрянговская Я. В. Нарратив становления героя в романе Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту» // Сибирский филологический форум. 2019. № 3 (7). С. 80–86. doi 10.25146/2587-7844-2019-7-3-20

Bradford W. History of Plymouth Plantation: 1620–1647. Ed. with the introduction and notes by Samuel Eliot Morison. Chicago: McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p.

Capote T. Breakfast at Tiffany's. United States: Vintage, 2017. 160 p.

Crawford B. V., Kern A. C., Needleman M. H. American Literature. New York: Barnes and Noble, 1995. 360 p.

Dreiser T. Sister Carrie. California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 356 p.

Fitzgerald F. The Great Gatsby. California: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 140 p.

Franklin B. Autobiography, Poor Richard and Later Writings. New York: Library of America, 1997. 816 p.

Hawthorne N. The Scarlet Letter. E-book, 2008. 333 p.

Meltzer M. Benjamin Franklin: The New American. New York: Franklin Watts, 1988. 288 p.

Porter E. Pollyanna. New York: Sterling Children's Books, 2013. 208 p.

Sparks N. The Best of Me. New York: Grand Central Publishing, 2013. 368 p.

Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. California: SeaWolf Press, 2018. 270 p.

References

Baranova K. M. *The 18th Century. The Birth of the American Dream*. Moscow, Moscow Region State University Press, 2010. 250 p. (In Russ.)

Baranova K. M. *The main ideological and plot-imagery motifs in the literature of New England of the 17th and 18th centuries. The formation of traditions in American literature*. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2011. 490 p. (In Russ.)

Baranova K. M., Afanas'eva O. V. The image of the New Adam in 17th-century American colonial literature. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2014, issue 3 (15) 6, pp. 8–17. (In Russ.)

Veselovskiy A. N. *Selected Works: Historical Poetics*. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2011. 684 p. (In Russ.)

Gasparov B. M. *Literary Leitmotifs. Essays on 20th-Century Russian Literature*. Moscow, Nauka Publ., 1994. 304 p. (In Russ.)

Gilenson B. A. *History of U.S. Literature*. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)

Baranova K. M., Vikulova L. G., Gerasimova S. A. et al. *Genre Palette of Foreign Literature*. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2025. 265 p. (In Russ.)

Korshunova E. S. The American dream in American fiction. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2017, issue 4, pp. 22–27. (In Russ.)

Afanas'eva O. V., Baranova K. M., Savinich S. S. et al. *The Motif of Providence in American Literature: Evolution and Transformation*. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2023. 238 p. (In Russ.)

Mulyarchik A. S. *Modern Realistic Novel of the USA*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 174 p. (In Russ.)

Nikolyukin A. N. *American Romanticism and Modernity*. Moscow, Nauka Publ., 1968. 413 p. (In Russ.)

Savinich S. S. Meaning or a game of meaning? The problems of comprehending postmodern novels by American authors. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2019, issue 3(50), pp. 62–70. (In Russ.)

Silant'ev I. V. *The Poetics of the Motif*. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 296 p. (In Russ.)

Shalimova N. S., Dryangovskaya Ya. V. The narrative of formation of the character in Ray Bradbury's novel "Fahrenheit 451." *Siberian Philological Forum*, 2019, issue 3 (7), pp. 80–86. doi 10.25146/2587-7844-2019-7-3-20 (In Russ.)

Bradford W. *History of Plymouth Plantation: 1620–1647*. Ed. with the introduction and notes by Samuel Eliot Morison. Chicago, McGraw-Hill Humanities, 2002. 512 p. (In Eng.)

Capote T. *Breakfast at Tiffany's*. United States, Vintage, 2017. 160 p. (In Eng.)

Crawford B. V., Kern A. C., Needleman M. H. *American Literature*. New York, Barnes and Noble, 1995. 360 p. (In Eng.)

Dreiser T. *Sister Carrie*. California, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 356 p. (In Eng.)

Fitzgerald F. *The Great Gatsby*. California, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 140 p. (In Eng.)

Franklin B. *Autobiography, Poor Richard and Later Writings*. New York, Library of America, 1997. 816 p. (In Eng.)

Hawthorne N. *The Scarlet Letter*. E-book, 2008. 333 p. (In Eng.)

Meltzer M. *Benjamin Franklin: The New American*. New York, Franklin Watts, 1988. 288 p. (In Eng.)

Porter E. *Pollyanna*. New York, Sterling Children's Books, 2013. 208 p. (In Eng.)

Sparks N. *The Best of Me*. New York, Grand Central Publishing, 2013. 368 p. (In Eng.)

Twain M. *The Adventures of Tom Sawyer*. California, SeaWolf Press, 2018. 270 p. (In Eng.)

Информация об авторах

Баранова Ксения Михайловна

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой английской филологии
Московский городской педагогический университет
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
baranovkm@mgpu.ru

SPIN-код: 7744-4741

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

Шалимова Надежда Сергеевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры английской филологии
Московский городской педагогический университет
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
shalimovans@mgpu.ru

SPIN-код: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Статья поступила в редакцию 13.02.2026; одобрена после рецензирования 11.03.2026; принята к публикации 01.04.2026

Information about the authors

Kseniya M. Baranova

Professor in the Department of English Philology,
Head of the Department of English Philology
Moscow City University
4, Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi proezd, Moscow,
129226, Russia
baranovkm@mgpu.ru

SPIN-code: 7744-4741

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

Nadezhda S. Shalimova

Professor, Department of English Philology,
Moscow City University
4, Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi proezd, Moscow,
129226, Russia
shalimovans@mgpu.ru

SPIN-code: 1894-7562

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Submitted 13 Feb 2026; revised 11 Mar 2026; accepted 01 Apr 2026

УДК 821.161.1(91)
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-76-84
EDN REJYPD

<https://elibrary.ru/rejypd>

Художественный психологизм и концепция личности (теоретико-методологический обзор)

Белоусова Евгения Александровна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
evgbel131@mail.ru

Аннотация. В статье актуализирована необходимость теоретико-методологической постановки вопроса о связях между основными вехами становления художественного психологизма и доминировавшими в искусстве слова концепциями личности. Утверждается, что сознательный отказ от психологизма в разные эпохи служит важным маркером не только писательской индивидуальности, но и литературной «общности», при этом сам психологизм интересен в качестве инструмента изображения человека и постижения глубины его личности начиная с эпохи реализма, когда особенности индивидуальной психики воспринимаются писателями как дифференциальные на фоне устойчивых типологических черт, а в науке и критике на передний план выдвигается изучение чувств, эмоций, поступков героев (и шире – социальных типов) как результата определенных исторических и общественных процессов. Один из векторов методологического освещения указанной проблематики проиллюстрирован на примере научного и критического восприятия творчества Ф. М. Достоевского в отечественной традиции. Через оценки его исследователей зримо проявлялись изменения в отношении к художественному психологизму, обусловленные доминированием разных концепций личности, обусловленных как социально-политически, так и мировоззренчески. Тем самым обосновывается, что учет связей между художественным психологизмом и господствующей либо маргинальной в ту или иную эпоху концепцией личности может способствовать уточнению алгоритмов анализа поэтики текста, наиболее адекватных конкретному историко-литературному материалу, а не отвлеченных от него. Данное положение согласуется с аксиомой «предельной осмысленности литературного текста» (В. И. Тюпа), предполагает обнаружение в основе его эстетической упорядоченности некоторой «модели личностного присутствия» («я-в-мире») и не противоречит комплексному взгляду на психологизм, который не поддается универсальному методу изучения и нуждается в координирующем подходе.

Ключевые слова: психологизм; психологический анализ; концепция личности; Ф. М. Достоевский.

Для цитирования

Белоусова Е. А. Художественный психологизм и концепция личности (теоретико-методологический обзор) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 76–84. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-76-84. EDN REJYPD

Artistic Psychologism and the Concept of Personality (theoretical and methodological review)

Evgenia A. Belousova

Lomonosov Moscow State University
evgbel131@mail.ru

Abstract. The article highlights the need for a theoretical and methodological formulation of the problem of the connections between the main stages in the formation of artistic psychologism and the concepts of personality that dominated the art of speech in a particular period. It is argued that conscious rejection of psychologism in different epochs serves as an important marker not only of the writer's individuality but also of literary "commonality"; psychologism itself is interesting as a tool for depicting a person and comprehending the depth of his personality starting from the era of realism, when the features of the individual psyche are perceived by writers as differential against the background of stable typological features, while what comes to the forefront in science and criticism is the study of feelings, emotions, and actions of heroes (and more broadly – of social types) as a result of certain historical and social processes. One of the vectors of methodological coverage of this problem is illustrated by the example of scientific and critical perception of Fyodor Dostoevsky's writings in the Russian tradition. Through the assessments made by researchers, it is possible to clearly see changes in attitudes toward artistic psychologism, these caused by the dominance of different concepts of personality, both determined socio-politically and worldview-conditioned. Thus, it is proved that taking into account the connections between artistic psychologism and the dominant or marginal concept of personality in a particular era can contribute to clarifying the algorithms for analyzing the poetics of a text that would be most adequate to a specific historical and literary material. This approach is consistent with the axiom of the "ultimate meaningfulness of a literary text" (V. I. Tyupa), assumes the discovery of a certain "model of personal presence" ("I am in the world") at the heart of its aesthetic orderliness, and does not contradict the complex view of psychologism, which does not lend itself to a universal method of study and needs a coordinating approach.

Keywords: psychologism; psychological analysis; concept of personality; Fyodor Dostoevsky.

For citation

Belousova E. A. Artistic Psychologism and the Concept of Personality (theoretical and methodological review). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 76–84. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-76-84. EDN REJYPD (In Russ.)

Классики психологии – З. Фрейд и К. Юнг¹ – давно отметили связь характера человека, особенностей его поведения с одобряемой / не одобряемой в ту или иную эпоху концепцией личности. По отношению к художественной словесности мысль о зависимости типа психологизма от преобладающих в социуме представлений о личностных индикаторах закономерна. «Литература, – заключает В. И. Масловский, – это барометр общества, его запросов, стрелка которого колеблется между познанием и воспитанием человека. Психологизм – производное от понимания человека...» [Масловский 2018]. Между тем основные вехи становления психологизма применительно к доминировавшим в искусстве слова концепциям личности так и не получили специального теоретического освещения, отойдя в область историко-литературных «штудий»².

Осознавая невозможность устранения существующей лакуны в рамках данной статьи, мы стремимся актуализировать методологический ракурс указанной проблематики и наметить один из продуктивных векторов ее рассмотрения на примере научного и критического восприятия творчества Ф. М. Достоевского – одного из самых ярких художников-исследователей внутренней жизни, «реалиста в высшем смысле» – в отечественной традиции. Поскольку реалии, кото-

рые писатель воспроизводит в своих произведениях, по точному замечанию З. Фрейда, с точки зрения рассудка могут показаться несправедливыми, но психологически они абсолютно правдивы [Фрейд 1995: 289]. Акцент на русской литературе в этой связи обусловлен тем фактом, что зарубежная литературоведческая традиция в большей степени тяготеет к психоанализу, а не психологизму.

Предварительно подчеркнем, что с точки зрения анализа художественного произведения психологизм интересен как инструмент, благодаря которому автор изображает человека, постигает глубину его личности. При этом сознательный отказ от психологизма в разные эпохи служит важным маркером как писательской индивидуальности, так и литературной «общности».

Разумеется, обращаться здесь к древней литературе не приходится. Вспомним выводы академика А. Н. Веселовского о «нерасчлененно-сливной природе» архаического сознания. Источком синкретизма, по мнению ученого, является нерасчлененность чувственных восприятий, данных разных органов чувств, отсутствие автора и героя как самостоятельных субстанций (см. подробнее: [Веселовский 1940]). Позднее, в эпоху

Античности, фиксация определенных чувств и эмоций писателями встречается, но отсутствует собственно психологический анализ. Так, по М. М. Бахтину, чувства героя древнегреческого романа показывались и – соответственно – воспринимались одинаково «вовне для всех» и «для себя» [Бахтин 1970: 63]. Вплоть до конца XVIII в. в европейских литературах характеристики персонажа во многом зависели от жанровых особенностей произведения (исповедальный роман раннехристианской литературы или куртуазный роман) (см. подробнее: [Гинзбург 1977]). В свою очередь, сентиментализм и романтизм, несмотря на внимание к художественному моделированию внутреннего мира личности, не были психологичны в строгом смысле слова, поскольку оставались далеки от индивидуализации как принципа художественного изображения человека: «... всю эту сложность романтики, во-первых, относили именно к исключительным личностям, а во всех остальных полагали скорее одномерность и стереотипность» [Галанов 1982: 88].

Кардинально ситуация меняется в эпоху реализма, когда особенности индивидуальной психики начинают восприниматься как дифференциальные на фоне устойчивых типологических черт. Углубление внутреннего мира персонажа в искусстве неотделимо от того, что в самой жизни усложняется представление о человеке как психофизическом организме. По словам О. Б. Золотухиной, в литературе второй половины XIX в. складывается взгляд на личность во взаимодействии «трех сфер: тела, психики и сознания (биологического, душевного, духовного)» [Золотухина 2009]. Наконец, появление психологического анализа в художественном творчестве свидетельствовало не только о трансформации социальных и межличностных отношений, которые требовали соответствующих способов осмысления, но и о готовности литературы к такому познанию, о достаточном развитии ее потенциала. Одновременно с этим в науке и критике на передний план закономерно выдвинулось изучение чувств, эмоций, поступков героев (и шире – социальных типов) как результата определенных исторических и социальных процессов³.

Модернистская концепция личности, сформировавшаяся к началу XX в., в большей степени, чем реалистическая, учитывала динамические процессы психики, представляла фрагментарное или растворившееся в непрерывно изменяющемся потоке психических реакций сознание героя. Для обозначения новой формы психологизма Л. А. Колобаева вводит термин «психологизм символично-мифологический», то есть «условный, “скрытый” и синкретический, в отличие от

психологизма аналитического, каузального, “объясняющего”, логически прозрачного, который преобладал в классической литературе прошлого» [Колобаева 1999: 9].

На русской почве, в новых общественно-политических реалиях, после прихода к власти большевиков, проблемы художественного психологизма встали особенно остро: сказались и резкое размежевание литературных сил, и неопределенность героя нового времени. Марксистская этика требовала «безусловного подчинения тех или иных желаний общественному долгу» [Воробьева 2013: 81]. Отсюда презрение, с которым будущие проповедники соцреализма относились к рефлексии, сложным душевным конфликтам – всему, что ассоциировалось со слабостью, изнеженностью характера. «Большевиком, – небезосновательно предположил Г. Уэллс, – придется перестроить не только материальную организацию общества, но и образ мышления целого народа... Чтобы построить новый мир, нужно сперва изменить всю их психологию» [Уэллс 1958: 74]. И действительно, «отмена» прошлого, разрыв человека со всем, что казалось аксиоматичным и привычным, привели к существенным представлениям о личности в обществе. Проследивая «формовку советского писателя», Е. А. Добренко исследовал социальные и эстетические истоки советской литературной культуры, которая стала продуктом коллективного сознания, отражая дух и цели социалистического общества [Добренко 1999]. В конечном счете не только в литературе, но и в социуме тоталитарного периода «человек, как личность, как индивид, перестает существовать, он доподлинно превращается в “человеческий материал”» [Геллер 1994: 138].

После Великой Отечественной войны началось художественное переосмысление действительности и человека. В частности, проза сперва обратилась к теме судьбы поколения («Жатва» Г. Е. Николаевой, 1950; «Дни нашей жизни» В. К. Кетлинской, 1952; «Журбины» В. А. Кочетова, 1952; и т. п.), а с середины 1960-х гг. стала смещать внимание на идейно-нравственные искания героя, коллизии индивидуальной психологии («Солдатами не рождаются» К. М. Симонова (1964), «Сотников» В. В. Быкова (1969), «Живи и помни» В. Г. Распутина (1974), «Выбор» Ю. В. Бондарева (1975) и др.). Согласимся с П. Л. Вайлем и А. А. Генисом* в том, что «идея

*Генис Александр Александрович включен в реестр иностранных агентов. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр 25.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 14.05.2026)

выбора между плохим и хорошим пронизывала всю культуру 60-х» [Вайль, Генис** 1998: 54]. Неслучайным поэтому видится возродившийся интерес литературоведов к вопросам психологизма. Показателен вывод В. В. Компанейца, сделанный в первой половине 1970-х гг.: «По проблеме новаторства советских писателей в области психологизма пока еще нет специальных крупных исследований, а имеющие к ней отношение многочисленные отдельные наблюдения и высказывания не систематизированы и не обобщены» [Компанейц 1974: 59]. Между тем, как мы уже писали ранее, именно к 1970-м гг. научный подход стал основополагающим в изучении психологизма [Белосова 2024].

Современный этап развития русской литературы изобилует формами внутреннего изображения личности. Воплощение рефлексии как основы психологического анализа часто сочетается с символизацией душевных явлений, «проступают новые художественные подходы к человеческой психологии, обнаруживается обращение к синтетическим способам психологизма, стремление в исследовании бессознательных, “нижних” слоев психики проявить “сущностные начала” – с помощью косвенных, опосредованных приемов символично-мифологического психологизма и утонченных хронотопических его форм» [Колобаева 1999: 20]. Ряд авторов с диаметрально противоположными эстетическими установками (например, В. Г. Сорокин и З. Прилепин) усматривают связи между реалиями мировой истории и душевной трансформацией героев, разделяют динамическое понимание личности, одновременно субъективизируют и типологизируют картину мира. Соответственно, и в литературоведении утвердился взгляд на психологизм как на комплексное явление, которое не поддается «универсальному» методу изучения и нуждается в координирующем взгляде.

Иллюстрацией к сказанному может быть случай Ф. М. Достоевского. В оценках его творчества зримо проявлялись изменения в отношении к художественному психологизму, обусловленные доминированием разных концепций личности, обусловленных как социально-политически, так и мировоззренчески. Не ставя задачи отразить весь спектр работ о Достоевском⁴, мы обра-

тимся к наиболее репрезентативному в аспекте рассматриваемой проблематики опыту отечественных критиков и литературоведов. По верному замечанию В. Л. Комаровича, «никто из русских писателей в своей литературной судьбе не претерпел столько превратностей, как Достоевский; никто из них, кроме него, не испытал такой резкой смены восторга и равнодушия, проникновенной близости к себе читателя и враждебной его отчужденности» [Комарович 1925: 3].

Адепты реалистической концепции личности акцентировали внимание на достоверности писателя в изображении жизни, глубине психологического анализа и социальной проблематике его произведений. Так, в 1840–1860-х гг. творчество Достоевского рассматривалось в контексте традиций «натуральной школы». В. Н. Майков отмечал, что, в отличие от Н. В. Гоголя, «поэта по преимуществу социального», Достоевский – автор «по преимуществу психологический», который смог «так глубоко проникнуть в человеческую душу... что впечатление можно сравнить лишь только с впечатлением человека, проникающего в химический состав материи под микроскопом» [Майков 1847: 4]. Данная оценка весьма симптоматична для реалистической трактовки личности: важны внутренняя мотивация и правдивость.

В конце XIX – начале XX в. получило распространение религиозно-философское толкование произведений классика. Модернистская концепция личности обусловила взгляд на Достоевского как на предтечу «новых» идей, привлекла исследовательское внимание к экзистенциальным вопросам и сложным, порой пограничным, психологическим состояниям героев писателя. Неслучайно Н. А. Бердяев назвал Достоевского «не психологом», а «пневматологом и метафизиком-символистом» [Бердяев 2001: 37]. Однако напомним, что характерная для мыслителей рубежа веков тяга к иррациональному соседствовала с антипсихологическими установками, направленными против «препарирования» чувств и эмоций. А. Белый, в частности, полагал, что «глубина, построенная на психологии, часто фальшива», а «Достоевский слишком “психолог”, чтобы не возбуждать брезгливости» [Белый 1994: 44].

Догматическое литературоведение советского периода долгое время расценивало интерес Достоевского к предельным состояниям личности как опасный, отравляющий читателя; и хотя известны слова И. В. Сталина о Достоевском как о великом художнике⁵, официальная интерпретация ограничивалась идеологическими установками,

**Генис Александр Александрович включен в реестр иностранных агентов. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр 25.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (дата обращения: 14.05.2026)

характеризующими классика в русле критического реализма. Если в 1920-е гг. некоторым исследователям еще удавалось разрабатывать методологически продуктивные подходы к анализу психологических открытий писателя (см.: «Поэтика Достоевского» Л. П. Гроссмана, 1925; «Достоевский: Современные проблемы историко-литературного изучения» В. Л. Комаровича, 1925; «Проблемы творчества Достоевского» М. М. Бахтина, 1929), то впоследствии возобладала соцреалистическая концепция личности, диктовавшая оценку творческого наследия художника с позиций классовой борьбы или борьбы за социальную справедливость.

Когда в 1960-е гг. для достоевсковедения наступили более благоприятные времена, возобновились продолжающиеся вплоть до наших дней споры о том, можно ли рассматривать психологизм писателя как традиционный (см.: [Евлампиев 1997, Андреев, 1995]). «Если под психологизмом понимать исследование душевной жизни в ее противоречиях и глубинах, то странно, по меньшей мере, отказывать в этом качестве Достоевскому, – пишет Л. Я. Гинзбург. – Но столь же несомненно, что Достоевский, создавая свой роман идей, отклонился от классического психологизма XIX века... Истолкование мотивов поведения персонажа неоднократно меняется по ходу романа, и каждая новая разгадка отнюдь не является окончательной» [Гинзбург 1977: 168].

Последние три десятилетия в России ознаменованы появлением фундаментальных трудов о Достоевском, в которых предприняты попытки систематизации научной и критической рецепции его творчества. Среди знаковых работ этого периода – сборник «Достоевский в конце XX в.» [Достоевский в конце XX в. 1996], диссертации «Достоевский и русский психологический роман XIX в.» [Осмоловский 1999], «Динамическая типология героев Ф. М. Достоевского» [Макаричев 2002], «Сюжетология романов Ф. М. Достоевского» [Криницын 2017], «Произведения Ф. М. Достоевского 1840-х – нач. 1860-х годов как “единый текст”» [Магарил-Ильяева 2019]. Этот ряд можно продолжить, не говоря уже о публикациях в таких авторитетных периодических изданиях, как «Неизвестный Достоевский» (ПетрГУ) или «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» (ИМЛИ РАН).

Вновь усилилось влияние религиозно-философской концепции личности на восприятие текстов Достоевского, который и всемирную историю рассматривал под знаком идеи преображения мира и человека – Обожения, то есть итога развития Вселенной, когда «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28). У истоков традиции про-

чтения литературного наследия писателя с православных позиций – полемика между В. С. Соловьевым и К. Н. Леонтьевым. Для первого философа и его последователей Достоевский – основоположник «нового религиозного сознания» [Соловьев 1988], для другого мыслителя и публициста – выразитель воззрений не христианства Традиции, не святоотеческого Предания, а опасного, тяготеющего к протестантизму мировосприятия [Леонтьев 1882]. Анализ творческого наследия автора «великого Пятикнижия» под религиозным углом продолжили В. В. Розанов (в экзистенциальном аспекте) [Розанов 1894], Д. С. Мережковский (с позиций религиозной общественности) [Мережковский 1914], С. Н. Булгаков (в ракурсе софиологических идей) [Булгаков 1912] и др. После большевистского переворота эта линия поисков продолжилась в русском зарубежье (см. подробнее: [Достоевский и русское зарубежье XX века 2008]). «Более того, – отмечает И. Л. Волгин, – он (Достоевский. – Е. Б.) стал своего рода сквозным сюжетом, мерой и точкой отсчета в главном историческом споре: что случилось с Россией, каким представляется ее прошлое и есть ли у нее будущее?» [Волгин 2007: 175]. Среди наиболее ярких участников дискуссии – П. Б. Струве [Струве 1921], Н. А. Бердяев [Бердяев 2001], И. А. Ильин [Ильин 2024], И. С. Шмелев [Шмелев 1947]. Современные исследователи говорят о пересечении идей Достоевского с размышлениями признанных Отцов Церкви (св. Дионисия Ареопажита, прп. Максима Исповедника, прп. Исаака Сирина, прп. Симеона Нового Богослова), которые развивали богословскую традицию, окончательно раскрывшуюся в паламизме (восточно-православной практике исихазма)⁶.

Думается, приведенных примеров достаточно, чтобы наглядно продемонстрировать кардинальные сдвиги в отношении к Достоевскому под прямым влиянием той или иной концепции личности, доминировавшей в сознании толкователей его произведений. Как видно, «психологизм является лишь посредником, осуществляющим прямую и обратную связь между “системами ориентации” и поведением, изменения в мировоззрении непосредственно сказываются на типе психологизма» [Андреев 1995: 88]. В отечественном литературоведении осмысление форм репрезентации душевной жизни художниками слова, начавшись во второй половине XIX столетия, особенно активно развивалось в первой четверти прошлого века, а затем, после

длительного кризиса (фактически – «запрета» на тему), возобновилось к 1970-м гг. и продолжает-ся до сих пор. Учет связей между художествен-ным психологизмом и господствующей либо маргинальной в ту или иную эпоху концепцией личности полноценно не отрефлексирован на теоретико-методологическом уровне, но именно он может способствовать уточнению алгорит-мов анализа поэтики текста в интересующем нас измерении, наиболее адекватных конкрет-ному историко-литературному материалу, не отвлеченных от него. Данное утверждение со-гласуется с одной из презумпций, которыми, по мнению В. И. Тюпы, призван руководствоваться аналитик – «предельной осмысленностью лите-ратурного текста», что «предполагает обнару-жение в основе эстетической упорядоченности текста некоторой модели личностного присут-ствия (“я-в-мире”), не совсем удачно именуемой обычно “концепцией личности”» [Тюпа 2024: 180]. И тот факт, что в 1920-е гг. собственно научная методология литературоведческого анализа в нашей стране складывалась усилиями не только формалистов, но и А. П. Скафтымова и М. М. Бахтина, в чьих ранних трудах цен-тральное место по праву принадлежит наследию Достоевского, нельзя назвать случайным.

Примечания

¹ См., например: Фрейд З. Художник и фанта-зирование (сборник работ) / пер. Р. Ф. Дорель-цева, А. М. Кесселя, М. Н. Попова. М.: Респуб-лика, 1995; Юнг К. Г. Психологические типы / пер. Е. И. Рузева. М.: Гос. изд-во, 1924.

² Подробнее см.: Бочаров А. Г. Требователь-ная любовь. Концепция личности в современной советской литературе. М.: Худ. лит., 1977. 364 с.; Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.; Ковальчук Д. А. художе-ственная концепция личности в русской прозе 20–30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 1998. 160 с.; Афанасьев А. В. Ху-дожественная концепция личности в творчестве Андрея Белого: дис. ... канд. филол. наук. Ка-зань, 2012. 164 с.

³ Подробнее см.: Гинзбург Л. Я. О психологи-ческой прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 449 с.; Карель-ский А. В. От героя к человеку (Развитие реали-стического психологизма в европейском романе 30–60-х годов XIX в.) // Вопросы литературы 1983. № 9. С. 81–122; Гудонене В. В. Искусство психологического повествования (от Тургенева к Бунину). Вильнюс: VPU leidykla, 1998. 118 с.

⁴ Подробнее см.: Акелькина Е. А. Судьбы оте-чественного достоевсковедения последней трети XX века // Вестник ОмГУ. 2001. № 4. С. 5–9;

Жожикашвили С. Аспекты современного досто-евсковедения // Новое литературное обозрение. 2013. № 2 (120). С. 362–371; Кибальник С. А. Основные тенденции современного изучения творчества Ф. М. Достоевского // Известия Рос-сийской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 4. С. 67–83.

⁵ См.: «Отец не любил поэтического и глу-боко психологического искусства. Не видела на его столе Толстого или Тургенева. Но о До-стоевском он сказал мне как-то, что это был “великий психолог”. К сожалению, я не спро-сила, что именно он имел в виду – глубокий социальный психологизм “Бесов” или анализ поведения в “Преступлении и наказании”?» (Аллилуева С. И. Один год дочери Сталина. М.: Алгоритм, 2020. С. 137).

⁶ См., например: Архимандрит Василий (Иверский). Духовная связь аввы Исаака Сирина и Ф. М. Достоевского // Преподобный Исаак Си-рин и его духовное наследие. М.: Познание, 2017. С. 378–385; Дроздов А. И., Гимоян С. А. Религиозные воззрения Ф. М. Достоевского // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2020. № 18. С. 35–56.

Список литературы

- Андреев А. Н. Целостный анализ литературно-го произведения. Минск: НМЦентр, 1995. 144 с.
- Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы лите-ратуры. 1970. № 1. С. 95–122.
- Белюсова Е. А. Художественный психоло-гизм: итоги и перспективы изучения в отече-ственном литературоведении // Philologos. 2024. № 1 (60). С. 5–11.
- Белый А. Критика. Эстетика. Теория симво-лизма. Т. I. М.: Искусство, 1994. 479 с.
- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 173 с.
- Булгаков С. Философия хозяйства. Ч.1: Мир как хозяйство. М.: Путь, 1912. 236 с.
- Вайль П., Генис А. *** 60-е. Мир советского человека. М.: НЛО, 1998. 368 с.
- Веселовский А. Н. Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов // Веселовский А. Н. Историческая поэти-ка. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 155–245.
- Волгин И. Л. Достоевский в изгнании. Перепис-ка И. С. Шмелева и И. А. Ильина (1927–1950) // Октябрь. 2007. № 8. С. 175–186.

***Генис Александр Александрович включен в реестр иностранных агентов. Дата принятия Минюстом России решения о включении в реестр 25.09.2024. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostroyannykh-agentov/> (дата обращения: 14.05.2026)

- Воробьева М. В. Образы конформистов в текстах культуры советского общества 1960–1980-х гг. // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 6. С. 78–86.
- Галанов Б. Е. «Души изменчивой приметы...»: лит.-крит. очерки. М.: Сов. писатель, 1982. 247 с.
- Геллер М. Я. Машина и винтики: История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 335 с.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1977. 449 с.
- Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 321 с.
- Достоевский в конце XX века: сб. ст. / сост. и ред. К. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. 211 с.
- Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред. Жана-Филиппа Жаккара и Ульриха Шмида. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 280 с.
- Евлампиев И. И. Антропология Достоевского // Вече. 1997. Вып. 8. С. 122–196.
- Золотухина О. Б. Психологизм в литературе. Гродно, 2009. URL: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/oglavlenie.htm> (дата обращения: 12.02.2025).
- Ильин И. А. Образ Идиота у Достоевского (лекции). М.: Худ. лит., 2024. 22 с.
- Колобаева Л. А. «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 3–20.
- Комарович В. Л. Достоевский: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Образование, 1925. 64 с.
- Компанеев В. В. Художественный психологизм как проблема исследования // Русская литература. 1974. № 1. С. 46–60.
- Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 218 с.
- Леонтьев К. Н. Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой (По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?»). М.: Тип. Е. И. Погодиной, 1882. 68 с.
- Магарил-Ильяева Т. Г. Произведения Ф. М. Достоевского 1840-х – нач. 1860-х годов как «единый текст»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 173 с.
- Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Отечественные записки. 1847. Т. 50, № 1. Отд. 5. С. 1–17.
- Макаричев Ф. В. Динамическая типология героев Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2002. 164 с.
- Масловский В. И. Психологизм на перекрестках истории // Narratorium. 2018. № 11. URL: <https://narratorium.ru/2018/07/24/валентин-масловский-москва-психолог/> (дата обращения: 13.09.2025).
- Мережковский Д. Собрание сочинений: В 24 т. Т. 10. Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и творчество. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1914. 176 с.
- Осмоловский О. Н. Достоевский и русский психологический роман XIX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1999. 183 с.
- Розанов В. В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского опыт критического комментария В. Розанова. Санкт-Петербург: Типо-литогр. и нотопеч. С. М. Николаева, 1894. 234 с.
- Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 828 с.
- Струве П. Б. Потомок русского духовного возрождения // Русская мысль. София, 1921. Кн. X–XII. С. 274–279.
- Тюна В. И. Теория литературы. М.: РГГУ, 2024. 254 с.
- Уэллс Г. Россия во мгле / пер. В. Пастоева, И. Виккер. М.: Госполитиздат, 1958. 104 с.
- Фрейд З. Художник и фантазирование (сборник работ) / пер. Р. Ф. Дорельцева, А. М. Кесселя, М. Н. Попова. М.: Республика, 1995. 400 с.
- Шмелев И. С. О Достоевском. К роману «Идиот» // Русская мысль. 1947. 4 сент. № 21. С. 1–5.
- Юнг К. Г. Психологические типы / пер. Е. И. Рузева. М.: Гос. изд-во, 1924. 96 с.

References

- Andreev A. N. *A Holistic Analysis of a Literary Work*. Minsk, NMTsentr Publ., 1995. 144 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Epic and novel. *Voprosy literatury*, 1970, issue 1, pp. 95–122. (In Russ.)
- Belousova E. A. Artistic psychology: The results and prospects of studying in Russian literary studies. *Philologos*, 2024, issue 1 (60), pp. 5–11. doi 10.24888/2079-2638-2024-60-1-5-11 (In Russ.)
- Bely A. *Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, vol. 1. 479 p. (In Russ.)
- Berdyaev N. A. *Dostoevsky's Contemplation of the World*. Moscow, Zakharov Publ., 2001. 173 p. (In Russ.)
- Bulgakov S. *Philosophy of Economy*. Moscow, Put' Publ., 1912, pt.1. The world as household. 236 p. (In Russ.)

Vail P., Genis A.**** *The 1960s. The World of the Soviet Man*. Moscow, New Literary Observer Publ., 1998. 368 p. (In Russ.)

Veselovsky A. N. Syncretism of the most ancient poetry and the origins of differentiation of poetic genera. In Veselovsky A. N. *Historical Poetics*. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1940, pp. 155–245. (In Russ.)

Volgin I. L. Dostoevsky in exile. Correspondence between I. S. Shmelev and I. A. Il'in (1927–1950). *October*, 2007, issue 8, pp. 175–186. (In Russ.)

Vorob'eva M. V. Images of conformists in the texts of the culture of Soviet society in the 1960s–1980s. *Labyrinth. Journal of Social and Humanities Studies*, 2013, issue 6, pp. 78–86. (In Russ.)

Galanov B. E. *"The Changeable Marks of the Soul...": Literary-Critical Essays*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1982. 247 p. (In Russ.)

Heller M. Ya. *Cogs in the Soviet Wheel: The Formation of Soviet Man*. Moscow, MIK Publ., 1994. 335 p. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *On Psychological Prose*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 449 p. (In Russ.)

Dobrenko E. *The Making of the State Reader Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 321 p. (In Russ.)

Dostoevsky at the End of the 20th Century: A collection of articles. Comp. and ed. by K. Stepanyan. Moscow, Klassika plus Publ., 1996. 211 p. (In Russ.)

Dostoevsky and the Russian émigré community of the 20th century. Ed. by Jean-Philippe Jaccard and Ulrich Schmid. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 280 p. (In Russ.)

Evlampiev I. I. Dostoevsky's anthropology. *Veche*, 1997, issue 8, pp. 122–196. (In Russ.)

Zolotukhina O. B. *Psychologism in Literature*. Grodno, 2009. Available at: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/oglavlenie.htm> (accessed 12 Feb 2025). (In Russ.)

Il'in I. A. *The image of the Idiot in Dostoevsky's writings (lectures)*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 2024. 22 p. (In Russ.)

Kolobaeva L. A. 'No psychology', or the Fantasy of psychology? (On the prospects of psychologism in the Russian literature of our century). *Voprosy Literaturny*, 1999, issue 2, pp. 3–20. (In Russ.)

Komarovich V. L. *Dostoevsky: Modern Problems of Historical and Literary Study*. Leningrad, Obrazovanie Publ., 1925. 64 p. (In Russ.)

Kompaneets V. V. Artistic psychologism as a research problem. *Russkaya literatura*, 1974, issue 1, pp. 46–60. (In Russ.)

Krinityn A. B. *The plotology of F. M. Dostoevsky's novels*. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2017. 218 p. (In Russ.)

Leont'ev K. N. *Our New Christians: F. M. Dostoevsky and Count Leo Tolstoy: (On the occasion of Dostoevsky's speech at the Pushkin celebration and Count Tolstoy's story "What Men Live By?")*. Moscow, Publishing House of E. I. Pogodina, 1882. 68 p. (In Russ.)

Magaril-Il'yeva T. G. *The works of F. M. Dostoevsky of the 1840s – early 1860s as a 'single text'*. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2019. 173 p. (In Russ.)

Maykov V. N. Something about Russian literature in 1846. *Notes of the Fatherland*, 1847, vol. 50, issue 1, section 5, pp. 1–17. (In Russ.)

Makarichev F. V. *Dynamic typology of F. M. Dostoevsky's heroes*. Cand. philol. sci. diss. Magnitogorsk, 2002. 164 p. (In Russ.)

Maslovskiy V. I. Psychologism at the crossroads of History. *Narratorium*, 2018, issue 11. Available at: <https://narratorium.ru/maslovskij-psixolog/> (accessed 13 Sep 2025). (In Russ.)

Merezhkovskiy D. *Collected Works*. In 24 vols. Moscow, 1914, vol. 10. L. Tolstoy and Dostoevsky: Life and creative work. 176 p. (In Russ.)

Osmolovskiy O. N. *Dostoevsky and the Russian psychological novel of the 19th century*. Dr. philol. sci. diss. Orel, 1999. 183 p. (In Russ.)

Rozanov V. V. *The Legend of the Grand Inquisitor by F. M. Dostoevsky: An Attempt of Critical Commentary by V. Rozanov*. St. Petersburg, 1894. 234 p. (In Russ.)

Solovyov V. S. Three speeches in memory of Dostoevsky. In Solovyov. *Works*. In 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1988, vol. 2, pp. 289–323. (In Russ.)

Struve P. B. A descendant of the Russian spiritual renaissance. *Russian Thought*. Sofia, 1921, book X–XII, pp. 274–279. (In Russ.)

Tyupa V. I. *Theory of Literature*. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2024. 254 p. (In Russ.)

Wells H. *Russia in the Shadows*. Transl. by V. Pastoev, I. Vikker. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 104 p. (In Russ.)

Freud S. *Creative Writers and Day-Dreaming (a collection of works)*. Transl. by R. F. Dorel'tsev, A. M. Kessel', M. N. Popov. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p. (In Russ.)

****Genis Aleksandr Aleksandrovich has been included in the register of foreign agents. The decision of the Ministry of Justice of the Russian Federation to include him in the register was made on September 25, 2024. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/> (accessed on 14 May 2026)

Shmelev I. S. About Dostoevsky. On the novel "The Idiot". *Russian Thought*, 1947, 4 Sept., issue 21, pp. 1–5. (In Russ.)

Jung C. *Psychological Types*. Transl. by E. I. Ruzev. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924. 96 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Белоусова Евгения Александровна
аспирант кафедры теории литературы
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

evgbel131@mail.ru

SPIN-код: 2826-7388

*Статья поступила в редакцию 05.10.2025; одобрена
после рецензирования 11.03.2026; принята к публи-
кации 12.03.2026*

Information about the author

Evgenia A. Belousova
Postgraduate Student at the Department
of Literary Theory
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia

evgbel131@mail.ru

SPIN-code: 2826-7388

*Submitted 05 Oct 2025; revised 11 Mar 2026; accepted
12 Mar 2026*

УДК 398

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-85-94

EDN GINDMM

<https://elibrary.ru/gindmm>

«Фольклоризм» и «медиатизация фольклора»: сходство и различие понятий

Быханова Мария Анатольевна

Высшая школа экономики

etnoginezvorobei@gmail.com

Аннотация. В статье даются определения понятиям «фольклоризм» и «медиатизация фольклора», обозначаются их сходства и различия, а также обосновывается необходимость использования каждого. Рассмотрено общетеоретическое понятие фольклоризма как авторской переработки фольклора в различных сферах культуры, имеющей свои особенности в отдельных видах искусств. В литературе, на примере исследований А. Горелова и А. Лазарева, степень включенности фольклорных элементов в произведении определяется осведомленностью автора или типом использования. В экранных искусствах, а именно в кино и анимации, использование фольклора характеризуется пересмотром сюжетов в ироничном ключе или их модернизацией. На современном этапе к экранным искусствам относятся и видеоигры, которым присущ фольклоризм. Однако правильнее называть видеоигры «медиатизацией фольклора». Для формирования данного понятия анализируются работы, посвященные описанию термина «медиатизация», а также ее особенности, сформулированные А. Назаренко. Рассматриваются предложенные Н. Петровой стадии «медиатизации фольклора». На основе проведенного исследования установлено, что для фольклоризма как явления наиболее важна фигура автора, поскольку в первую очередь это авторская переработка традиционной культуры в произведение искусства. Главная особенность «медиатизации фольклора», напротив, – отсутствие авторской интерпретации и возможность дословно реконструировать на экране реально существующие обряды и тексты. Одновременно с этим технологии, используемые в видеоиграх, могут быть использованы для сохранения еще бытующих традиций в их первоначальном виде. Оба понятия необходимы, так как описывают разные подходы к работе с фольклором в культуре и искусстве.

Ключевые слова: фольклор; медиа; культура; искусство; литература; кинематограф; видеоигры.

Для цитирования

Быханова М. А. «Фольклоризм» и «медиатизация фольклора»: сходство и различие понятий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 85–94. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-85-94. EDN GINDMM

“Folklorism” and “Mediatization of Folklore”: Similarities and Differences in Concepts

Mariia A. Bykhanova

HSE University

etnoginezvorobei@gmail.com

Abstract. The study defines the concepts “folklorism” and “mediatization of folklore,” identifies their differences and similarities, and justifies the need to use each of them. The article examines the general theoretical concept of folklorism as an author’s reworking of folklore in various fields of culture having its

own features in different forms of arts. In the literature, following A. Gorelov and A. Lazarev, the degree of the use of folklore elements in a work is determined by the author's awareness or by the type of use. In screen arts, namely in cinema and animation, the use of folklore is currently present as a revision of plots in an ironic manner or as their modernization. At the present stage, screen arts include video games, which are characterized by folklorism. However, it is more correct to call video games "mediatization of folklore." In presenting this concept, the article relies on works devoted to the description of the term "mediatization," its features formulated by A. Nazarenko as well as the stages of "mediatization of folklore" proposed by N. Petrova. The study shows that the author's figure is most important for folklorism since it is an author's reworking of folklore into a work of art. The main feature of mediatized folklore is, on the contrary, the absence of an author's interpretation and the possibility of literal reconstruction on the screen of really existing rites and texts. At the same time, technologies used in video games can be used to preserve still existing traditions in their original form. Both concepts are necessary for a more complete description of the use of folklore in culture and art.

Keywords: folklore; media; culture; art; literature; cinema; video games.

For citation

Bykhanova M. A. "Folklorism" and "Mediatization of Folklore": Similarities and Differences in the Concepts. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 85–94. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-85-94. EDN GINDMM (In Russ.)

Введение

В истории развития фольклора выделяют несколько этапов:

- архаический, к которому относится фольклор первобытного, бесписьменного общества;
- классический, развившийся в эпоху зарождения и расцвета государства;
- поздний, выросший из крестьянской культуры, становление которого происходило вместе с ростом городов;
- постфольклор – тексты, практики, предметы, которые отчасти существуют по правилам традиционного фольклора, но утратили с ним прямую связь.

Впервые термин «постфольклор» ввел С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1995], связав возникновение данного явления с появлением звукозаписи, которая позволила записывать, тиражировать и распространять материал, в особенности фольклорные тексты. Звукозапись передавала не только текст и мелодию, но и саму манеру исполнения. Технологии продолжали свое развитие, появились кино и телевидение, которые оказали свое влияние на развитие устной традиции, привнеся в нее собственные темы, мотивы, речевые обороты. Это же поспособствовало изменению основных направлений антропологических исследований, которые были сформулированы в первом номере журнала «Антропологический форум» [Современные тенденции... 2004: 6–101]:

- смещение полевой работы из деревни в город (исследование городских пространств и связанных с ними нарративов (см., например: [Радченко 2018: 108–113]);
- изучение не только архаических форм культуры, но и современных, например, городских

легенд (см. подробнее: [Кирзюк 2018]) или субкультурного фольклора (см. подробнее: [Радченко, Писарев 2012: 150–161]);

- перенос внимания исследователей с «основных» явлений на «периферийные»;
- исследование текстов сетевого фольклора – в это понятие включаются как вербальные, так и визуальные тексты, создающиеся и бытующие в сети Интернет [Радченко 2011: 417–427].

В данных текстах исследователи обнаруживают ряд черт, свойственных фольклору: анонимность (возможность использовать никнеймы пользователей вместо имен и картинки-аватары вместо фотоизображений), вариативность (на разных сайтах встречаются непохожие версии одного и того же текста), коллективность авторства (пользователи могут дополнять, комментировать исходный текст), неформальность, эмоциональность (выражаемая при помощи специальных графических знаков – «смайликов»).

Помимо использования традиционного фольклора, Интернет способен порождать собственные мифы, являясь частью «медиасферы», представляющей собой комплекс данных и носителей информации, формирующей реальность и коммуникацию людей, при помощи технических посредников. Основным продуктом медиасферы является медиатекст.

Понятие «медиатекст» во многом относится к текстам, создаваемым СМИ, однако используется в отношении любых текстов, формируемых в медиасфере, поскольку последняя способна порождать собственные мифы, а также перерабатывать существующие.

Среди мифов, формируемых медиасферой, можно выделить:

– «политические мифы с общественной направленностью;

– религиозные, этнические мифы – о народах, о странах;

– антинаучные или внерелигиозные мифы, теории заговора – НЛО, теория плоской земли, химтрейлы и проч.;

– мифы массовой культуры – о еде, о красоте и в других сферах» [Савельева 2024: 51].

Медиафера активно использует фольклор (преимущественно классический) для производства различных медиатекстов. Данный процесс получил название «медиатизация фольклора». Существует и более раннее явление – «фольклоризм», возникшее в культуре еще на стадии развития позднего фольклора и связанное с использованием и творческой переработкой фольклорных текстов и мотивов в культуре, что продолжается и на стадии постфольклора. Оба процесса имеют сходства, но не являются тождественными. Цель нашей статьи – обсудить эти термины, уточнив объем каждого из понятий, выявив их различия и сходства, углубив понимание терминов «фольклоризм» и «медиатизация фольклора» и ответив на вопрос, почему необходимо разграничивать данные явления.

«Фольклоризм»: общая характеристика понятия

Термин «фольклоризм» был введен в фольклористику в конце XIX в. Полем Себийо и означал увлечение фольклором и использование его в других видах искусства. В отечественной науке этот термин впервые использовал Марк Азадовский в 20-х гг. XX в., писавший о развитии фольклоризма в русской литературе в главе «Фольклоризм и фольклористика в последекабрьский период» [Азадовский 2014: 240–294].

Активная теоретическая разработка понятия «фольклоризм» как в отечественной, так и в зарубежной фольклористике приходится на 1960-е гг. Причиной стал возросший интерес «к народным движениям, судьбам, и как следствие, к народным художественным формам (в русской литературе возникла “деревенская проза”, в музыке – “новая фольклорная волна”)» [Иванова 2005]. Однако исследование фольклоризма в большей степени сводилось к изучению его в конкретной отрасли культуры, например фольклоризм в музыке или фольклоризм в литературе, предпринимались и попытки дать явлению общекультурное толкование.

Одним из тех, кто попытался дать общее определение фольклоризму, был известный фольклорист В. Е. Гусев. Он рассматривал фольклоризм как «сложный, противоречивый процесс освоения фольклора в различных сферах культу-

ры современного общества». [Гусев 1977: 11]. Одной из возможных причин распространения данного феномена он называет постепенную утрату «подлинной фольклорной традиции, его суть как раз и состоит в попытках реконструкции (иногда измышления) исчезнувшего или забытого народного искусства» [Гусев 1977: 13]. Фольклоризм, в его понимании, отчасти служил заменой фольклора, причем как в среде профессионального искусства при использовании в кино, музыке и других видах искусств, так и в самодеятельности, способствующей популяризации и репродукции фольклора. Именно самодеятельность, по его мнению, сохраняет подлинный фольклор, из-за своей нацеленности на воссоздание подлинной традиции. Однако в некоторых образцах самодеятельного творчества можно встретить и стилизацию под народное исполнение произведений народного искусства в авторской обработке и инсценировке фольклорных праздников. Еще одно определение фольклоризма предложил в своей статье «О современном фольклоризме» этномузыковед И. И. Земцовский. Он утверждает, что фольклоризм – явление давнее, возникшее «с тех пор как фольклор стал объектом внимания “со стороны”» [Земцовский 1984: 4]. Под «этой стороной» подразумевалось взаимодействие фольклора и художественной культуры, и процесс этот начался довольно давно. В качестве самого раннего примера фольклоризма Земцовский приводит соби́рание фольклорных сказок, их художественную обработку и публикацию. Если Гусев выделял две группы фольклоризма: профессиональный и самодеятельный, – то Земцовский выделяет пять видов:

- фольклоризм в профессиональном художественном творчестве,
- фольклоризм в науке и педагогике,
- фольклоризм на сцене,
- фольклоризм на фестивалях и праздниках,
- фольклоризм в СМИ.

И. И. Земцовский также выделял несколько целей у современного фольклоризма:

- развитие и сохранение самого фольклора,
- приобщение исполнителей к традиции, их этническое самоутверждение,
- добавление национального в искусство,
- новый досуг (речь о музыкальном фольклоре и основной акцент на фольклоризме в музыке).

И если Гусев рассматривал фольклоризм как средство переработки фольклора, которое позволит его популяризировать и репродуцировать, то Земцовский считал его способом продвижения исконного фольклора в массы, что, в свою очередь, помогало людям осознать собственную этническую принадлежность.

Общее определение фольклору давала и этнограф Т. Б. Щепанская [Щепанская 2011: 48–61], описывая фольклоризм как способ конструирования фольклора в профессиональном искусстве и культуре, при помощи включения в них элементов традиционной культуры.

А. Гурченко рассматривает термин «фольклоризм» в искусствоведческом контексте. Она выделила три значения фольклоризма в искусстве.

1. Фольклоризм как художественный метод

В данном случае Гурченко говорит о переносе фольклорного материала либо силами и средствами, имеющимися у одного автора, либо, если мы говорим о сценических искусствах, не только автора, но и исполнителя, который в данном случае выступает в качестве соавтора и посредника между автором и публикой.

Фольклоризм может использоваться как метод воспроизведения аутентики. Его итогом являются произведения искусства, представляющие собой взаимодействие традиционного и авторского материала. Данный метод универсален <...>, во-первых, фольклоризм свойственен всем видам искусства. Во-вторых, он типичен для национальных культурных традиций разных народов мира. В-третьих, к этому методу авторы «активно обращались начиная с момента его зарождения, широко использовали в последующие исторические периоды и не утратили к нему интерес на современном этапе» [Гурченко 2023: 197]. Исследовательница отдельно обращает внимание на то, что фольклоризм в искусстве – это исключительное осознанное использование автором фольклора в художественном произведении. Об этом писал и Гусев, когда подчеркивал разницу между фольклоризмом в профессиональном искусстве и художественной самодельностью.

2. Фольклоризм как художественное явление

Подразумевает «сферу культуры письменной традиции, характеризующуюся привнесением аутентичного материала из естественного (рурального) окружения в контекст искусства» [там же 198].

3. «Фольклоризм» как художественный принцип

Благодаря обращению к традиции художественные произведения, использующие в качестве основы фольклор, наполняют искусство в целом «духовностью, глубиной и гармонией» [там же].

Отдельно Гурченко выделяет этические основания воспроизведения фольклора в искусстве.

Понимание самодостаточности фольклора как явления народной культуры и его воспроизведение в максимально аутентичном виде. Фольклор – это «сырой материал», который обрабатывается в процессе художественного творчества. Изменения могут быть как незначитель-

ными, так и глобальными. Фольклорные элементы взаимодействуют с другими видами искусств, будь то кино, музыка, литература и т. д. И фольклор сам по себе является богатым творческим источником, и при использовании его в художественном творчестве мы смотрим на него через призму восприятия конкретного автора.

Насколько автору известен фольклорный первоисточник. Здесь мы говорим о том, какой материал использует автор, берет ли он аутентичные тексты или же использует уже записанный и, возможно, художественно обработанный источник.

Насколько сильно меняется аутентичный материал. В данном основании подразумеваются «степени изменения фольклорного материала в ткани авторского произведения имеющие широкие рамки от его минимального приспособления до кардинальной трансформации» [Гурченко 2023: 199].

В. Ньюэлл [Newall 1987: 131–151] подчеркивала необходимость фольклоризма в искусстве и культуре, называя следующие причины:

1) он помогает людям обрести чувство собственной ценности, продвигая их идентичность в период быстрых социальных и культурных изменений;

2) может возникнуть как эстетическая компенсация утраты экономической власти и, следовательно, социальной и политической власти;

3) возможен фольклоризм как протест (например, против растущей интернационализации традиционной культуры).

На основании всех приведенных выше определений и характеристик можно выделить следующие характеристики «фольклоризма» как культурного явления. Его главная цель – это привнесение традиционной культуры в профессиональное искусство, что позволяет сохранять традиционный фольклор и культуру, обогащать профессиональное искусство, наполнять произведение дополнительными смыслами и приобщать людей к традиционной культуре. Главным объектом «фольклоризма» становится традиционный фольклор и культура, а субъектом – автор, который творчески перерабатывает данный материал. Фигура автора – одна из ключевых в фольклоризме, так как именно его степень знакомства с традиционным материалом, его авторский взгляд и мастерство его работы определяют то, как будет представлен фольклорный материал в произведении (в исконном виде или полностью переосмысленном). Он может использовать как целые сюжеты, так и отдельных персонажей в своих работах, иногда придавая им новые характеристики и значения. Произведения, созданные с использованием фольклора, не способны оказывать прямое влияние на традиционную

культуру, однако известны факты, когда изначально авторские песни уходили в народ и начинали бытовать как «фольклорные» [Неклюдов 2017: 41–61].

«Фольклоризм» в литературе

И. Осовецкий называл «фольклоризмом» в литературе «использование как в отдельном его произведении, так и в творчестве в целом структурно-художественных элементов, восходящих или к сюжетам фольклора, или к образной системе, или к его поэтике, или к лексике и поэтической фразеологии» [Осовецкий 1977: 129]. Формулируя общее понятие фольклоризма, исследователи в первую очередь говорили о нем как о процессе, опуская художественные приемы. В литературе же отдельное внимание уделяется тому, как написано произведение с использованием фольклора, какие художественные приемы помогают в создании фольклорных произведений и углубляют роль авторской фигуры.

А. Горелов в своей классификации отталкивается от знакомства автора с фольклорным материалом, а не от созданных им произведений, поэтому делит фольклоризм в литературе на два вида [Горелов 1979].

1. Автору хорошо известен фольклор, который он использует в своем произведении. Возможно, он также является его носителем. Его от второго типа авторов также отличает то, что он может «бессознательно» вводить фольклорные элементы в текст из-за своей высокой осведомленности.

2. Автор, который целенаправленно изучает неизвестный ему ранее фольклор и осознанно использует его части в произведении.

А. Лазарев предложил другую классификацию, основанную на типах использования фольклоризма в литературном произведении:

- 1) цитирование;
- 2) стилизация;
- 3) мифологический фольклоризм (литературная интерпретация известного мифологического сюжета);
- 4) поэтический фольклоризм (использование фольклорной поэтики, например, символики в чисто стилистических целях);
- 5) песенный фольклоризм;
- 6) жанровый фольклоризм;
- 7) мировоззренческий фольклоризм [Лазарев, 1985: 14–26].

Если первая классификация основывается именно на осведомленности автора, работающего с фольклорным материалом, то вторая называет различные виды работы с фольклором, доступные автору. И то, и другое применимо к любому виду искусства.

«Фольклоризм» в экранных искусствах

Воспроизведение фольклора на экране – довольно сложная задача из-за специфичности кино как медиума. Во-первых, оно требует визуального образа, который в фольклоре, например в сказках, может быть представлен достаточно размыто. Во-вторых, ему необходимы конкретные пространство и время. Поэтому при создании кино фольклорные тексты подвергаются объемной переработке, сценаристы прописывают внешний облик персонажей, часто добавляют дополнительные сюжетные линии для развития динамики произведения. И всё же благодаря использованию фольклора в кино «создается продукт, прекрасно соответствующий критериям успешного произведения массовой культуры» [Гордиенко 2017: 160], который демонстрирует способность «эффективно, зрелищно воздействовать на аудиторию» [Гордиенко 2017: 160].

Сейчас наиболее часто фольклор используется в анимации, а не в игровом кино. Анимация более пластична и позволяет воссоздать на экране более сложные и причудливые образы. «Являясь частью экранной культуры, она (анимация) представляет собой мощный инструмент ретрансляции образцов поведения, национальных и культурных ценностей, присущих определенной общности» [Гордиенко 2017: 162].

У анимации, как и любого жанра, есть свои особенности в отображении в зависимости от места производства, в том числе и в использовании фольклорных первоисточников. В американской мультипликации отдают предпочтение сказочным сюжетам, однако не оригинальным, а скорее литературно обработанным. Среди европейских и отечественных аниматоров более популярен традиционный эпос. Так, самыми популярными жанрами для экранизаций оказываются ныне непродуктивные жанры фольклора, такие как сказки или эпические поэмы, получающие новое прочтение на экране.

Современные экранизации фольклора обладают рядом специфических черт. В них часто, хотя и не всегда, можно встретить ироническое отношение к фольклору. Здесь можно вспомнить франшизу «Три богатыря» студии Мельница, где авторы иронизируют над традиционными образами былинных героев. Кроме того, в них осовременивается место действия. Это может быть сделано с помощью привнесения элементов современной жизни в сказочную реальность. Например, использование современной техники в сказочном мире (микроволновки, стиральной машины) или адаптация сказочных предметов под современные (ковер самолет с навигатором и креслами, яблочко на блюдецке, как аналог видеозвонка). Это может быть и полный перенос

сказки в современный, реальный мир. В качестве отсылки на фольклорный источник в самом названии фильма может фигурировать имя сказочного персонажа.

Рассмотрев несколько точек зрения на фольклоризм в культуре и искусстве, попробуем сформулировать общее определение данного явления. Фольклоризм – это процесс взаимодействия профессионального искусства с фольклором, что подчеркивается большинством исследователей при помощи роли автора. Чем больше автор знаком с фольклором, который он включает в свое произведение, тем больше элементов он может вписать в свою работу или создать свой сюжет на основании уже известного фольклорного сюжета. Фольклоризм помогает: сохранять фольклор; формировать национальную идентичность; добавлять национальное в искусство, позволяя ему быть более самобытным.

С художественной точки зрения фольклоризм предлагает достаточно большое разнообразие форм переосмысления фольклора: от работы с отдельными элементами до полного переосмысления его искусством. Однако у читателя таких произведений могут сформироваться недостоверные представления о традиционном фольклоре. То же можно сказать и о произведениях экранной культуры, где сюжеты сказок могут пересматриваться в ироничном ключе или осовремениваться. С одной стороны, это говорит об универсальности сюжетов, с другой – негативно влияет на восприятие фольклора зрителем.

Баузингер и Блошковиц-Стулли в своих исследованиях отдельно выделяют способность «фольклоризма» возвращаться к подлинному фольклору [Bausinger 1969; Bošković-Stulli 1071]. Однако отечественные исследователи более склонны говорить о способности «фольклоризма» к реконструкции подлинного фольклора или порождению новых фольклорных форм.

«Медиатизация фольклора»

Обращаясь к фольклоризму на экране, мы говорили именно о кино и анимации. На современном этапе развития технологий к экранным искусствам относятся и видеоигры. Им также свойственен фольклоризм, но в ряде проектов было бы правильнее говорить об экранных искусствах в целом и видеоиграх в частности как о «медиатизации фольклора».

Исследования медиа и медиатизации изначально были тесно связаны с изучением средств массовой информации. В 1990-х гг. началось массовое распространение цифровых коммуникационных технологий, таких как сотовая связь, интернет и мультимедийные технологии. Всё это повлияло на рост интереса к медиа и медиатизации. В

широком смысле под последним понимается «процесс и результат влияния медиа на социальную жизнь индивида и общества, формирование картины мира посредством медиа» [Буряк 2014].

Г. Вакку и С. Лебедева описывали «медиатизацию» как «процесс качественной трансформации массовой коммуникации, спровоцированный влиянием СМИ, которые из социального института, отражающего реальность, становятся существенным фактором, оказывающим серьезное воздействие на жизнь социума и современного индивида» [Вакку, Лебедева 2022: 200]. Со временем термин «медиатизация» стал также использоваться и в других областях знания.

А. Назаренко в статье «Медиатизация в контексте философии культуры» [Назаренко 2023] выделил три особенности медиатизации.

1. Глобализация культуры. Она расширяется, охватывая всё большее число людей и становясь для них универсальной.

2. Цифровизация культуры. Различные цифровые и мультимедийные технологии создаются и совершенствуются, получая широкое распространение.

3. Виртуализация культуры, «которая представляет собой усиление симулятивности знаково-символического плана культуры» [там же: 77].

Н. Петрова, описывая «медиатизацию фольклора», говорит о ней как о процессе, включающем 4 стадии. Первой можно считать тот момент, когда изустный фольклор стал собираться и записываться, а после этого издаваться для широкой аудитории. Таким образом он становился медиатизированным, существуя благодаря техническим средствам, а не изустной традиции, более доступным широкой аудитории, в том числе неносителям определенной культуры или традиции, оставаясь при этом абсолютно самобытным. Данную стадию исследовательница называет «первичной медиатизацией». Постепенно развивались цифровые и медийные технологии, позволившие отобразить фольклор на экране, что было названо «медиатизационной переработкой». Это роднит фольклоризм и медиатизацию фольклора, так как происходит творческое переосмысление фольклора, однако используются разные технические средства. Медиатизационная обработка в большей степени подразумевает переосмысление фольклорных произведений в экранной среде.

Попадая на экран, «медиатизированный фольклор становится источником для новых устных произведений» [Петрова 2010: 8]. Например, могут появляться мемы с фольклорными персонажами, созданные с учетом контекста произведения, в котором они фигурируют, что можно отнести к такому свойству медиатизации, как виртуализация. Саму стадию исследовательница

называет демедиатизацией. В этом медиатизация фольклора немного схожа с фольклоризмом, однако последний скорее может вернуть «вторичной» форме фольклора ее первоначальный вид.

Последней стадией она называет ремедиатизацию, когда «совершается очередной переход к медийной форме существования текста. Происходит медиафиксация произведений "новой устности"» [Петрова 2010: 8]. Другими словами, тот фольклор, который появился в результате транслирования в медиа произведений, основанных на фольклоре, снова возвращается в медийную среду и снова творчески перерабатывается.

Главная цель «медиатизации фольклора» как процесса – это в первую очередь развитие технических возможностей его сбора и воспроизведения. Но в то же время, если мы говорим о произведениях экранной культуры, где используются фольклорные сюжеты и персонажи, существенно снижается доля авторского влияния. Особенно в контексте видеоигр, которые преимущественно создаются командами разработчиков и геймдизайнеров. Да, объектом, как и в «фольклоризме», остается традиционный фольклор, но, в отличие от «фольклоризма», первостепенное влияние имеют технологии воспроизведения, а не фигура автора.

Текущий уровень развития видеоигровой разработки позволяет воспроизвести фольклорные тексты дословно и полностью погрузить человека в происходящее событие в качестве участника, позволить ему пережить опыт, несуществующий в реальности. Например, дав возможность играть не за человека, а за мифологическое существо, пришедшее в реальный мир, которое должно вести себя так, как от него ожидается в традиции. Подобное можно встретить в игре *Slavic Feast of Commemoration*, где игрок выступает в качестве покойного родственника, пришедшего на угощение в Дзяды¹.

Еще одна особенность медиатизации фольклора – это возможность сохранения образцов традиционной культуры в первозданном виде. Один из примеров такого использования технологий описывают И. Ирхен и Е. Урсуленко [Ирхен, Урсуленко 2020]. Технология *Motion Capture* использовалась в проекте по сохранению национальных танцев киприотов. И теперь, даже если это знание будет утрачено, сохранится возможность обратиться к цифровой библиотеке и воспроизвести или выучить этот танец в его первозданном виде, без авторских интерпретаций. Обратившийся к данному материалу будет видеть не обезличенную фигуру, а реального человека, чьи движения были записаны. Данные записи можно использовать для создания обучающих игр, которые позволят познакомиться с танцами любого человека, а не только самих киприотов.

«Медиатизированный фольклор» способен порождать и новые фольклорные формы, особенно если мы говорим о видеоиграх. Здесь это могут быть не только мемы, но и различные байки, связанные с игровыми персонажами или ситуациями, в том числе фольклорными.

Выводы

Фольклоризм и медиатизация фольклора – два понятия, которые отражают процессы, происходящие с фольклором в культуре и искусстве. Фольклоризм определяется как авторская переработка фольклора в качестве произведений искусства и культуры. Центральной здесь является фигура автора, который обрабатывает данный материал в зависимости от собственных знаний. Большинство исследователей сходятся во мнении, что это всё же профессиональное занятие творчеством, а не любительские переработки. В медиа мы тоже можем найти множество примеров фольклора, когда авторы фильмов или видеоигр переосмысливают фольклорные тексты. В то же время медиатизация фольклора – это в первую очередь работа с традицией при помощи технических средств, не только для научных нужд или создания авторских произведений, но и для реконструкции фольклора и традиционной культуры. Они позволяют воспроизвести на экране реально существующие обряды и тексты в мельчайших деталях в силу отсутствия ограничений, которые могут быть при попытках реальной реконструкции, а также сохранить бытующие традиции в первозданном виде с использованием, например, технологий захвата движений и виртуальной реальности.

Медиатизированный фольклор позволяет познакомиться с традицией без авторского взгляда, который свойственен фольклоризму, дает возможность пережить опыт, не свойственный реальности, например, стать участником мифологических событий. Фольклор в медиа становится средством коммуникации между человеком городской культуры в настоящем и прошлом, представленным в виде традиционной культуры.

Кроме того, медиасреда способна порождать новые фольклорные формы, которые пусть и не схожи с традиционными, но существуют и развиваются по правилам фольклора.

При этом и медиатизация фольклора, и фольклоризм имеют определенные сходства.

1. Сохранение фольклора. Каждое из явлений делает это собственным путем: фольклоризм – при помощи авторских произведений на основе фольклора, медиатизация – при помощи дословной реконструкции и записи традиционных произведений.

2. Включение национальных элементов в искусство и культуру. Это способствует формированию у человека национального самосознания, позволяет ему чувствовать принадлежность к определенной культуре.

Ключевыми различиями двух процессов можно назвать следующие.

1. Способность к порождению фольклора. Если фольклоризм способен лишь возвращать вторичные формы в изначальное состояние, то медиатизация порождает новые фольклорные формы, например мемы, отчасти зависимые от медиапроизведений.

2. Способность реконструировать фольклор в ситуации бытования. Фольклоризм способен на реконструкцию, но эта реконструкция будет иметь определенные технические ограничения. Возможности медиа средств для реконструкции не ограничены, так как в виртуальной сфере можно воспроизвести любой объект и дать возможность взаимодействия с ним.

3. Возможность в медиатизированном фольклоре полностью исключить фигуру автора, способного оказывать влияние на текст или переосмысливать его.

Примечание

¹В славянской культуре это поминальные дни, в которые было принято накрывать ужин для усопших родственников.

Список литературы

Абрамян Л., Баркер А., Белков П. и др. Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 6–101.

Азадовский М. К. Фольклоризм и фольклористика после 1825 года // Азадовский М. К. История русской фольклористики. М: Ин-т русской цивилизации, 2014. С. 240–294.

Буряк М. А. Медиасфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2014. № 2. С. 200–212.

Вакку Г. В., Лебедева С. Э. Медиатизация как современный социокультурный тренд // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию В. Д. Потаповой (Донецк, 8 декабря 2022 г.). Донецк: Донецк. нац. ун-т, 2022. С. 198–204.

Гордиенко Я. С. Трансформации фольклора в современной анимации России // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2017. № 3. С. 151–163.

Горелов А. А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Т. 12. Л.: Наука, 1979. С. 31–49.

Гурченко А. И. Фольклоризм как феномен в искусстве: историко-методологическое исследование. Минск: БГУКИ, 2023. 283 с.

Гусев В. Е. Фольклор и социалистическая культура (К проблеме современного фольклоризма) // Современность и фольклор: Статьи и материалы. М.: Музыка, 1977. С. 7–27.

Земцовский И. И. О современном фольклоризме // Традиционный фольклор в современной художественной жизни (фольклор и фольклоризм): сб. науч. тр. Л.: ЛГИТМиК, 1984. С. 4–15.

Иванова Л. П. Типология фольклоризма в русской музыке XX века: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2005. 305 с.

Ирхен И. И., Урсуленко Е. С. Технология “Motion Capture” как феномен сохранения кипрского танцевального фольклора // PHILHARMONICA. International Music Journal. 2020. № 1. С. 50–56. doi 10.7256/2453-613X.2020.1.31758.

Кирзюк А. А. Сюжет – это симптом? как фольклористы изучают городские легенды // Фольклор и антропология города. 2018. № 1 (1). С. 20–43.

Лазарев А. И. Проблемы изучения фольклоризма русской литературы 1870–1890 годов // Русская литература 1870–1890 годов: сб. ст. Свердловск: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1985. С. 14–26.

Назаренко А. Н. Медиатизация в контексте философии культуры // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2023. № 1. С. 69–80.

Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Неклюдов С. Ю. У истоков городской песни XX века или почему отравилась Маруся // Традиционная культура. 2017. № 4 (68). С. 41–61.

Оссовецкий И. А. Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия / Н. Н. Иванова, М. А. Бакина, И. А. Оссовецкий и др.; отв. ред. и авт. предисл. д-р филол. наук А. Д. Григорьева; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1977. С. 128–186.

Петрова Н. С. Конструируя историческое предание: телевидение как источник «фольклорных» текстов // Вторичные формы традиционной народной культуры: материалы науч.-практ. конф. (Краснодар, 26–27 ноября 2010 г.). Краснодар: Науч.-исслед. центр традиционной культуры. 2010. С. 190–198.

Радченко Д. А. Воображаемое метро: практики создания текстов о городских объектах // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик: материалы Междунар. науч. конф. (30 ноября–2 декабря 2018 года, Москва). М.: Неолит, 2018. С. 108–113.

Радченко Д. А. Сетевой фольклор: перспективы исследования. Славянская традиционная культуры и современный мир. М.: Центр культурных стратегий и проектного управления, 2011. С. 417–427.

Радченко Д. А., Писарев А. Е. Историческая реконструкция: нормативное пространство и фольклор субкультуры // Традиционная культура. 2012. № 1 (45). С. 150–161.

Савельева Т. В. Роль СМИ в сохранении и передаче фольклорных ценностей // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2024. № 3. С. 166–185. doi 10.30547/vestnik.journ.3.2024.166185.

Щепанская Т. Б. Ржавая мерёжа: к вопросу о трансформации и вариативности традиционной культуры // Фольклор и этнография: к девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова / отв. ред. А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 48–61.

Bausinger H. «Folklorismus» in Europa: eine Umfrage // Zeitschrift für Volkskunde. 1969. Band 65 (1). S. 1–8.

Bošković-Stulli M. O folklorizmu // Zbornik za narodni život i običaje. 1971. Vol. 45. S. 165–86.

Newall V. J. The Adaptation of Folklore and Tradition (Folklorismus) // Folklore. 1987. Vol. 98, № 2. P. 131–151.

References

Abramyan L., Barker A., Belkov P. et al. Modern trends in anthropological research. *Forum for Anthropology and Culture*, 2004, vol. 1, pp. 6–101. (In Russ.)

Azadovsky M. K. Folklore and folklore studies after 1825. In Azadovsky M. K. *The History of Russian Folklore Studies*. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2014, pp. 240–294. (In Russ.)

Buryak M. A. Mediasphere: Conceptualization of the concept. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9*, 2014, issue 2, pp. 200–212. (In Russ.)

Vakku G. V., Lebedeva S. E. Mediatization as a modern sociocultural trend. In *Personal and Situational Determinants of Human Behavior and Activity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of birth of V. D. Potapova (Donetsk, December 8, 2022)*. Donetsk, Donetsk National University Press, 2022, pp. 198–204. (In Russ.)

Gordienko Ya. S. Transformations of folklore in modern animation of Russia. *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music*, 2017, issue 3, pp. 151–163. (In Russ.)

Gorelov A. A. On the interpretation of the concept of "folklorism of literature". In *Russian Folklore. Issues of Folklore Theory. Vol. 12*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 31–49. (In Russ.)

Gurchenko A. I. *Folklorism as a Phenomenon in Art: A Historical and Methodological Study*. Minsk,

Belarusian State University of Culture and Arts Press, 2023. 283 p. (In Russ.)

Gusev V. E. Folklore and socialist culture (On the problems of modern folklorism) In *Modernity and Folklore: Articles and materials*. Moscow, Muzyka Publ., 1977, pp. 7–27. (In Russ.)

Zemtsovsky I. I. About modern folklorism. In *Traditional Folklore in Modern Artistic Life (Folklore and Folklorism)*. Leningrad, Leningrad State Institute of Theater, Music, and Cinematography Press, 1984, pp. 4–15. (In Russ.)

Ivanova L. P. *Typology of Folklorism in Russian Music of the 20th Century*. Dr. (Art Studies) sci. diss. St. Petersburg. 2005. 305 p. (In Russ.)

Irkhen I. I., Ursulenko E. S. 'Motion Capture' technology as a phenomenon of preservation of Cypriot dance folklore. *Philharmonica. International Music Journal*, 2020, issue 1, pp. 50–56. doi 10.7256/2453-613X.2020.1.31758. (In Russ.)

Kirzyuk A. A. Is plot a symptom? How folklorists study urban legends. *Urban Folklore & Anthropology*, 2018, issue 1(1), pp. 20–43. (In Russ.)

Lazarev A. I. Problems of studying the folklorism of Russian literature in the 1870s–1890s. In *Russian Literature of the 1870s–1890s*. Sverdlovsk, A. M. Gorky Ural State University Press, 1985, pp. 14–26. (In Russ.)

Nazarenko A. N. Mediatization in the philosophy of culture context. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2023, issue 1, pp. 69–80. doi 10.35231/18186653_2023_1_69 (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. After folklore. In *Zhivaya starina*, 1995, issue 1, pp. 2–4. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. At the origins of the urban song of the 20th century, or why did Marusya poison herself? *Traditional Culture*, 2017, issue 4 (68), pp. 41–61. (In Russ.)

Ossovetsky I. A. The language of modern Russian poetry and traditional folklore. *Linguistic Processes of Modern Russian Fiction: Poetry*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 128–186. (In Russ.)

Petrova N. S. Constructing historical tradition: television as a source of "folklore" texts. In *Secondary Forms of Traditional Folk Culture: Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Krasnodar, November 26–27, 2010)*. Krasnodar, Scientific Research Center of Traditional Culture, 2010, pp. 190–198. (In Russ.)

Radchenko D. A. Imaginary metro: practices of creating texts about urban objects. *Mediatization of Culture: Constructing New Texts and Practices: Proceedings of International Scientific Conference (November 30–December 2, 2018, Moscow)*. Moscow, Neolit Publ., 2018, pp. 108–113. (In Russ.)

Radchenko D. A. *Network Folklore: Research Perspectives. Slavic Traditional Culture and Modern World*. Moscow, Center for Cultural Strategies of Project Management Publ., 2011, pp. 417–427. (In Russ.)

Radchenko D. A., Pisarev A. E. Reenactment: norms and folklore of a subculture. *Traditional Culture*, 2012, issue 1 (45), pp. 150–161. (In Russ.)

Savel'eva T. V. The role of the media in the preservation and transmission of folklore values. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 2024, issue 3, pp. 166–185. doi 10.30547/vestnik.journ.3.2024.166185 (In Russ.)

Shchepanskaya T. B. “Rusty fyke net”: on the transformation and variability of traditional culture.

In *Folklore and Ethnography*. Ed. by A. K. Bayburin, T. B. Shchepanskaya. St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 48–61. (In Russ.)

Bausinger H. “Folklorismus” in Europa: eine Umfrage. *Zeitschrift für Volkskunde. Germany*, 1969, vol. 65 (1), pp. 1–8. (In Ger.)

Bošković-Stulli M. O Folklorizmu. *Zbornik za Narodni Život i Običaje*, 1971, vol. 45, pp. 165–86. (In Croat.)

Newall V. J. The Adaptation of Folklore and Tradition (Folklorismus). *Folklore*, 1987, vol. 98, issue 2, pp. 131–151. (In Eng.)

Информация об авторе

Быханова Мария Анатольевна

аспирант Аспирантской школы

по искусству и дизайну

Высшая школа экономики

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

etnoginezvorobei@gmail.com

SPIN-код: 5342-4319

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9519-923X>

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 20.03.2026

Information about the author

Mariia A. Bykhanova

Postgraduate Student at HSE Art

and Design School

HSE University

20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia

etnoginezvorobei@gmail.com

SPIN-code: 5342-4319

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9519-923X>

Submitted 09 Nov 2025; revised 25 Mar 2026; accepted 20 Mar 2026

УДК 821.133.1(91)
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-95-105
EDN VXUARE

<https://elibrary.ru/vxuare>

Рождение авторского «я» Эмиля Чёрана

Гранин Роман Сергеевич

международный теоретический журнал “Credo New”
grrom@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу генезиса авторского «я» в творчестве Эмиля Чёрана как радикального литературно-философского проекта, основанного на систематическом подрыве субъективности средствами письма. В центре исследования – фрагментарная форма как ключевой эстетический и теоретический инструмент, посредством которого Чёран осуществляет деконструкцию собственного «я», превращая его не в источник высказывания, а в проблемное поле непрерывного самоотрицания. Особое внимание уделяется языковому перелому – переходу от румынского к французскому языку, интерпретируемому не как смена идиомы, а как экзистенциальная и поэтико-стилистическая метаморфоза, определившая трансформацию субъективности, статуса автора и самой литературной формы. В работе вводится и разрабатывается понятие текста-фронтира, позволяющее описать переходные тексты Чёрана как зоны напряжения между лирической экспансией и стилистическим удушением, между коллективной идентичностью и апатридным письмом, между философским дискурсом и литературной самоинсценировкой. Показано, что фрагмент у Чёрана выполняет не репрезентативную, а агрессивно-критическую функцию: он расчленяет целостность субъекта, вскрывая его противоречия и тем самым препятствуя стабилизации авторского «я». В этом контексте «смерть автора» осмысливается не в постструктуралистском, а в имманентном ключе – как внутренний акт письма, переживаемый и разыгрываемый самим автором в тексте. Особое место занимает анализ интимного и физиологического измерений (болезнь, бессонница, прогулка, ночь), которые интерпретируются как пространства формирования «негативного знания» и как мотор фрагментарного письма. Парадоксальным образом именно интимное, вводимое в текст на фоне декларативного отказа от субъективности, способствует дальнейшему размытию авторской идентичности, превращая ее в литературную маску и сцену саморасхождения. Тем самым статья предлагает рассматривать творчество Чёрана как уникальный вклад в теорию литературы XX в.: как предельный опыт письма, в котором стиль становится формой мышления, а авторское «я» – процессом бесконечной декомпозиции, существующим лишь в жесте собственного разоблачения.

Ключевые слова: этос частного мыслителя; литературный аватар; текст-фронтир.

Для цитирования

Гранин Р. С. Рождение авторского «я» Эмиля Чёрана // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 95–105. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-95-105. EDN VXUARE

The Birth of Emil Cioran's Authorial “I”

Roman S. Granin

International theoretical journal *Credo New*
grrom@mail.ru

Abstract. This article examines the genesis of the authorial “I” in works of Emil Cioran as a radical literary-philosophical project grounded in the systematic destabilization of subjectivity through writing. At the center of the analysis lies the fragmentary form, understood not as a stylistic preference but as a decisive aesthetic and theoretical instrument by which Cioran undermines the coherence of the self, transforming it from the source of discourse into a problematic site of perpetual self-negation. The study gives particular attention to the linguistic rupture marked by Cioran’s transition from Romanian to French, interpreted not as a mere change of language but as an existential and poetics-defining metamorphosis that reconfigures subjectivity, authorship, and literary form itself. The article introduces and elaborates the concept of the frontier text, designating Cioran’s transitional works that occupy a zone of tension between lyrical expansion and stylistic constriction, collective identity and *apatride* writing, philosophical discourse and literary self-staging. It is argued that a fragment in Cioran’s works performs a critical and even aggressive function: rather than expressing subjectivity, it dismembers it, exposing its contradictions and preventing the stabilization of a unified authorial voice. In this perspective, the “death of the author” is reconsidered not in a post-structuralist sense but as an immanent operation of writing – an act enacted and experienced by the author within the texture of the text itself. A significant part of the study is devoted to the intimate and physiological dimensions of Cioran’s writing (illness, insomnia, walking, night), which are analyzed as spaces of “negative knowledge” and as engines of fragmentary thought. Paradoxically, it is precisely the emergence of intimate and autobiographical elements – introduced against the backdrop of a declared rejection of subjectivity – that further erodes authorial identity, converting the “I” into a literary mask and a scene of internal disjunction. Ultimately, the article proposes reading Cioran’s oeuvre as a distinctive contribution to twentieth-century literary theory: a limit-experience of writing in which style becomes a mode of thinking, and the authorial self exists only as a process of endless decomposition, constituted solely through the gesture of its own exposure and negation.

Keywords: ethos of the private thinker; literary avatar; frontier text.

For citation

Granin R. S. The Birth of Emil Cioran's Authorial “I”. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 95–105. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-95-105. EDN VXUARE (In Russ.)

Дабы перещегоолять моралистов,
которые учили меня дробить
мысль на мелкие фрагменты, я измельчил
свою собственную мысль до пыли.

Э. М. Сиоран

Я не буду писать ничего, кроме фрагментов;
Моя мысль, уже разбитая, я раздроблю ее.

Э. Чёран

Творчество Эмиля Чёрана¹ (рум.; фр. Emil Cioran; 1911–1995) представляет собой уникальный пример тотальной проблематизации авторского «я» в литературе и философии XX в. Его письмо изначально ориентировано не на утверждение идентичности, а на ее систематическое разоблачение и деконструкцию. Центральным парадоксом, определяющим становление его авторского голоса, является фундаментальный разрыв – переход от письма на румынском языке к письму на французском. Сопутствующие этому переходу румынские тексты (претексты) (прежде всего «Бревиарий побежденных» (1940/41–1943/44) [Cioran 1991], написанный на румынском в оккупированном Париже и изданный только спустя полвека) и написанные на фран-

цузском языке статьи («Михай Эминеску», 1943 [Cioran 1943a], «Секреты румынской души: “дор” или ностальгия», 1943 [Cioran 1943b]), которые предшествовали первой французской книге «О разложении основ», 1949 [Cioran 1949], мы назвали *текстом-фронтиром*². Этот лингвистический сдвиг не был простой сменой инструмента; он означал собой глубокую экзистенциальную и литературную метаморфозу, в ходе которой избыточное, лирическое и обращенное вовне «я» молодого Чёрана трансформировалось в сдержанное, рефлексивное и обращенное против себя «я» мыслителя-эмигранта. Фрагментарная форма, ставшая визитной карточкой его зрелого творчества, служит главным орудием этой работы, позволяя атаковать субъективность с разных сторон, вскрывая ее непоследовательность. Цель данного исследования – проследить диалектику рождения авторского «я» Чёрана через анализ ключевых механизмов его саморазрушения: языкового перехода; роли интимного и физиологического опыта; а также специфических пространств (ночи, прогулки), в которых это «я» конституируется; и отражение этого в генезисе стиля и его последующей декомпозиции (интуиция этой программы была заложена уже в первой французской книге Чёрана “Précis de

decomposition")). Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления черановского проекта как радикального опыта письма, в котором субъективность обретает форму лишь в акте собственного отрицания.

1. Разоблачение «я»

Когда «я» начинает казаться подозрительным и даже ложным, фрагмент становится инструментом для его разоблачения – через расчленение, программируемое уничтожение. Умножая высказывания, касающиеся разных аспектов субъективности, фрагментарная форма позволяет атаковать это «я» с разных сторон, выявляя его непоследовательность и внутренние противоречия. Например, в «Силлогизмах горечи» можно встретить такие строки: «Чем больше я старею, тем меньше мне нравится изображать из себя некоего маленького Гамлета. Теперь я уже даже не знаю, какими должны быть мои переживания перед лицом смерти...» [Сиоран 2008а: 69]. Это утверждение соседствует с другим: «Желание умереть было моей единственной, моей исключительной заботой; я принес ему в жертву все, даже смерть» [там же]. Таким образом, хотя стремление к смерти вроде бы подвергается сомнению, оно продолжает играть ключевую роль в построении субъективности. Суть «я» оказывается затемненной, сплавленной с навязчивостью, которая своим постоянным присутствием и выявляет трещины бытия.

В «О разложении основ» Чёран будет подчеркивать, что говорить можно только о себе – но при этом «я» вызывает отвращение. Поэтому саморефлексия оказывается одновременно актом познания и разрушения. Речь идет не о выражении страдающего субъекта, а о причинении боли этому субъекту. Так, в заключительном фрагменте “*Quousque eadem?*” (лат. «Доколе же еще вот так?») «О разложении основ» Чёран использует интонацию проклятия, приведем его полностью: «Да будет проклята во веки веков звезда, под которой я родился, да не захочет ее удержать при себе никакое небо, да рассыплется она в мировых пространствах с позором, словно пыль!» [Сиоран 2003: 142]. Обращаясь здесь к Книге Иова, Чёран создает мощный инвективный текст, резко отвергающий само существование. Он делает это как прямо – через заклинания типа «да будет проклята», – так и косвенно – используя императив и риторические вопросы, чтобы переосмыслить отношение к жизни, вводя темы предательства и бесчестия. Эта структура речи, в которой императив вводится союзом *да* (характерная для религиозной или пророческой лексики), постепенно исчезает из стиля Чёрана после «О разложении основ» [Chatelet 2020: 77]. Несмотря на попытку обнажить иллюзорность «я»,

лирическое напряжение проклятий всё же способствует его экспансии, что противоречит замыслу демаскировки. Сам Чёран замечает: «Разрушение кумира – нелегкая задача, требующая столько же времени, сколько необходимо для его сотворения и поклонения ему» [Сиоран 2003: 24]. Следовательно, процесс разрушения «я» у Чёрана должен быть возобновляемым, повторяться из книги в книгу, чтобы хоть как-то сдерживать склонность сознания к *само*-раздуванию.

2. Язык как пространство между расширением и удушением «я»

Между этими двумя моментами письма – расширением и удушением «я» – переход от одного языка к другому играет решающую роль. Румынский язык предстает как язык лиризма и экстерииоризации субъективности, как часть некоего целого – «румынского бытия», укорененного в стране, Румынии. При этом существует сильный парадокс между образом самого языка и образом страны: с одной стороны – безумный, прихотливый язык, с другой – страна без судьбы, посредственная. Во Франции, размышляя о французском языке, Чёран говорит о нем как о скованном, одеревенелом, трудном для обращения языке, становящемся узилищем для его духа – в стране, которая, напротив, имела судьбу, «великую цивилизацию». Таким образом, когда автор берется за французский и отказывается от румынского «навсегда», он покидает пространство высказывания внутри национальной литературы, стремясь создать литературное и философское сообщество, чтобы войти в инвертированную форму того, что Делёз и Гваттари называли «малой литературой» [Делёз, Гваттари 2015: 20]. Другими словами, вместо того, чтобы разрабатывать литературу, чьими признаками являются «детерриториализация языка, подключение индивидуального к непосредственному политическому, коллективное высказывание», Чёран, сменив язык, совершает акт окончательного разрыва с коллективом, к которому он до этого пытался принадлежать в Румынии [Chatelet 2020: 78].

Когда Чёран писал по-румынски, он не задавался вопросом о языке – он просто писал. Но писал, обрушиваясь с гневом на свою страну, которую считал лишенной судьбы, лишенной бурь, страсти, страну, которую веками лишь завоевывали. В этом смысле он ближе к тому, что Делёз и Гваттари называли малой литературой (*minor literature*): нужно помнить, что Трансильвания, где он вырос, до 1918 г. принадлежала Австро-Венгрии, а в Сибиу, где он учился, был широко распространен немецкий язык. Таким образом, писать на румынском, чтобы быть понятым всеми соотечественниками, уже было политиче-

ским актом. Хотя он прямо и не обсуждает это в своих текстах, противопоставление родного языка и языка оккупации (немецкого, венгерского) с детства определяло его отношение к языку. О своей связи с Румынией он напишет: «Моя страна! Я хотел уцепиться за нее любой ценой, и я не знал как. Я не находил для этого никакой возможности ни в настоящем, ни в прошлом. В ярости я приписал ей будущее, я выковал его с нуля, я приукрасил его, не веря в него. И в конце концов я напал на это будущее, возненавидев его, я плюнул на свою утопию. Моя амурная и бредовая ненависть не имела, так сказать, цели; ибо моя страна рассыпалась на моих глазах» [Чёран 2024а: 325]. Румынский язык у молодого Чёрана неотделим от ощущения коллективности – об этом свидетельствует частое обращение к читателю как к «братьям» в юношеских работах. Это также язык, на котором он говорил о судьбе Румынии, в котором он выражал свою злость, обиду, разочарование. Его бегство из страны и переход на французский – не столько принятие новой родины, сколько прощание с собой прежним: «Моя тогдашняя экстравагантность кажется мне невыносимой; я даже не могу представить себе своего прошлого; и когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что я вспоминаю чужие годы. И это кто-то другой, кого я отрицаю, я, находящийся за тысячи лье от него» [там же: 329].

Переход Чёрана на французский язык стал сменой объекта ненависти: «Я стал центром своей ненависти. Я ненавидел свою страну, всех людей и вселенную; мне оставалось только выместить ее на себе: что я и сделал в порыве отчаяния» [там же: 331]. На румынском он выражал ненависть к внешнему миру, а на французском – к самому себе. В переходе от злобы (направленной вовне) к отчаянию (направленному внутрь) и выражается этот лингвистический перелом. Выбор языка стал следствием пережитого зла: сначала направленного на родину, потом – на всё человечество и в итоге – на самого себя. Писать по-французски стало жестом отказа от «я», от культурной идентичности, ставшей источником страдания. Кроме того, французский язык требует отстранения, рефлексии – того, чего не было в румынской манере письма. Теперь Чёран озабочен не только тем, что он говорит, но и тем, как он говорит. Он увлечен формой, стилем, который становится неотделимым от самой мысли. Его афоризм из «Силлогизмов горечи» иллюстрирует это: «Трагикомедия ученика: дабы перещеголять моралистов, которые учили меня дробить мысль на мелкие фрагменты, я измельчил свою собственную мысль до пыли» [Сиоран 2008а: 43]. Здесь видно, как он одновременно приближается к опустошению и входит в новую литературную традицию.

3. «Самоубийство автора» как частный случай «смерти автора»

Отрицание субъективности влечет за собой исчезновение автора как личности, присутствующей в тексте: его идентичность ставится под вопрос. Письмо становится нейтральной зоной, пространством, где рассеивается субъект, где исчезает любая фиксированная идентичность – даже та, что принадлежит пишущему телу. Именно это «исчезновение автора» – идея Ролана Барта – можно применить к творчеству Чёрана, однако с оговоркой: если для Барта автор исчезает вне текста, уступая место читателю как месту единства, то у Чёрана смерть автора происходит внутри самого письма, в самой ткани текста.

Угасание фигуры автора в пользу текста связано с пониманием литературы как тотальности, включающей в себя различные уровни реальности, имеющие ценность лишь в контексте литературного акта. В этом смысле категории автора, произведения, читателя – это функциональные компоненты единого литературного организма. Отказ от биографического подхода (в духе редукции к комплексу Эдипа или религиозным травмам) кажется плодотворным. Однако в случае Чёрана всё осложняется: ведь именно «я» – главный материал его письма, в его расширении или разрушении. Поэтому «смерть автора» здесь – не условие универсальности текста, а часть авторского самоанализа: «Было время, когда писать казалось мне важным. Из всех моих суеверий это – самое постыдное и необъяснимое». Письмо постепенно теряет свою силу, принадлежит прошлому – времени иллюзий и компромиссов. Сам акт письма подозревается в ложности: «Надо быть сумасшедшим или пьяным в стельку, – сказал Сийес, – чтобы хорошо изъясняться на известных языках. Надо быть сумасшедшим или пьяным в стельку, добавлю я к этому, чтобы набраться смелости пользоваться словами – любыми словами» [Сиоран 2008б: 186]. Автор – и его дело – обречены: почти все произведения, по мнению Чёрана, состоят из заимствованных восторгов и выученной дрожи. Здесь Чёран предвосхищает не столько «смерть автора», сколько смерть самой литературы как производства сочинений. Франкоязычные книги Чёрана становятся движением к исчезновению – через подчеркнутую искусственность и фрагментарную самопрезентацию. Его первый текст на французском – «Основы разложения» (в русском переводе «О разложении основ») – это одновременно лебединая песня наивного поэта и крик нового автора, разуверившегося даже в литературе. Вместо фиксированного «я» появляется множество литературных личин – образов противоречивых и фрагментарных.

Чёран всё чаще включает в свои фрагменты автобиографические элементы – детство, болезни, мечты. Это позволяет ему вновь и вновь переписывать ключи к пониманию как своих книг, так и своей личности. Как пишет Михаэла-Гентиана Стэнишор: «Умножать своё существование – значит делать его не только литературным, но и выносимым. Совершенствовать это через культ альтер-эго, способного себе противоречить; раздроблять бытие и речь; пространственно разлагать единство существа и языка – вот доступные пути для измученного “я” Чёрана» [Stănişor 2018: 115]. Он отказывается от философского излишества и от поэтического излишества – и находит промежуточную фигуру: «частного мыслителя», «полуфилософа», который измышляет человечество изнутри собственной субъективности. Эта форма выражения – одна из возможных в многообразии его голосов, поддерживающая внутренний диалог и стремящаяся к наибольшей честности по отношению к разочарованному «я».

Хотя «я» в его французских текстах кажется всепроникающим, это не автобиографическое или исповедальное «я», как было в юности. Даже при наличии биографических деталей само «я» становится сценой – грамматической и стилистической маской, которую он и сам разоблачает.

У Чёрана субъективность проходит путь от лирического избытка к саморазложению. Румынский язык – язык образов, чувства, экспансии – отвергается. Французский становится «грамматической тюрьмой» или «смирительной рубашкой», сдерживающей порыв. Здесь смысл рождается не только из фраз, но и из пунктуации, из ритма, из отсутствия. Автор создает личный словарь, где слово значимо само по себе. Хотя литературная система не предлагает Чёрану устойчивого места, он находит его вопреки – разрушая язык, пересобирая субъективность, открывая в письме пространство самоотрицания. Таким образом, румынское «я» – подлинное, целостное, коллективное – уступает место множественным, фрагментарным и глубоко литературным идентичностям.

4. Субъективное и интимное «я» в языковом переходе

С переходом от румынских к французским произведениям Чёрана происходит постепенное истощение субъективности. Хотя в целом можно говорить о «письме о себе», у Чёрана оно всё больше становится письмом против себя, или, как выразился Николя Кавайес, письмом вопреки себе [Cavaillès 2007: 524]. Тем не менее французская часть его творчества демонстрирует сложное и множественное «я», которое оформляется

через разные автобиографические повествования – или по крайней мере тексты, имитирующие таковые. Это порождает парадокс: с одной стороны, мы видим исчезновение субъективного голоса, с другой – литературное формирование авторского «я». Чтобы разобраться в этом противоречии, важно различать интимное и субъективное высказывания, прослеживая их разные логики. Чтобы понять роль интимного в творчестве Чёрана, нужно отойти от традиционного сближения его с моральной традицией французских моралистов. На этом настаивает и Кавайес [Cavaillès 2007], и Мишель Жаррети [Jarrety 2014: 58]. Освобождение от этого морально-социального контекста (в котором форма служит социальной цели, не свойственной Чёрану) позволяет лучше уловить переход к частной, личной мысли – именно она выражается в его фрагментах. Эволюционируя от моралистической традиции XVIII в. с ее универсализмом и стремлением к объективности, под влиянием романтизма XIX в. она становится выражением внутреннего раскола, отстраненности от мира. У Чёрана эту эволюцию осложняет резкий языковой разрыв – переход от румынского к французскому. В румынских произведениях наблюдается избыток субъективности, когда «я» демонстрирует себя и наслаждается собой; во французских – наоборот, «я» сокращается, ослабляется, разлагается. Однако, несмотря на кажущуюся исповедальность ранних румынских текстов, они дают очень мало в плане бытовой интимности. Там выражается не столько повседневное, сколько экзистенциальное напряжение и стремление к самоутверждению. Французские тексты, напротив, уходят от этой задачи и подчеркивают онтологическое одиночество человека. Хотя мысль остается экзистенциальной, теперь она основана на непреодолимом разрыве между субъектом и миром, проявляющемся через скуку, меланхолию, тревогу. Разрыв между внутренним переживанием и внешней реальностью становится ведущим мотивом, проникающим даже в саму форму письма.

Парадоксально, но именно на фоне отказа от «я» и философской мысли как таковой в текстах Чёрана появляются элементы интимного: воспоминания детства, заметки о повседневной жизни, постыдные признания, описания болезней и сновидений. Это можно было бы понять как усиление субъективности – особенно в XX в., когда в литературу входит тело с его физиологическими и даже унижительными аспектами. Но в случае Чёрана интимное сопровождается сомнением в самом «я» и подрывает авторскую позицию. Каждое признание становится актом сомнения – в себе, в своей истории, в собственном мышле-

нии. Это одновременное стремление к раскрытию и к сценической подаче, где «сообщение» – это образ мира, пронизанный отсутствием, меланхолией и абсурдом. Таким образом, интимное у Чёрана как бы и выражает субъективность, и противостоит ей. Как отмечает Михаэла-Гентиана Стэнишор в книге «Мойевтика Чёрана» [Stănişor 2018], его юношеские тексты пронизаны экзальтированным, агрессивным письмом «я», стремящегося укорениться в мире. Поздние же французские тексты отличаются отстраненностью, рефлексией, дистанцией от собственного «я». Тем не менее именно анекдоты и интимные детали становятся движителями мышления: сначала эпизодически (в «Основах разложения»), а потом почти систематически (в «О злополучии появления на свет»). Эта эволюция позволяет увидеть, как интимное способствует исчезновению «я»: раскрывая его, оно его ослабляет, уязвляет, ведет к распаду. Но параллельно Чёран создает бумажную фикцию – литературное «я», чья экзистенциальная «формация» обретает структуру романа воспитания (нем. Bildungsroman), особенно вокруг эпизодов детства.

Понятие «интимное» охватывает множество смыслов – от глубинной сущности до привилегированной связи между людьми или, наконец, просто частного аспекта жизни. Из-за этой размытости литературной критике трудно работать с интимным как с объектом. Оно варьируется в зависимости от эпохи, личности, культуры. В широком смысле интимное – это то, что скрыто, глубоко, известно только субъекту, и потому затрагивает саму его суть. В литературе это понятие охватывает личные записи: дневники, письма. Их публикация раскрывает автора, подчеркивая как эмоциональную близость (в письмах), так и глубинную сущность (в дневниках). Когда автор пишет для себя или близких, без намерения публиковать, это меняет его отношение к читателю и создает другой тип повествования о себе – в отличие от мемуаров или эссе, адресованных публике. Таким образом, интимное влияет и на авторскую позицию, и на структуру письма о себе.

5. География «я»: прогулка и фрагмент

Чёран черпает вдохновение у «великих больных» – Паскаля, Ницше, Бодлера. Особенно его трогает Паскаль, который рассматривал болезнь как инструмент духовной практики. Однако, как замечает Орельен Демарс, между ними существует важное различие: «Если Паскаль направлял опыт болезни в сторону морального возвышения, то для Чёрана страдание ценно само по себе – не как путь к добродетели, а как источник экзистенциального и познавательного опыта. Болезнь, по его мнению, обладает эвристической

силой, но не имеет морального измерения» (цит. по: [Chatelet 2020: 108]). Физическая боль и недуг становятся у Чёрана каналами разрушительного, но принципиального откровения о существовании. Страдание меняет оптику восприятия: через него мир видится иначе – искаженный, пропущенный через фильтр боли. «Существенно – это бессмысленное, абсурдное страдание «я», моя замена невозможна, моя боль – непередаваема» [Jankélévitch 2011: 171].

Для Чёрана прогулка становится не просто привычкой, а настоящей частью его способа существования и мышления. Эта практика близка философам вроде Руссо и Ницше, для которых хождение было неотделимо от процесса размышления и творчества. Чёран тоже ходит – чаще всего ночью – чтобы унять внутреннюю тревогу. Хождение становится способом справиться с мучительной замкнутостью в себе, разрядить напряжение. Он пишет фрагментами, и сам его стиль как будто следует ритму таких прогулок: сбивчивому, беспокойному. Это не просто перемещение в пространстве, а способ выйти из самого себя и связаться с внешним миром.

Прогулка не спасает окончательно, но позволяет хотя бы на время не разрушиться. Несмотря на одиночество, прогулки позволяют Чёрану общаться – хотя бы случайно, хотя бы наблюдая за прохожими. Он вспоминает, как встречался в саду Люксембурга с Беккетом и другими. Эти мимолетные встречи становятся частью его письма, где он описывает людей – иронично, тонко, иногда с насмешкой, иногда с нежностью. Так прогулка превращается в способ не только двигаться и дышать, но и почувствовать, что ты еще связан с миром. Даже просто увидеть старушку на улице – это уже момент сопричастности. Таким образом, для Чёрана прогулка – это форма мышления, попытка избежать внутреннего краха, способ связаться с другими и с миром, что отражается в его фрагментарном письме, которое дышит так же, как его ночные блуждания.

6. Внутренние ландшафты бессонницы

Ночная жизнь – вовсе не мир покоя. Напротив, она – зыбкая и мучительная среда, в которой сознание раздираемо сомнениями. Даже для писателя, который вроде бы обретает ночью некую форму самости, ночь – не всегда значит цельность. Напротив – это время внутреннего распада и кризиса идентичности. Чёран описывает, как ночью человек отрывается от других и от самого себя. Его сознание заражено «ночью», как будто это болезнь или наркотик, попавший в кровь. Он больше не принадлежит миру живых, становится существом ночной стороны бытия: смерти, боли, тьмы. «С венами, отягченными ночными бдени-

ями, ты не более уместен среди людей, чем эпифания в центре цирка» [Сиоран 2008а: 59]. Отчужденный от мира, он обращается к себе – к своим мыслям, страданиям, а иногда даже к Богу, в которого не верит. Но даже это обращение – не утешение, а последняя отчаянная попытка достичь Абсолюта: «Когда уже невозможно продолжать движение в Боге, когда он оказывается пройденным вдоль и поперек, исхоженным и буквально истоптанным, ночи, во время которых возникает мысль выбросить его на свалку, обогатить мир еще одной ненужной вещью» [там же: 99].

Уже в «На вершинах отчаяния» Чёран сравнивает бессонницу с отчаянием: «Между бессонницей и отчаянием существует неразрывная связь. Я считаю, что полная потеря надежды немыслима без бессонницы. Единственная разница между раем и адом заключается в том, что в раю можно спать до потери сознания; в аду никогда не спишь» [Чёран 2025а: 115–116].

Также Чёран сравнивает опыт сна с представлением о смерти («Сон – маленькая смерть», как говорили греки): «Сегодня днем [31 января 1967], плохо выспавшись ночью, я заснул. Более часа тяжелого сна, настолько тяжелого, что, проснувшись, я ясно почувствовал, как на протяжении веков, тысячелетий совпадал с грубой материей. Ностальгия по смерти, может быть, и есть это желание совпадения, окончательного возвращения в состояние не-сознания и неразмышления. Мне нравится это падение в сон, ощущение погружения – как если бы это была материнская бездна, обволакивающая вселенная до рождения» [Чёран 2025с: 332].

В своей последней книге «Исповедь и анафемы» (в русском переводе «Признания и проклятия») Чёран вспоминает: «Невозможно проводить бессонные ночи и при этом заниматься какой-то профессией: если бы родители не финансировали моей бессонницы, я бы в молодости несомненно покончил с собой» [Чоран 2004: 21].

Бессонная ночь – это не просто усталость, а настоящая битва: с собой, с Богом, с пустотой. В такие часы рождается «ночное знание», которое разрушает уверенность дневного разума. Оно показывает, как слабо и беспомощно тело перед лицом ночи: «Разъедающее действие ночи: как эта бедная плоть может пережить его?» [Чёран 2025с: 74] Ночь обращает всё с ног на голову [Сиоран 2003: 52].

Чёран показывает: тьма соблазнительна, ее опасность – в иллюзии. В ночи можно почувствовать прикосновение к Абсолюту, но это обманчиво. Этот мрак может сжечь сознание быстрее, чем дневное заблуждение. Ночное знание предлагает иной способ восприятия: более резкий, мучительный, но дающий большую ясность.

Бессонница, по сути, становится не только страданием, но и инициацией – как у раннехристианских отшельников, которые по ночам сражались с демонами в пустыне. Это испытание, приближающее к истине через предельную внутреннюю борьбу. «Свет утренней зари – это свет истинный, первоосновной. Всякий раз, созерцая его, я благословляю свои бессонные ночи, которые дарят мне возможность лицезреть Начало. Иейтс называет этот свет «сладострастным». Прекрасная, но спорная находка» [Чоран 2004: 78]. Если в ранних афоризмах Чёрана почти нет автобиографии, то по мере того, как он переходит к более свободной фрагментарной форме, личные элементы начинают проявляться. Он вписывает в текст частные эпизоды – короткие воспоминания, сцены, фигуры, которые возвращаются в разных вариантах. Это создаёт ритм, придаёт эмоциональную плотность. Через это интимное измерение раскрывается подлинная литературная сила Чёрана: он сочетает личную исповедь с философским размышлением, позволяя читателю увидеть, как он сам себя видит. Форма фрагмента позволяет передать раздробленность «я» – не как недостаток, а как способ быть. И именно через тело, болезнь, ночную ходьбу, страдание и одиночество, писатель выстраивает своё особое присутствие в мире – на его границах. Чёран показывает, что ночь – это испытание, когда ты сталкиваешься с собой и с пустотой: «Чистое течение времени, голое время, сведенное к сущности потока, не прерываемого мгновениями, постигается лишь в бессонные ночи. Все исчезает. Всюду просачивается тишина. Слушаешь, но ничего не слышишь. Чувства уже не обращены вовне. Да и куда вовне? Состояние поглощенности исчезает, остается лишь этот проходящий сквозь нас чистый поток, который есть мы и прервать который сможет лишь сон или день» [там же: 89]. Она разрушает иллюзии дневного разума, но может и поглотить. Из этой борьбы рождается «ночное знание» – болезненное, но глубоко честное.

Поздний Чёран при борьбе с изнуряющей его бессонницей прибегает к снотворным, алкоголю и даже запрещенным веществам: «30 августа 1964. Ужасная ночь. Я вставал раз десять, но тщетно пытался совладать со своими нервами. В конце концов мне пришлось прибегнуть к услугам успокоительного “Экванил”» [Чёран 2025а: 360]; «22 апреля 1965. В течение пяти часов я пытался заснуть, даже принял суппозиторий с морфием. Около четырех часов утра что-то наконец поддалось, и я погрузился в блаженство бессознательного состояния» [Чёран 2025с: 66]; «20 февраля 1966. Прошлой ночью, впервые в жизни, я выкурил гашиш, но недостаточно, так

как не почувствовал никаких выраженных эффектов, хотя это доставило мне определенное удовольствие (которое вполне может быть просто иллюзией)» [там же: 158]; «2 июля 1966. Пришел домой в 3 часа ночи, совершенно пьяный. Сегодня похмелье – рвота, болезненное возбуждение» [там же: 204].

7. Начало конца

Последняя книга Эмиля Чёрана – «Исповедь и анафемы» (1987): прогрессирующая болезнь Альцгеймера не дала мыслителю продолжать заниматься литературой. Но о началах этой болезни он упоминает уже в дневниковой записи за 1967 г.: «Я наблюдаю за собой последние несколько лет и замечаю у себя ухудшения памяти, жалкую неспособность сосредоточиться, явные признаки размягчения мозга. Эти артерии, как я их ненавижу!» (15.05.1967) [Чёран 2025с: 389]. А также: «Сегодня после обеда в банке, собираясь заполнить форму для получения чека, я не смог вспомнить номер своего счета. То есть я знал только последние цифры, но не первые. Мне пришлось уйти внезапно, что, наверное, поразило сотрудницу, которая выглядела озадаченной (я даже оглянулся, чтобы посмотреть на нее). Это симптомы той “тупости”, на которую жаловался Бодлер? (“Сегодня я почувствовал себя тупым”). У меня большие сомнения по поводу будущего моего мозга» (16.10.1967) [там же: 412].

Тогда же (мы определяем это 1967 г.) происходит отход Чёрана от работы над стилем и начало работы над его разложением (что в точности соответствует первой манифестации болезни Альцгеймера). Проиллюстрируем этот тезис рядом дневниковых записей Чёрана того года: «Лучше больше не писать, чем написать книгу, похожую на все остальные. Избегайте повторений любой ценой. Играйте в свою собственную игру. Нет ничего хуже автоматизма, особенно в мыслях. Не поддавайтесь на легкое “нет”». [там же: 163–164]. Чёран еще пытается отшучиваться: «Если мне уже некоторое время так трудно писать, то это потому, что я больше не воспринимаю насилие и провокацию всерьез; а ведь именно в них мой разум спокоен и функционирует без усилий. Самоограничение разрывает меня по швам. Мудрость – мое бедствие» [там же: 165]; «Я ампутант всех слов» [там же: 26]; «Все писатели ненавистны, потому что они писатели» [там же: 160].

Про стилистов и стиль он пишет: «Трупы, переодетые в эстетов» [там же: 370], – намекая на их внутреннюю пустоту и мертвость. «Следует остерегаться стиля как чумы» [там же: 431], но при этом: «Мне нравится, когда стиль обладает

ясностью определенных ядов» [там же: 195]; «Лучше иметь твердый, пустой стиль, чем мягкий и кишащий мыслями» [там же: 128]. О своем собственном стиле Чёран разочарованно замечает: «Совершенно ошибочно приписывать мне или признавать во мне “стиль”. У меня нет стиля, у меня есть, как заметил Сен-Жон Перс, “ритм”. И этот ритм соответствует моей физиологии, моему существу, это мой органический каданс, мое истерическое чувство, которому удастся пробиться сквозь мои фразы» [там же: 137]. При этом он все чаще ностальгирует по родному румынскому языку: «Вчера в библиотеке Педагогического института я листал старый румынско-французский словарь Даме. Все румынские слова – необычайно мощные и поэтичные, их французские эквиваленты – пустые, бессодержательные, условные, дидактические, – латынь в худшем смысле этого слова» [там же: 204]. Отмечая: «Нужно обладать настоящей страстью к нюансам, чтобы заметить разницу между текстами, которые я писал на румынском и французском языках на протяжении более чем тридцати лет. По сути, все, что я сделал, – это “вышивал” на одних и тех же темах, местами углубляя их» [там же: 217]. Французский же до сих пор остается его навязчивой болью: «Моя борьба с французским языком – одна из самых тяжелых, какие только можно себе представить. Победа и поражение чередуются, но я не сдаюсь» [там же: 362].

Иногда Чёран становится лирически-серьезен: «Нужно писать для того, кто знает, что он умрет [...] Писать для гладиаторов...» [там же: 433]; «С возрастом я все больше теряю вкус к парадоксам. Для меня важна истина, а не само выражение. От гениальности надо бежать как от чумы» [там же: 171]; «Можно читать дневник писателя – это фрагменты, в которых есть жизнь. А вот что я все хуже воспринимаю – это афоризмы, мысли, оракульные формулы, которые значат все и ничего. Когда думаю, что сам такое писал, меня охватывает отвращение. Забудем!» [там же: 290]; «Все, что я требую от писателя, – чтобы он писал грамотно. Хорошо или плохо написано произведение, для меня не имеет значения. Стиль, который так долго был моей навязчивой идеей, больше не интересует меня...» [там же: 137].

Затем он снова возвращается к своей фирменной самоиронии: «Мы писатели, потому что не смогли быть ораторами... (Согласно моим теориям, заики должны быть гениями...)» [там же: 269]. И при этом с грустью замечает: «Все лучшее, что у меня было, я растратил в разговорах, особенно в юности. Мои книги, как румынские, так и французские, – лишь жалкое подобие того, кем я был, и того, кем я стал. Я даже не помню тех неистовых монологов, которые я когда-то

вел. Я тратил себя с щедростью, о которой теперь жалею; она изнасилась, от нее остались лишь обрывки» [там же: 131].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что рождение авторского «я» Эмиля Чёрана представляет собой сложный, антиномичный и перманентный процесс саморазрушения, осуществляемый средствами письма. В этом процессе рождается французский стиль Чёрана, а сам он приобретает во Франции славу стилиста, где его чаще называют «эссеистом», а не философом (тем более что сам он не любил этого слова, соглашаясь максимум на «частного мыслителя» — нем. *privatdenker*). Это «я» не является стабильной субстанцией, но возникает в напряженном зоре между его экспансией и удушением, утверждением и отрицанием. Фрагментарная форма становится адекватным языком для этой работы, позволяя расчленять целостность субъекта и демонстрировать его внутреннюю противоречивость. Ключевую роль в этой трансформации сыграл переход с румынского языка на французский. Если румынский был языком лирического излияния, коллективной идентичности и направленной вовне ненависти, то французский стал «грамматической тюрьмой», «смирительной рубашкой», языком отстранения, рефлексии и ненависти, обращенной на себя. Этот лингвистический разрыв обусловил смену модуса субъективности: от экстатического самоутверждения к методичному саморазложению (*decomposition*). Парадоксальным образом, именно на фоне декларативного отказа от авторского «я» в текстах Чёрана усиливается интимное, физиологическое и автобиографическое измерение. Болезнь, бессонница, прогулка и ночь становятся не просто темами, но пространствами, в которых «я» проходит испытание на прочность. Страдание и бессонница обретают эвристическую ценность, открывая «ночное знание» о хрупкости сознания и бытия в целом. В этом контексте «смерть автора» у Чёрана — это не постструктуралистский жест, а интимный, переживаемый акт самоотрицания внутри самого текста. Таким образом, авторское «я» Чёрана рождается не как нечто данное, а как непрерывный процесс. Это «я» существует в жесте своего собственного разоблачения, в напряжении между литературной маской и экзистенциальной болью, между стремлением к самоуничтожению и невозможностью окончательно его совершить. В итоге его творчество можно рассматривать как уникальный литературно-философский проект, в котором письмо становится пространством постоянного умирания и нового обретения «я» (бесконечный фронт) — всегда фрагментарно, проблематично и глубоко трагического.

Примечания

¹ Мы пишем фамилию Cioran как Чёра́н через безударную «ё», чтобы подчеркнуть ее славянскую этимологию — происхождение от корня [чёр]ный. Так, по мнению специалиста по румынской генеалогии Михая Рэдулеску, слово «cior-» может быть заимствованием от славянского «сorn-» — «чёрный», через староболгарский или южнославянские диалекты, и может восходить к старославянскому «сегн- / ѿгн-», к праславянской форме слова «чёрный» — «сьгнь»; болг. — черен, серб. — црн, рус. — чёрный [Rădulescu 2018: 129–134]. Ё в безударной позиции вполне допустима в ряде случаев: например, фамилии его земляков с Балкан — сербо-венгерского поэта Шандора Пётёфи (венг. Petőfi Sándor ['petø:fi 'ja:ndor]; 1823 – 1849) и венгерского математика Пала Эрдёша (венг. Pál Erdős; 1913–1996) — передаются через безударную «ё», как и фамилия японского императора Ёсихито [Гранин 2024: 7–8; Гранин 2025б: 27–35].

² Помимо перехода с родного языка на французский, у Чёрана можно выделить два французских периода: в первый он работал над оттачиванием своего стиля (генезис текста и стиля в «О разложении основ», 1949 [Cioran 1949]; «Силлогизмы горечи», 1952 [Cioran 1952]; «Искушение существованием», 1956 [Cioran 1956]); во второй (начиная с «История и утопия», 1960 [Cioran 1960]) наблюдался отказ от стиля, его декомпозиция, возвращение к практике «писать, как думать» (как это было в румынский период), без переписываний и черновиков. «О разложении основ» Чёран переписывал четыре раза, с удивлением обнаружив, что во Франции нужно думать не только что пишешь, но, главное, как пишешь (так же, как и что и как ешь). Многочисленная рефлексия, сопровождающая стилистическую трансформацию, содержится в его дневниках (Cahiers, 1957–1972 [Чёран 2025б; Чёран 2025с]), которые мы также отнесли к феномену текста-фронта, но уже не языкового, а стилистического. Отказ от стиля отвечал программе зрелого Чёрана, осознанно выбравшего судьбу человека без биографии, апатрида, языкового и метафизического метека. Подробнее о тексте-фронте см.: [Гранин 2025а].

Список литературы

Гранин Р. С. Начало ведения «Чёрного дневника» (1957) как фронт между первым (1949–1956) и вторым (1960–1987) французским периодом Чёрана: между генезисом стиля и его декомпозицией // Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972). Т. II (1965–1967) / пер. с фр. Р. С. Гранина. М.: Тотенбург, 2025а. С. 12–23.

Гранин Р. С. Поэтика Эмиля Чёрана. Т. I. Деконструкция [автора]. М.: Тотенбург, 2025б. 296 с.

Гранин Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 126 с.

Делез Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2015. 113 с.

Сиоран Э. М. Горькие силлогизмы // Горькие силлогизмы. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008а. С. 26–145.

Сиоран Э. М. О злополучии появления на свет (фрагменты из произведения) // Горькие силлогизмы. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008б. С. 146–366.

Сиоран Э. М. О разложении основ // Искушение существованием. М.: Республика: Палимпсест, 2003. С. 14–142.

Чёран Э. Моя страна // Преображение Румынии. М.: Тотенбург, 2024а. С. 325–331.

Чёран Э. На вершинах отчаяния / пер. с рум. Р. С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025а. 176 с.

Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972). Изд. в четырёх томах. Том I (1957–1964) / пер. с фр. Р. С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025б. 382 с.

Чёран Э. Чёрный дневник (1957–1972). Том II (1965–1967) / пер. с фр. Р. С. Гранин. М.: Тотенбург, 2025в. 438 с.

Чоран Э. М. Признания и проклятия: Философская эссеистика / пер. с фр. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2004. 206 с.

Cavaillès N. Suicide, Décomposition, Corruption: génèse et dialogisme du Précis de Décomposition de Cioran. Lyon 3, 2007. 593 p.

Chatelet L. Cioran, un penseur privé en mal d'écriture. Lyon, Université Jean Moulin (Lyon 3), 2020. 461 p.

Cioran E. Îndreptar pătimăș [рум. Страстный наставник, 1944; фр. Бревиарий побежденных]. București: Humanitas, 1991. 126 p.

Cioran. Précis de décomposition [О разложении основ, букв. «Основы разложения»]. Paris: Gallimard, 1949. 255 p.

Cioran. Syllogismes de l'amertume [Горькие силлогизмы, букв. «Силлогизмы горечи»]. Paris: Gallimard, 1952. 184 p.

Cioran. La Tentation d'exister [Искушение существованием]. Paris: Gallimard, 1956. 235 p.

Cioran. Histoire et utopie [История и утопия]. Paris: Gallimard, 1960. 147 p.

Cioran E. Mihail Eminescu [Михай Эминеску]. Comoedia, 16 janvier 1943a [Bibliothèque Jacques Doucet CRN.Ms.61(1–4)].

Cioran E. Les secrets de l'âme roumaine, le 'DOR' ou la nostalgie [Секреты румынской души: «дор» или ностальгия]. Comoedia, 4 septembre 1943b [Bibliothèque Jacques Doucet CRN.Ms.61(1–4)].

Jankélévitch V. Le Sérieux de l'intention. Traité des vertus I. Paris, Flammarion, 2011. 288 p.

Jarrety M. Cioran modeste face au «chien céleste» // Le Magazine Littéraire. 2014. N°541. P. 58.

Rădulescu M. S. Despre genealogia lui Emil Cioran // Genealogii. București: Vremea, 2018. P. 129–134.

Stănișor M-G. La Moïeutique de Cioran. Paris, Editions Classiques Garnier, 2018, 299 p.

References

Granin R. S. The beginning of “The Black Diary” (1957) as a frontier between Cioran's first (1949–1956) and second (1960–1987) French periods: Between the genesis of style and its decomposition. In E. Cioran *The Black Diary (1957–1972)*. Vol. 2 (1965–1967). Transl. from French by R. S. Granin. Moscow, Totenburg Publ., 2025a, pp. 12–23. (In Russ.)

Granin R. S. *The Poetics of Emil Cioran*. Vol. 1. Deconstruction [of the author]. Moscow, Totenburg Publ., 2025b, 296 p. (In Russ.)

Granin R. S. *Emil Cioran: Approaching the Elusive Philosopher*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr umanitarnykh initsiativ Publ., 2024. 126 p. (In Russ.)

Deleuze G., Guattari P. F. *Kafka: Toward a Minor Literature*. Moscow, Institute of General Humanities Research Publ., 2015. 113 p. (In Russ.)

Cioran E. M. Bitter Syllogisms. In E. M. Cioran *Bitter Syllogisms*. Moscow, Algorithm Publ., Eksmo Publ., 2008a, pp. 26–145. (In Russ.)

Cioran E. M. On the misfortune of birth (excerpts from the work). *Bitter Syllogisms*. Moscow, Algorithm Publ., Eksmo Publ., 2008b, pp. 146–366. (In Russ.)

Cioran E. M. On the decay of foundations. *The Temptation to Exist*. Moscow, Respublika: Palimpsest Publ., 2003, pp. 14–142. (In Russ.)

Cioran E. My country. *The Transfiguration of Romania*. Moscow, Totenburg Publ., 2024a, pp. 325–331. (In Russ.)

Cioran E. *On the Heights of Despair*. Transl. from Romanian by R. S. Granin. Moscow, Totenburg Publ., 2025a. 176 p. (In Russ.)

Cioran E. *The Black Diary (1957–1972)*. In 4 vols. Vol. 1 (1957–1964). Transl. from French by R. S. Granin. Moscow, Totenburg Publ., 2025b, 382 p. (In Russ.)

Cioran E. *The Black Diary (1957–1972)*. In 4 vols. Vol. 2 (1965–1967). Transl. from French by R. S. Granin. Moscow, Totenburg Publ., 2025c, 438 p. (In Russ.)

Cioran E. M. *Confessions and Curses: Philosophical Essays*. Transl. from French by O. Akimova. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 206 p. (In Russ.)

Cavaillès N. *Suicide, Décomposition, Corruption: génèse et dialogisme du Précis de Décomposition de Cioran* [Suicide, Decay Corruption:

Genesis and Dialogism of Cioran's Short History of Decay]. Lyon 3, 2007. 593 p. (In Fr.)

Chatelet L. *Cioran, un penseur privé en mal d'écriture* [Cioran, a Private Thinker in Need of Writing]. Lyon, Jean Moulin Lyon 3 University Press, 2020. 461 p. (In Fr.)

Cioran E. *Îndreptar pătimăș* [Passionate Mentor]. Bucharest, Humanitas, 1991. 126 p. (In Rom.)

Cioran. *Précis de decomposition* [A Short History of Decay]. Paris, Gallimard, 1949. 255 p. (In Fr.)

Cioran. *Syllogismes de l'amertume* [Bitter Syllogisms]. Paris, Gallimard, 1952. 184 p. (In Fr.)

Cioran. *La Tentation d'exister* [The Temptation to Exist]. Paris, Gallimard, 1956. 235 p. (In Fr.)

Cioran. *Histoire et utopie* [History and Utopia]. Paris, Gallimard, 1960. 147 p. (In Fr.)

Cioran E. Mihail Eminescu. Comoedia, 16 janvier 1943. [Bibliothèque Jacques Doucet CRN.Ms.61(1-4)]. (In Fr.)

Cioran E. Les secrets de l'âme roumaine, le 'DOR' ou la nostalgie [Secrets of the Romanian soul: "DOR" or nostalgia]. Comoedia, 4 septembre 1943. [Bibliothèque Jacques Doucet CRN.Ms.61(1-4)]. (In Fr.)

Jankélévitch V. *Le Sérieux de l'intention. Traité des vertus I* [The Seriousness of the Intention. Treatise on the Virtues I]. Paris, Flammarion, 2011. 288 p. (In Fr.)

Jarrety M. Cioran modeste face au 'chien céleste' [Cioran, modest in the face of the "celestial dog"]. *Le Magazine Littéraire*, 2014, issue 541, p. 58. (In Fr.)

Rădulescu M. S. Despre genealogia lui Emil Cioran [On Emil Cioran's genealogy of]. In *Genealogii* [Genealogies]. Bucharest, Vremea, 2018, pp. 129–134. (In Rom.)

Stănișor M-G. *La Moïeutique de Cioran*. Paris, Editions Classiques Garnier, 2018. 299 p. (In Fr.)

Информация об авторе

Гранин Роман Сергеевич

кандидат философских наук,
заместитель главного редактора
международный теоретический журнал
"Credo New"

<https://credo-new.ru/>

г. Санкт-Петербург, Россия

grrom@mail.ru

SPIN-код: 2033-5065

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3049-0584>

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена
после рецензирования 03.02.2026; принята к публика-
ции 13.02.2026

Information about the author

Roman S. Granin

Deputy Editor-in-Chief
International theoretical journal *Credo New*
<https://credo-new.ru/>
St. Petersburg, Russia

grrom@mail.ru

SPIN- code: 2033-5065

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3049-0584>

Submitted 04 Dec 2025; revised 03 Feb 2026; accepted
13 Feb 2026

УДК 821.111-22

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-106-116

EDN WSRFRN

<https://elibrary.ru/wsrfrn>

Триумф глупости и благочестия: трансформация образа матери Мерлина от дочери короля к деревенской дурочке

Зелезинская Наталья Станиславовна

Белорусский государственный университет

zelezinskaya@bsu.by

Аннотация. В статье анализируются два основных образа сюжета о рождении Мерлина: образ самого артуровского пророка и образ его матери. Цель исследования – выявить взаимовлияние данных образов и их трансформацию по мере развития теологических, политических, социальных, демографических, медицинских и литературных контекстов и изменения культурно-нравственных ценностей. В качестве таковых рассматриваются демонизация сверхъестественного, монополизация мотива непорочного зачатия, усиление бинарности мышления в позднее Средневековье и амбивалентность раннего Нового времени, теологические дебаты о способности дьявола к оплодотворению, замещение аристотелевской односемянной теории зачатия галеновской двусемянной, изменения в законах, касающихся внебрачных детей, высокие показатели количества бастардов в английских приходах, социальная ответственность незамужних матерей в раннее Новое время, мизогиния, охота на ведьм и усиление критики придворных нравов. В статье утверждается, что синтетичность образа Мерлина и непримиримость его демонического происхождения с ведущей ролью в легенде о короле Артуре привела к непрерывным попыткам оправдать сверхъестественное зачатие будущего пророка, к трансформации социального статуса матери Мерлина, меры ее вовлеченности в процесс зачатия, демонологизации ее образа и возникновению ассоциаций с ведьмой и блудницей. Из многочисленных текстов, использующих сюжет о рождении Мерлина, в качестве материала исследования избраны те, в которых осуществлены значимые изменения трактовки образов и сюжета в целом, а именно: хроники Ненния и Гальфрида Монмутского, отрывок «Брута» Лайамона, «Роман в прозе» Робера де Борона, поэма о Пирсе Гавестоне и «Поли-Альбион» Майкла Дрейтона, «Жизнь Мерлина» Томаса Хейвуда. Основное внимание уделяется пьесе Уильяма Роули «Рождение Мерлина, или Ребенок нашел Отца».

Ключевые слова: Мерлин; артуриана; сюжет о рождении Мерлина; мотивный комплекс; синтетический образ; демонологизация образа; бинаризм; ранняя английская драма; шекспировский апокриф; контекстуальный анализ; историческая поэтика; А. Н. Веселовский; Уильям Роули.

Для цитирования

Зелезинская Н. С. Триумф глупости и благочестия: трансформация образа матери Мерлина от дочери короля к деревенской дурочке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 106–116. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-106-116. EDN WSRFRN

The Triumph of Folly and Piety: The Transformation of the Image of Merlin's Mother From a King's Daughter to a Fool

Natalia S. Zelezinskaya

Belarusian State University

zelezinskaya@bsu.by

Abstract. The article examines two main images related to Merlin's birth story: the image of Arthur's prophet himself and the image of his mother. The study aims to reveal the mutual influence of the images and their transformation as theological, social, demographic, political, medical, and literary contexts developed and as cultural and moral values changed. The contexts include the demonization of the supernatural, the monopolization of the motif of immaculate conception, binary thinking in the late Middle Ages and the ambivalence of the early modern mentality, theological debates about the devil's ability to fertilize, the replacement of Aristotle's single-seed theory of conception with Galen's two-seed theory, changes in laws concerning illegitimate children, high rates of bastardy in English parishes, the social responsibility of unmarried mothers in the early modern period, misogyny, witch hunt, and increased criticism of courtier morals. The article argues that the synthetic nature of Merlin's image and the irreconcilability of his demonic origins with his role in the legend of the great King Arthur led to continuous attempts to explain the supernatural conception of the future prophet and, hence, to the transformation of the social status of Merlin's mother and of the extent of her involvement in the process of conception, as well as to the demonization of the female image from the early to late Middle Ages, leading to associations of her role with that of a witch and a harlot. From the numerous texts that use the story of Merlin's birth, those in which significant changes in the interpretation of the images and the plot as a whole have been made were selected as research material, namely: chronicles of Nennius and Geoffrey of Monmouth, Layamon's *Brut*, Robert de Boron's *Romance in Prose*, Michael Drayton's *Poli-Olbion* and *Piers Gaveston, Earl of Cornwall: His Life, Death, and Fortune*, Thomas Heywood's *Life of Merlin* and William Rowley's *The Birth of Merlin, or The Child Found His Father*.

Keywords: Merlin; Arthuriana; plot of Merlin's birth; motif complex; synthetic image; demonologization of the image; binarism; early modern drama; Shakespeare's apocrypha; contextual analysis; historical poetics; A. N. Veselovsky; William Rowley.

For citation

Zelezinskaya N. S. The Triumph of Folly and Piety: The Transformation of the Image of Merlin's Mother From a King's Daughter to a Fool. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2026, vol. 18, issue 2, pp. 106–116. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-106-116. EDN WSRFRN (In Russ.)

Образ Мерлина для европейской культуры настолько яркий и самобытный, что заслоняет собой другие образы артурианы и уступает в популярности разве что самому Артуру. Однако в сюжете о рождении Мерлина значимым персонажем является и мать Мерлина. Рассмотрение двух данных образов во взаимосвязи и на фоне теологических и политических контекстов и культурно-нравственных ценностей дает более глубокое понимание мотивного комплекса, лежащего в основе сюжета и вызывающего трансформации в образе артуровского пророка.

Уже сравнение версий Ненния и Гальфрида показывает, как переход от обычаев кельтской/островной церкви к римским практикам проблематизирует женский образ. В обеих летописях гонцы ищут мальчика без отца по приказу короля Вортигерна. Признание матери мальчика в рассказе Ненния представляет собой ничем не осложненную легенду о непорочном зачатии: «Я и сама не знаю, как он был зачат в чреве моем, я знаю только одно, что во всю мою жизнь я не познала мужчины» (Nennius 2010: 24). У Гальфрида она оказывается дочерью короля Диметии и на момент разворачивающихся событий проживает в церкви св. Петра. Но рассказ ее вовсе не так невинно несведущ, как в первоисточнике:

«Предо мной предстал некто в облике прелестного юноши и, сжимая в <...> объятьях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мной совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. Позднее он многократно обращался ко мне с речами, когда я бывала одна, но я его ни разу не видела. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем в чреве» (Geoffrey of Monmouth 2024: 222).

По причине обыденности мотива непорочного зачатия для агиографии и легендарной биографии он никак не комментируется у Ненния, а Гальфрид добавляет объяснение придворного мудреца: «Из книг наших философов и многих исторических сочинений я узнал, что немало людей появилось на свет именно так. Ибо, говоря о божестве Сократа¹, Апулей сообщает, что между луной и землей обитают бесплотные духи, которых мы именуем инкубами. Частично они обладают естеством человека, частично – ангелов² и, когда пожелают, присваивают себе человеческое обличье и сочетаются с нашими женщинами. Один из них, быть может, и предстал пред этой женщиной и породил в ней вот этого юношу»³ (ibid: 223). Неоплатонические трактаты

сочетают пророческие мотивы с демонологическими в вариантах, близких «Истории бриттов»⁴. Мотив чудесного голоса, понятого через практику скраинга, у Гальфрида двойится: это и голос самого провидца Мерлина, и голос, услышанный соблазняемой женщиной, — точь-в-точь, как у Апулея (Апулей 2005: 10).

Демоническое происхождение мудреца и советника великого короля Артура не давало позднесредневековым авторам покоя: безоценочное повествование об отце-нечеловеке уже не годилось, равно как и первоначальное соотнесение с Христом. Однако именно христианская логика и элементы мотива непорочного зачатия позволили Роберу де Борону хотя бы частично преодолеть противоречивость образа: несмотря на дьявольское зачатие, дитя спасено через благочестие матери. При этом автор французского «Прозаического Мерлина» (*“Le Roman de Merlin en prose”*, 1210) исчерпывающе объясняет причину рождения у дьявола ребенка от смертной женщины: на собрании демоны решают родить себе альтернативу Иисусу и воскресить свои надежды на души людей (*Roman en prose* 1886: 2). Находится демон, способный зачать человеческое дитя (*ibid.*: 3–4)⁵. Таким образом, от первой версии сюжета о рождении Мерлина к последующим происходит аксиологическое «переворачивание» мотивов. Этот прием явно отсылает к гностической логике, образуя оппозицию «Христос — Антихрист»⁶ и по аналогии создавая предпосылки к оппозиции «Дева Мария — Ева/блудница/ведьма».

Робер де Борон подробно рассказывает, как демоны не могли соблазнить девушку, поскольку крепкая вера давала ей силу преодолеть соблазн отчаяния и просить совета у святого отшельника. Следуя его наставлениям, она прожила в праведности два года, но однажды, после ссоры с непутевой сестрой, заснула в гневе (что трактовалось как проявление гордыни). Бес сразу понял, что наступил отличный момент для того, чтобы «поместить в нее нашего человека» (*Roman en prose* 1886: 4), и возлег с ней, пока она спала. Таким образом, у Борона есть и сравнение с Девой Марией, и противопоставление Ей.

Как и у других средневековых авторов⁷, изнасилование во сне снимает с женщины вину в прелюбодеянии. Робер де Борон снова предпочитает христианские мотивы кельтским. Рождение Мерлина от добродетельной девственницы в результате демонического зачатия является искаженным повторением божественного зачатия Иисуса Христа. Хотя дьяволы задумывали его как антихриста, благодаря добродетели своей матери и божественному вмешательству Мерлин развивает праведную цель и становится важной фигурой в истории Англии. Чистота матери со-

ставляет основное различие между разными версиями сюжета о рождении Мерлина и формирует аксиологическую перспективу.

Амбивалентность обоих образов сохраняется у британских авторов⁸. Анита Обермайер указывает, что нормандский поэт XII в. Вас использует слова «обман» и «изнасилование» в отношении акта, свершенного инкубом с девушкой, ни словом не попрекает ее и считает одураченной инкубом, а у Лайамона уже присутствует пейоративная риторика⁹:

Nu wes Maerlinges moder
wundermere i- warden,
in ane hasse munftre
muchene ihaded (Layamon 1847).

Во всех нарративах о Мерлине эти образы остаются связанными, и контексты эпохи сказываются всегда на обоих. Одним из таких контекстов становится медицинский, а именно замещение аристотелевской односемянной теории зачатия галеновской двусемянной непосредственно в XI–XII вв. По Аристотелю, активной силой зарождения новой жизни был мужчина, по Галену — оба. Следовательно, по Аристотелю, женщина была пассивным сосудом (*vessel*), или, продолжая аграрную метафорику, почвой, в которой под воздействием мужской спермы из менструальной крови зарождаются форма и душа зародыша. Согласно трактату Галена «О сперме», женщина тоже производит семя, и оба смешиваются в ребенке. Этой теории способствовало понимание возможного внешнего сходства ребенка как с отцом, так и с матерью [McVaugh 2018: 381–392]. Более того, поскольку средневековое общество принимало гипотезу равного участия мужчины и женщины в зачатии, то оно пришло к логичному заключению, что зачатие сопровождалось обязательным удовольствием как мужчины, так и женщины [Quick 2021: 38–63]. Таким образом, история Мерлина, выглядящего как мать, поддерживает галеновскую гипотезу двусеменного зачатия [Obermeier 2014: 53], а демонические черты новорожденного указывают на склонность автора подчеркнуть непричастность девушки и удержаться в рамках агиографической традиции. Пример такого подхода мы видим у де Борона: он не только «усыпляет» героиню, но и добавляет отшельника, а «очищенный» Мерлин возносит благодарность Богу за мудрость и пророческий дар¹⁰. Исповедь девушки, ее покаяние и понесенная ею епитимья работают как очищение и для матери за прелюбодеяние, и для ребенка, зачатого во грехе. Поскольку рожденный мальчик имеет дьявольские характеристики: проворность, пугающую наружность, недюжинный ум и умение говорить в годовалом возрасте (здесь пе-

ревернут мотив чудесного ребенка, см.: [Johnston 2001]), – ему необходимо очищение крещением, чтобы демоны не получили его в свое распоряжение. Мерлин в этой истинно средневековой версии, втиснутый в традицию, к которой он не принадлежит, в еще большей степени лишен внутренней целостности. Тем не менее благодаря де Борону и теологическим трактатам рождение Мерлина приведено в большее согласие с христианской верой: общественное мнение сходится на отце-инкубе и очищающих дитя таинствах.

Однако в не переводных английских хрониках и романах о Мерлине в XIV–XV вв. можно различить тенденцию избегать сложные теологические объяснения. Бенедиктинский монах Ранульф Хигден в «Поликрониконе», обширнейшей и популярнейшей хронике середины XIV в., переведенной на английский Джоном Тревисом в 1387 г., в конце объясняет неудачу замысла демонов тем, что Бог не позволил такого зла, как Антихрист. Томас Мэлори, не склонный к теологическим изысканиям, игнорирует начало «Мерлина» и тем избегает неудобных вопросов к одному из своих главных героев [Merlin Through Ages 1995: 62–118]. Тем не менее с усилением мизогинических настроений образ матери Мерлина всё дальше отходит от образа Девы Марии и обнаруживает параллелизм с женской ролью в том, как закончилась славная жизнь Артура и мудрость Мерлина.

В раннее Новое время интерес к теме сношения человека с дьяволом был обновлен в рамках общего демонологического одержимости. Лютер допускал соитие демонов с людьми и возможность зачатия, Джон Карамюзль в «Фундаментальной теологии» предложил специальный термин – *demoniality*, преп. Синистрари Амано изложил историю вопроса, разграничил *demoniality* и *bestiality* и снова соединил их в размышлениях о гибридных видах животных как параллели способности инкуба и женщины зачать ребенка, пояснив биологическую часть процесса на основании теории элементов [Demoniality... 1879: 209]. Преп. Амано делится своими – ничем не обоснованными – соображениями по поводу того, почему от дьявола рождаются обычные люди, о материальности и одновременной незримости демона и о том, что инкубы предпочитают принимать человеческий облик, чтобы понравится дочерям Евы и т. п., знакомя нас с популярными представлениями своего времени. Таким образом, протестантское сообщество обнаруживает зазор между теорией о дьяволе (коротко понимаемым как «обезьяна Бога», который только копирует, но сам не может творить), с одной стороны, и народными верованиями, практикой охоты на ведьм, памфлетами и пьесами, в кото-

рых воля дьявола представляется как неотвратимая (лютеровский пессимизм и протестантское отчаяние), – с другой [ibid.: 205–217]. Безусловно, понимание вопроса соития с дьяволом трансформировала и охота на ведьм. Теперь оно вызывало ассоциации с шабашами, подчеркивало еще более активную роль женщины и усиливало роль соблазна [Johnstone 2004: 176]. Эти тенденции перенесли вопрос зачатия от дьявола из религиозной в социальную сферу.

Кроме того, сами пророчества уже не воспринимались как откровение (но использовались как политический и идеологический инструмент), поэтому фигура Мерлина не пользовалась прежним авторитетом, а его рождение авторы часто пытались рационализировать и вывести из области сверхъестественного. Томас Хейвуд в «Жизнь Мерлина» (“The Life of Merlin with his Strange Prophecies or Chronographical History”, publ. 1641) из предложенных в начале двух версий зачатия: от сверхъестественного существа (без упоминания слова «дьявол») и от реального человека, чье имя мать мальчика побоялась назвать из чувства безопасности, – отдает предпочтение второй, но при этом не отрицает возможность зачатия от нечеловека [Heywood 1813: 39]. Напротив, Майкл Дрейтон в «Полиолбионе» возвращается к истокам и описывает, как дух соблазнил дочь короля Диметии, девушку необычайной красоты, за которую сватались наидостойнейшие лорды, но она отвергала их всех и влюбилась в того, кто явился к ней в человеческом облике и зачал в ее чреве пророка, чья слава не угаснет до Страшного суда [Drayton 2025].

В то же время пьеса Уильяма Роули¹¹ «Рождение Мерлина, или Ребенок нашел отца» (“The Birth of Merlin: or, the Child hath found his Father”, 1622¹²) до предела усиливает демоническую образность и доводит ее до гротеска, что тоже является скептической реакцией на пророчества Мерлина.

Развивая три сюжетные линии, «Рождение Мерлина» по охвату мифической истории Англии, мотивам и системе персонажей ориентируется на «Мерлина» Робера де Борона. Дилемму, как может дитя дьявола пользоваться авторитетом британского короля, Роули решает также побороновски: пророк находит в себе моральные силы противостоять могущественному отцу и переходит на сторону света.

Мотив зачатия от дьявола в этом традиционном артуровском дискурсе является катализатором не столько догматических споров, сколько семейных и социальных конфликтов, которые Роули ставит на первое место и предлагает нам посмотреть на привычную *мифоисторию* или *роман (romance)* с позиций жанра бытовой коме-

дии. В этой жанровой перспективе Мерлин, появляющийся из кустов с бородой и книгой, – часть комической сюжетной линии, основными действующими лицами которой являются мать Мерлина Джоана Этимделом (Go-too't) и ее брат, названный Простаком (Clown). Мать Мерлина в пьесе Роули изображена деревенской дурочкой, не знающей даже имени своего соблазнителя: «У него была богатая одежда, приличная шляпа с пером, позолоченный меч и великолепные ножны» (A Critical Old-Spelling Edition 1991: 2.1.9-16)¹³. Грустную ситуацию Роули подает в комическом ключе, играя на двойных значениях, вставляя скабрёзные шутки Простака и смеясь над наивной и доступной девушкой. В этой псевдопасторальной завязке заложена сатира на распущенные нравы английского общества, которая усиливается по мере знакомства с представителями королевского двора – оказавшись в безнадёжном положении, брат с сестрой всё же отправляются на поиски отца младенца в чреве Джоаны.

Их странствие отсылают одновременно к путешествию Иосифа и Марии в Вифлеем и архетипическому сюжету рыцарского романа, тем более что посреди леса эта парочка действительно обнаруживает принца – будущего Утера Пендрагона, чьи стенания пародируют риторику влюбленных рыцарей. Роули мастерски сталкивает ожидания читателей, наизусть знающих историю британских королей, и неожиданные сюжетные ходы. В результате короли предстают обычными людьми с ошибками и пороками, а простецы оказываются и честнее, и благочестивее, чем рыцари. Так, Утер воспекает эфемерную прекрасную даму, увиденную им мельком в том же лесу (и оказавшуюся саксонской соблазнительницей и отравительницей Артизией), но обзывает и бьет беременную Джоану, когда та просит его стать отцом ребенка. Шутки клоуна только подливают масла в огонь, показывая реальные взаимоотношения между мужчинами и женщинами: «Я думаю, он женится на ней. Он уже разговаривает с нею, как муж» (2.1.107), – комментирует он побои.

Всё более резкий контраст между риторикой рыцарского романа и реальным поведением придворного обнаруживают последующие потенциальные отцы ребенка: кто-то гонит ее прочь, кто-то обманывает, кто-то молча исчезает. Сэр Никодимус притворно сопереживает Джоане и обещает воспользоваться своим высоким положением при дворе, чтобы вынудить отца ребенка жениться на ней: «Мой рыцарский орден обязывает меня помогать деве в беде, и может ли быть большее оскорбление женщине с ребенком, чем оставить его без отца? Я стыжусь твоей простоты. Так, так, выдай мне гонорар за мои хлопоты,

и я заступлюсь за тебя лично и справедливость будет восстановлена, все сделаю по закону, но дай сначала гонорар» (3.1.86-91). За последние гроши брат с сестрой получают такой совет: «Ты встречаешь мужчину, как сейчас встретила меня, требуешь от меня брака и возлагаешь на меня ответственность за ребенка, я отказываюсь, но не беспокойся, это ничего, держись своего слова, пусть ребенок назовет его отцом, и никакой закон не сможет этому противостоять» (3.1.95-116).

На первый взгляд, хитрый джентльмен обобрал наивных провинциалов, однако совет его вовсе не так прост. Незаконные дети были неотъемлемой частью как Средних веков, так и раннего Нового времени¹⁴. Бастарды – дети, чьи родители не состояли в браке на момент зачатия и рождения – были отделены от своих законнорожденных сограждан как моральной границей, так и юридической, не получая наследства, не принимая имени отца и определенного социального статуса, проживая на грани нищеты за рамки иерархий и сословий. Их законная семья состояла из матери, которая была обязана заботиться о ребенке, или в лучшем случае семьи матери, как в «Рождении Мерлина». Иногда материальную ответственность несли отцы и деды, особенно в знатных кругах, но, даже зная имя отца, бастарды не претендовали на его имущество. И несомненно, женщины чаще, чем мужчины, наказывались за добрачный или внебрачный секс [Adair 1996: 70–71]. При этом имя отца часто становилось достоянием широкой общественности, поскольку мать на суде была обязана назвать имя любовника [Heijden 2021: 5]. Если она отказывалась, то могла понести тяжелое наказание, что показывают версии Робера де Борона и Лайамона. Эту парадоксальную ситуацию засвидетельствовала пьеса Роули: Джоана и ее брат во что бы то ни стало стремятся найти отца ребенку, но нарушают конвенциональные требования к поведению женщины, зачавшей вне брака, не только допытываясь у каждого встречного мужчины, как его имя и не знает ли он Джоану, но и предлагая ему взять ответственность за беременную.

Однако с развитием европейского права незаконнорожденность стала осознаваться как проблема по ряду причин: 1) из-за бесчестия [Williams 2018: 5]; 2) из-за тяжелой физической, эмоциональной и финансовой нагрузки на одинокую мать, плохо совместимой с нормальным функционированием в обществе; 3) из-за усложнения вопросов наследования; 4) из-за расхождения между экономическими и моральными интересами общества [Adair 1996: 8]. Постепенно в Европе была юридически запрещена практика клятвы верности в интимной обстановке, которая в Средние века считалась браком перед Богом, но была чревата

нарушением слова и незаконнорожденными детьми. Именно так преподносит Джоана свои договоренности с соблазнителем: «Не знаю, в лесу он обходился без имени, и только лес был свидетелем его клятв и обещаний» (2.1.24-5). Но в XVII в., как и сегодня, клятва верности выдает наивность, граничащую с глупостью.

Еще одним юридическим инструментом регулирования положения бастардов было уполномочивание акушеров выводить у женщин имена любовников во время родов, чтобы потом спросить с них материально. Женщины же, по сути, могли показать на любого, и соблюдение законов, заставляющих отца платить за содержание бастарда, не стало повсеместным [Heijden 2021: 6]. Историки и социологи обсуждают, насколько подобные практики были распространены и насколько часто через активное моделирование ситуации (agency) уязвимые слои населения получали власть над другим [ibid.: 4, 22]. Исследователи указывают на противостояние инициативы и системы, так как инициатива такого рода могла дать шанс бедным стать богаче, подняться на более высокую социальную ступень (ibid., 5), но угрожала сложившимся институтам брака, семьи и наследования имущества, а также косвенно потворствовала внебрачному сексу. Следовательно, незамужние матери не всегда были пассивными жертвами, а могли манипулировать другими.

Таким образом, станет внебрачный ребенок «спуском» или «подъемом» по социальной лестнице – зависело часто от самой матери, и совет сэра Никодимуса, вполне возможно, стоил своих денег. Поиски иголки в стогу сена, каковыми сегодняшним читателям пьесы кажутся поначалу попытки сестры и брата отыскать мужчину с мечом при королевском дворе, оказываются не такими бессмысленными, а Джоана в свете теории инициативы превращается из наивной дурочки в предприимчивую женщину, которая готова на испытания ради будущего своего ребенка, ведь она действительно находит его отца и снова демонстрирует амбивалентность глупости.

После долгого пути, ошибок и гонений перед нею предстает виновник ее бед, «Дьявол в человеческом обличье, богато одетый, с ужасными ногами и головой» (3.2.142). Но Джоана реагирует на него как дама из рыцарского романа, в ее речи нет ничего комичного или нелепого (3.2.144), и их диалог проходит в возвышенной манере:

ДЖОАНА Здесь я, смотри!

Мой друг, смотри, жалея!

Со мною голос неба и добра.

ДЬЯВОЛ Она зовет меня и отгоняет.

Ты, смертная, не станешь равной мне

И говорить при мне не смей о небе.

Но будет утешенье тебе бедной:

Пока живет Британии народ,

О нашем сыне память не умрет (3.2.147-156).

Обмен нежностями снижен комическими репликами Простака и характерной для «демонических» пьес раннего Нового времени моралью: при дворе каждый может оказаться дьяволом и отличить дьявола от джентльмена в Англии невозможно. Так как дьявол соблазняет девушку в лесу, что совпадает с сюжетом пасторел, ему, по сути, не нужны иные чары, кроме как перевоплощение в мужское обличье. Но разве мужчине нужно быть дьяволом, чтобы соблазнить девушку? Социальная критика сдвигает фокус со сверхъестественного и магического на реализм повседневности.

Роули высмеивает не только некуртуазное отношение к женщине, но и саму женщину, далекую от идеала прекрасной дамы, а также всю ренессансную концепцию любви:

ПРИНЦ УТЕР (из чаши) Илло, хо-хо, илло, хо-хо!

ПРОСТАК Слушай, сестра, кто-то нас зовет! Что за подлость такая, нельзя сказать слово «шлюха», как тут же появляется и клиент. Посмотри, где этот негодяй, да вот же, вот, совсем рядом.

(Входит принц Утер)

ПРИНЦ Как будто голос Эхо я услышал,

Потеряв в мыслях и ищу людей

Поведать о небесной красоте.

Листва склоняется к моим губам

Я ими только ей хвалу воздам.

ПРОСТАК Он говорит о женщине, сестра.

ДЖОАНА Может, это и он, братец.

КЛОУН Посмотри на него внимательно, у него хороший меч, но его подвески упали (2.1.35-49).

Смеяться над артуровской легендой в 1622 г. значит смеяться над ренессансным идеалом, над попыткой возрождения золотого века, когда *человек-подобный-Богу-в-своем-совершенстве* правил Британией под руководством мудреца и был достоин святого Грааля. Не удивительно, что артуровский миф как воплощение мечты о гармонии, справедливости и высшей истине превращается в гротеск средствами ренессансной поэзии. Более того, в «исторической» сюжетной линии ренессансная концепция любви и вовсе демонизируется. Роули во всех подробностях разворачивает историю соблазнения короля бриттов Аврелия сестрой саксонского генерала. Артизия является к бриттам парламентом и добивается не только выгодных условий мира поверженному саксонскому войску, но и

брака, который становится началом падения короля: «Коль я тебя оставлю, пусть корона, религия моя, страна и трон / Падут. Вот мое слово тебе, моя любовь» (1.2.211-12).

Околдовав Аврелия (2.2.42-43), Артизия ведет его самого и его королевство к смерти и краху. При этом Аврелий не показан жертвой ведовских чар, ведь «в протестантизме искушение выражало неустанный и интимный характер нападок сатаны на отдельного христианина» [Johnstone 2004: 177], и долгом каждого христианина было противостоять ему. Аврелий не справляется с соблазном, отвергает предостережения мудрых советников и Отшельника и принимает ряд неверных решений, потому что он не предназначен к спасению и к судьбе великого короля. В свою очередь, Утер выдерживает испытание – «Я вырву ее из сердца навеки» (2.2.320) – и обретает корону и славу. Любовь же, использовав весь арсенал поэтических клише, в этой сюжетной линии становится синонимом искушения, падения и колдовства, а прекрасная Артизия, оказавшая не только внешностью, но и ораторским искусством такое сильное впечатление на двух монарших особ, предстает по мере разворачивания сюжета прекрасной дамой, чужестранкой, ведьмой, искусительницей, отравительницей, шлюхой, заговорщицей и государственной изменщицей.

Политическая сюжетная линия не только выполняет функцию зеркала и экзамплы, но и становится толкованием к сюжетной линии Мерлина и его матери за счет параллелизма риторических отношений в парах Аврелий – Артизия и Джоана – Дьявол. Мужчины сначала стигматизируют незамужнюю беременную женщину, затем обзывают ее “witch,” “scullion,” “hag,” “strumpet,” “villain,” “pretty wanton” (2.1.106, 109, 154, 43) и т. д., смешивая обценную лексику сексуального и ведьмовского дискурсов. Введение ведьмовского дискурса в сюжет о Мерлине было осуществлено до Роули: в поэме Майкла Дрейтона о сэре Пирсе Гавестоне (*Peirs Gaueston Earle of Cornvull His life, death, and fortune*, 1594?) мать Мерлина – ведьма: “They all affirm my mother was a witch, / A filthy hag, and burnt for sorcery” (Drayton 1931: 206–207).

Третья матримониальная альтернатива представлена в третьей сюжетной линии: двум знатным девушкам, Модесте и Констанции, отец предлагает прекрасные партии, но сестры не находят в браке ничего привлекательного и решают уйти в монастырь:

КОНСТАНЦИЯ Что скажешь ты, сестра, на благо
Быть матерью, растить дитя?
Ведь горько было б это потерять?

МОДЕСТА Как можно наслаждаться без печали

Тем, что не может радость обещать?

Смотреть, как плод твоих забот подвержен
Несчастьям! Небеса молить,

Чтобы прервались горестные дни.

Мы сыновей лишь для того рожаем,

Чтобы умирали на земле врагов (3.2.101-110).

Жанровым образцом для этой линии служат жития раннехристианских мучениц и руководства для девственников. Риторика приверженцев безбрачия в «Рождении Мерлина» более категорична, чем открытый финал «Меры за меру», а контраст между спокойной решимостью благородных благочестивых девушек и метаний бедной Джоаны не оставляет иллюзий по поводу мнения Роули о патриархальных установках английского общества: «Брак – это безнадежная игра / Никто не победит, все проиграют» (1.1.95-96).

Однако вариативность судьбы женщины, как и мужчины, в протестантской Англии зависела от ее собственного решения: «Разница между теми, кто спасется, и теми, кто будет отвержен Богом, заключалась только в их реакции на общий опыт искушения» [Johnstone 2004: 178]. Артизия выбирает искушать и умереть, Модеста – отринуть земные тщету и тлен и уйти в монастырь. Путь Джоаны – срединный, круто меняющий свое направление после рождения Мерлина – кульминации сюжетной линии простаков и центральной сцены (3.3) всей пьесы.

Космические масштабы этого действия – смешение света и тьмы, грома и молнии, неба и земли, явление царицы ночи, повелевающей трем богинями судьбы, чтобы «превратить дьявольское семя в человеческое существо» (3.3.1-34), – значительно превышают масштаб персонажей-простецов. Демоническая сцена парадоксальным образом превращается в праздник рождения мудреца и пророка Британии, а Джоана из гонимой наивной дурочки – в мать пророка, которую Мерлин тут же берет под свою опеку, выказывая ей любовь и уважение. Однако это не Фортуна, а награда за путь, пройденный главной героиней пьесы через дантов лес гордыни и распутства к смирению и благочестию:

Ты, черный ужас, зажигаешь похоть

Во мне опять? Но твой бравурный гром,

И музыка фальшивая из ада

Меня не околдуют. Все прошло (5.1.1-5).

В конце пьесы она отвергает своего демонического возлюбленного, принимает защиту сына и отправляется по его совету и содействию в уединенное место, «чтобы усмирить плоть, которую так унижала в прошлом, и проводить время

в мыслях о душе» (5.2.93-95). Как видим, Уильям Роули типично для ранней новой драмы задеиствует в процессе развития образа архетипы шлюхи, ведьмы и святой и постепенно сводит историю матери Мерлина к сюжету Марии Магдалены. Преодоление соблазна благочестием позволяет Джоане, как и самому Мерлину, отрицать отца-дьявола, пройти единственно верным в раннее Новое время индивидуальным путем спасения. По этой причине Роули может не вдаваться в традиционные для этого сюжета путанные и противоречивые объяснения: «Значения не имеет мой отец / И смысла нет допытываться дальше» (4.1.166-169).

Таким образом, Мерлин не является ни полностью праведным, ни полностью демоническим, а его мать – ни полностью святой, ни полностью демонизированной. Развитие образа матери Мерлина идет по дуге от естественной благочестивости благородной девственницы к демонизации всякой женщины как Евы и снова к благочестию преодоления соблазна в рамках протестантской морали. Балансируя между мифоисторией, агиографией, рыцарским романом, проповедью и комедией, пьеса Роули дает также понимание трансформаций женского идеала от раннего Средневековья к позднему и раннему Новому времени. Образ матери Мерлина преемственен по отношению к предыдущим версиям сюжета о рождении Мерлина, что приводит к наложению социальных и культурных ролей и синтетичности образа. Мотивный анализ произведений о Мерлине позволяет проследить прямую зависимость степени демонизации Мерлина от благочестия матери. В «Рождении Мерлина» оба мотива доводятся до гротеска за счет соединения с мотивом глупости, образом простеца и комическими чертами. Параллелизм мотивов стирает четкую границу между образами Модесты, Артизии и Джоаны.

Примечания

¹Терминология «О Божестве Сократа» указывает на проблему терминологического различия и движение к бинарному мышлению. Сначала непорочное зачатие связывается с единственным случаем Девы Марии и Иисуса, откуда возникает необходимость стигматизировать схожие истории как происки дьявола, а потом демон-отец дискредитирует пророчества Мерлина, потому что только Бог может обладать знанием грядущего.

²В неоплатонической традиции, о которой речь ниже, в этот период времени еще отсутствовала полярность между терминами «ангелы» и «демоны», поэтому соотнесение с ангелом не

должно вводить современного читателя в заблуждение. См. также: [Махов 2013: 123–125].

³Здесь и далее Ненний цит. по изданию: Ненний. История бриттов / Гальфрид Монмутский. История бриттов. М.: Альма Матер: Гаудеамус, 2023. С. 243–281. Гальфрид Монмутский цит. по изданию: Гальфрид Монмутский. История бриттов. М.: Альма Матер: Гаудеамус, 2023.

⁴Исследователи фиксируют в трактате Пселла первое использование мотив скраинга (ясновидения) в ближневосточной литературе [Nelson 2020: 362].

⁵В том, что одни демоны могут зачать человека, а другие нет, сказывается неоплатонические попытки демонологических классификаций.

⁶О Мерлине как антихристе см.: [Cartlidge 2012: 219–35]. О жизни Мерлина как христологическом сюжете см.: [Micha 2003: 296–307]. В целом обе интерпретации сводятся к одному подходу, поддерживающему теорию А. Н. Веселовского [Веселовский 2001].

⁷См.: [Зелезинская 2012]. Здесь же заметим, что про-кельтскому взгляду Гальфрида Монмутского не нужно оправдывать секс: женщина свободно рассказывает свою историю королю и не лишается его уважения. Фиона Толхерст связывает протофеминизм Гальфрида с его поддержкой королевы Матильды [Tolhurst 2020].

⁸Об амбивалентности Мерлина написано достаточно много. Так, в 1975 г. А. С. Кимбал указывал на двойственное положение Мерлина между Богом и дьяволом [Kimball 1975: 29]. В. Т. Грин в 1987 г. проанализировала расхождение между тем, что Мерлин говорит и что он делает, чтобы показать его амбивалентность [Greene 1987]. М. Гриффин обосновывает неустойчивость всего образа неоднозначностью смерти [Griffin 2011].

⁹О различиях образа Мерлина у Васа и Лаймона см.: [Rider 1989].

¹⁰А. Миха отмечает, что Мерлин знает прошлое благодаря дьяволу, но будущее – только от Бога, поскольку дьявол может узнать будущее только по соизволению Бога [Micha 2003: 296–297].

¹¹Поскольку квари пьесы помещает на титульный лист имени Роули и Шекспира, пьеса считается шекспировским апокрифом, но исследователи не видят оснований рассматривать версию авторства Шекспира (The Birth of Merlin, facsimile 1988).

¹²См.: [Udall 1991: 11–22].

¹³Здесь и далее источник дается в круглых скобках с указанием акта, сцены и строки.

¹⁴По статистике, в одном приходе могло быть до 20 бастардов [Adair 1996: 49].

Список источников

Апулей. Апология, или О магии; Метаморфозы, или Золотой осел; О божестве Сократа // Апулей. Диалоги; Недиалогические жанры. Лукиан. М.: АСТ, 2005. 1016 с.

The Birth of Merlin, facsimile / ed. by J. S. Farmer. Toronto, 1988. 381 p.

The Birth of Merlin // A Critical Old-Spelling Edition of The Birth of Merlin (Q 1662) / ed. by Joanna Udall. London: The Modern Humanities Research Association, W.S. Maney & Son. P. 121–181.

Drayton M. Peirs Gaveston Earle of Cornwall. His Life, Death, and Fortune // The Works of Michael Drayton. Vol. 5. Oxford: Blackwell, 1931. P. 1–45.

Drayton M. Poly-Olbion by Michael Drayton Esqr. In the digital collection Early English Books Online. University of Michigan Library Digital Collections. URL: <https://name.umdl.umich.edu/A20847.0001.001> (дата обращения: 29.12.2025). December 29, 2025).

Geoffrey of Monmouth. Complete Works. Hastings: Delphi Classics, 2024. 1455 p.

Heywood Th. The life of Merlin, surnamed Ambrosius; his prophecies and predictions interpreted, and their truth made good by our English annals. London: Harding and Wright printers, 1813. 324 p.

Layamons Brut; or, Chronicle of Britain; a poetical semi Saxon paraphrase of the Brut of Wace. Now first published from the Cottonian MSS in the British Museum, accompanied by a literal translation, notes, and a grammatical glossary by Layamon, fl. 1200; Society of Antiquaries of London; Wace, ca. 1100-ca. 1175; Madden, Frederic, 1801–1873. London Society of Antiquaries of London, 1847. 643 p.

Nennius. The History of the Britons. Kessibger Legacy reprints, 2010. 56 p.

Roman en prose du XIIIe siècle publie la mise en prose du poeme de Merlin de Robert De Boron D'Apres le Manuscrit appartenant a M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacos Ulrich. Paris: Tome Premier, 1886. 394 p.

Список литературы

Веселовский А. Мерлин и Соломон. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. М.: Эксмо-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. 860 с.

Зелезинская Н. С. Шекспировская Лукреция в контексте европейской традиции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3 (19). С. 117–127.

Махов А. Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.: Intrada, 2013. 416 с.

Adair R. Courtship, illegitimacy and marriage in early modern England. Manchester: Manchester University Press, 1996. 273 p.

Cartlidge N. Heroes and Anti-Heroes in Medieval Romance. Martlesham: Boydell & Brewer, 2012. 285 p.

Demoniality, or Incubi and Succubi by the rev. Father Sinistrari of Ameno (17th century). Now first translated into English, with the Latin text. Paris: Isidore Liseux, 2 Rue Bonaparte, 1879. 254 p.

Greene W. T. Malory's Merlin: An Ambiguous Magician? // Arthurian Interpretations. 1987. Vol. 1, no. 2. P. 56–63.

Griffin M. The Space of Transformation: Merlin Between Two Deaths // Medium Ævum. 2011. Vol. 80, no. 1. P. 85–103.

van der Heijden M., Schmidt A., Vermeesch G. Illegitimate parenthood in early modern Europe // The History of the Family. 2021. Vol. 26, no. 1. P. 1–10.

Johnston S. I. Charming Children: The Use of the Child in Ancient Divination // Arethusa. 2001. Vol. 34, no. 1. P. 97–117.

Johnstone N. The Protestant Devil: The Experience of Temptation in Early Modern England // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43(2). P. 173–205.

Kimball A. S. Merlin's Miscreation and the Repetition Compulsion in Malory's Morte Darthur // Literature and Psychology. 1975. Vol. 25. P. 27–33.

Merlin Through Ages. Anthology and Source Book / ed. by R. J. Stewart and J. Matthews. Foreword by D. Sprangler. London: Blandford, 1995. 256 p.

Micha A. Merlin: A Casebook / ed. by P. H. Goodrich and Raymond H. Thompson. NY: Routledge, 2003. P. 296–307.

McVaugh M. Galen in the Medieval Universities, 1200–1400 // Brill's Companion to the Reception of Galen Leiden. Boston: Brill, 2018. P. 381–392.

Nelson M. Narcissus: Myth and Magic // The Classical Journal. 2000. Vol. 95, no. 4. P. 363–389.

Obermeier A. Merlin's Conception by Devil in William Rowley's Play "The Birth of Merlin" // Arthuriana. 2014. Vol. 24, no. 4. P. 48–79.

Rider J. The Fictional Margin: The Merlin of the Brut // Modern Philology. 1989. Vol. 87. No. 1, August. P. 1–12.

Tolhurst F. Geoffrey and Gender: The Works of Geoffrey of Monmouth as Medieval "Feminism" // A Companion to Geoffrey of Monmouth / ed. by Georgia Henley and Joshua Byron Smith. Leiden: Brill, 2020. P. 241–368.

Quick L. Bitenosh's Orgasm, Galen's Two Seeds and Conception Theory in the Hebrew Bible // Dead Sea Discoveries. 2021. Vol. 28.1. P. 38–63. doi 10.1163/15685179-bja10005

Williams S. Unmarried motherhood in the metropolis, 1700–1850. Pregnancy, the poor law and provision. Palgrave Macmillan, 2018. 270 p.

Udall J. Date, Staging and Stage History. A Critical Old-Spelling Edition of The Birth of Merlin (Q 1662). London: Modern Humanities Research Association, 1991. P. 11–22.

References

Veselovskiy A. *Merlin and Solomon. Slavic Tales About Solomon and Kitovras and Western Legends About Morolf and Merlin*. Moscow, Eksmo-Press, St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2001. 860 p. (In Russ.)

Zelezinskaya N. S. Shakespearean Lucrece in the context of European tradition. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2012, issue 3 (19), pp. 117–127. (In Russ.)

Makhov A. E. *HOSTIS ANTIQUUS: Categories and Images of the Medieval Christian Demonology*. An attempt of a dictionary. Moscow, Intrada Publ., 2013. 416 p. (In Russ.)

Adair R. *Courtship, Illegitimacy and Marriage in Early Modern England*. Manchester University Press, 1996. 273 p. (In Eng.)

Cartlidge N. *Heroes and Anti-Heroes in Medieval Romance*. Martlesham, Boydell & Brewer, 2012. 285 p. (In Eng.)

Demoniality, or Incubi and Succubi by the rev. Father Sinistrari of Ameno (17th century). Now first translated into English, with the Latin text. Paris, Isidore Liseux, 2 Rue Bonaparte, 1879. 254 p. (In Eng.)

Greene W. T. Malory's Merlin: An ambiguous magician? *Arthurian Interpretations*, 1987, vol. 1, issue 2, pp. 56–63. (In Eng.)

Griffin M. The space of transformation: Merlin between two deaths. *Medium Ævum*, 2011, vol. 80, issue 1, pp. 85–103. (In Eng.)

van der Heijden M., Schmidt A., Vermeesch G. Illegitimate parenthood in early modern Europe. *The History of the Family*, 2021, vol. 26, issue 1, pp. 1–10. doi 10.1080/1081602x.2020.1853586 (In Eng.)

Johnston S. I. Charming children: The use of the child in ancient divination. *Arethusa*, 2001, vol. 34, issue 1, pp. 97–117. (In Eng.)

Johnstone N. The Protestant Devil: The experience of temptation in early modern England. *Journal of British Studies*, 2004, vol. 43, issue 2, pp. 173–205. (In Eng.)

Kimball A. S. Merlin's miscreation and the repetition compulsion in Malory's *Morte Darthur*. *Literature and Psychology*, 1975, vol. 25, pp. 27–33. (In Eng.)

Merlin Through Ages. Anthology and Source Book. Ed. by R. J. Stewart and J. Matthews. Foreword by D. Sprangler. London, Blandford, 1995. 256 p. (In Eng.)

Micha A. *Merlin: A Casebook*. Ed. by Peter H. Goodrich and Raymond H. Thompson. NY Routledge, 2003, pp. 296–307. (In Eng.)

McVaugh M. Galen in the Medieval Universities, 1200–1400. In *Brill's Companion to the Reception of Galen Leiden*, Boston, Brill, 2018, pp. 381–392. (In Eng.)

Nelson M. Narcissus: Myth and magic. *The Classical Journal*, 2000, vol. 95, issue 4, pp. 363–389. (In Eng.)

Obermeier A. Merlin's conception by Devil in William Rowley's Play 'The Birth of Merlin'. *Arthuriana*, 2014, vol. 24, issue 4, pp. 48–79. (In Eng.)

Rider J. The fictional margin: The Merlin of the Brut. *Modern Philology*, 1989, vol. 87, issue 1, August, pp. 1–12. (In Eng.)

Tolhurst F. Geoffrey and gender: The works of Geoffrey of Monmouth as medieval 'feminism'. In *A Companion to Geoffrey of Monmouth*. Ed. by Georgia Henley and Joshua Byron Smith. Leiden, Brill, 2020, pp. 241–368. (In Eng.)

Quick L. Bitenosh's orgasm, Galen's two seeds and conception theory in the Hebrew Bible. *Dead Sea Discoveries*, 2001, vol. 28.1, pp. 38–63. doi 10.1163/15685179-bja10005 (In Eng.)

Williams S. *Unmarried Motherhood in the Metropolis, 1700–1850. Pregnancy, the Poor Law and Provision*. Palgrave Macmillan, 2018. 270 p. (In Eng.)

Udall J. *Date, Staging and Stage History. A Critical Old-Spelling Edition of the Birth of Merlin (Q 1662)*. London, Modern Humanities Research Association, 1991, pp. 11–22. (In Eng.)

Информация об авторе

Зелезинская Наталья Станиславовна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
220053, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4
zelezinskaya@bsu.by

SPIN-код: 2554-5988

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

*Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена
после рецензирования 06.03.2026; принята к публика-
ции 13.03.2026*

Information about the author

Natalia S. Zelezinskaya

Associate Professor, Doctorate Student
at the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
4, prospekt Nezavisimosti, Minsk, 220053, Belarus
zelezinskaya@bsu.by

SPIN-код: 2554-5988

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

*Submitted 25 Jan 2026; revised 06 Mar 2026; accepted
13 Mar 2026*

УДК 821.111-311

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-117-126

EDN ZZASXG

<https://elibrary.ru/zzasxg>

Грани образа графа Эссекса в биографии Дж. Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс»

Касьянова Мария Леонидовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

kasuanovamfriya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа Роберта Девере, графа Эссекса, в биографическом произведении Джайлса Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс». Исследован образ графа как исторической личности в контексте жанра «новой биографии». Сделан вывод о том, что Литтон Стрейчи осознанно отодвигает сухие исторические факты на второй план с целью придания повествованию «мистического» подтекста: автор выстраивает художественный образ своего героя, исходя из предположения о предопределенности его судьбы. Образ Эссекса соединяет в себе несколько граней: Эссекс как воплощение Средневековья (Эссекс-Старая Англия) и связанный с ним образ Эссекса – сказочного рыцаря; Эссекс как воплощение елизаветинства (Возрождения), с которым связан образ Эссекса как сочетания «мужского» и «женского»; Эссекс как мифологический герой (Эссекс-Актеон, действующий в паре с Елизаветой-Артемидой); Эссекс как «Сын Божий» и, наконец, Эссекс-юноша и Эссекс – живой человек – главная тема новой биографии как жанра. Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к биографическому жанру, его истории, характерным чертам и отдельным произведениям, а также интересом к личности Литтона Стрейчи и его творчеству. Цель работы – анализ особенностей авторского видения в образе Роберта Девере. Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении проявлений жанра новой биографии в создании образа Роберта Девере. Материалом для анализа послужила биография Джайлса Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс» (“Elizabeth and Essex: A Tragic History”, 1928). В рамках исследования применены биографический метод, элементы мифопоэтического анализа, метод герменевтического анализа, текстологический и культурно-контекстуальный методы.

Ключевые слова: новая биография, Джайлс Литтон Стрейчи, граф Эссекс, образ, елизаветинство, Возрождение, Средневековье.

Для цитирования

Касьянова М. Л. Грани образа графа Эссекса в биографии Дж. Литтона Стрейчи «Королева Елизавета и граф Эссекс» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 117–126. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-117-126. EDN ZZASXG

The Multifaceted Image of Essex in the Biography by G. Lytton Strachey “Elizabeth and Essex: A Tragic History”

Mariya L. Kasyanova

Perm State University

kasuanovamfriya@gmail.com

Abstract. The article examines the portrayal of Robert Devereux, Earl of Essex, in Giles Lytton Strachey’s biographical work *Elizabeth and Essex: A Tragic History*. The article analyzes the image of the

earl as a historical figure within the context of the "new biography" genre. Strachey deliberately puts historical facts into the background in order to imbue the narrative with a "mystical" subtext: the writer constructs the artistic image of his hero based on the assumption that his fate was predetermined. The image of Essex combines several facets, which can be roughly defined as follows: Essex as the embodiment of the Middle Ages (Essex as Old England), which is associated with the image of Essex as a fairy-tale knight; Essex as the embodiment of Elizabethanism (Renaissance), which is associated with the image of Essex as a mixture of the "masculine" and "feminine"; Essex as a mythological hero (Essex-Actaeon, acting in tandem with Elizabeth-Artemis); Essex as the "Son of God," and finally, Essex as a young man and Essex as a living person, which is the main theme of the new biography as a genre. The relevance of this research is determined by the interest of modern literary studies in the genre of biography, its history, its features and individual works as well as by the interest in the persona of Lytton Strachey and his works. The study aims to identify and analyze the author's unique vision of Robert Devereux. Scientific novelty of the research lies in its comprehensive examination of manifestations of the new biography genre in the creation of Robert Devereux's character. The research material is Giles Lytton Strachey's biography *Elizabeth and Essex: A Tragic History*, 1928. The study employed the biographical method, the mythopoetic method, the cultural-contextual method, the methods of textual and hermeneutic analysis.

Keywords: new biography, Giles Lytton Strachey, Essex, image, Elizabethanism, Renaissance, Middle Ages.

For citation

Kasyanova M. L. The Multifaceted Image of Essex in the Biography by G. Lytton Strachey "Elizabeth and Essex: A Tragic History". *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 117–126. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-117-126. EDN ZZASXG (In Russ.)

Введение

Жанр биографии всегда вызывал интерес как у простых читателей, так и у исследователей. О сущности биографии размышляли С. Ли Lee 1911], А. Моруа [Maurois 1929], В. Вулф [Woolf 1939: 506–510], Д. Клиффорд [Clifford 1962], П. М. Кендалл [Kendall 1965], Д. Труби [Truby 2022]; истории жанра биографии посвящены труды Х. Рендерса [Renders 2014], М. Б. Паренко [Паренко 2019: 11–24]; «новая биография» исследуется в работах Д. А. Джонстона [Johnston 1929], Р. Хоберман [Hoberman 1987], М. Ти-рриард [Thirriard 2021], Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2013: 130–135], М. В. Ходинской [Ходинская 2023: 75–79] и мн. др. Существует достаточно большое количество работ, посвященных жизни и творчеству Джайлса Литтона Стрейчи как одного из создателей жанра «новой биографии», например, труды М. Холройда [Holroyd 1955, 1971, 1995], статьи М. А. Сафоновой [Сафонова 2013: 113–117; Сафонова 2014: 132–138], Б. М. Проскурнина [Проскурнин 2020: 77–87], Л. Т. Селитриной и С. Ю. Дашкова [Селитрина, Дашков 2026: 148–157]. Невозможно перечислить имена всех исследователей, работавших в области биографического жанра или обращавшихся к трудам отдельных его представителей, но очевидно одно: интерес к творчеству писателей-биографов, Джайлсу Литтону Стрейчи в том числе, сохраняется на протяжении многих лет и не теряет своей актуальности. Интерес к произведениям Литтона Стрейчи подчеркивает и недавнее издание его труда «Именитые Викторианцы» [Стрейчи 2024].

Польская исследовательница Анита Чавек связывает такую увлеченность биографическими произведениями с глубоким интересом к истории жизни «Другого» ("Inny") [Calek 2013: 11]. «Другой» – не случайный человек, а известная личность, снискавшая славу в какой-либо сфере – в политике, искусстве, науке или религии. Биография, как и любая литература, – место встречи рассказчика и читателя, они оба размышляют о судьбе чужого им человека, иногда отстраненно, иногда с жаром и вовлеченностью, но всегда преследуют одну цель – проникнуть в суть жизни. Похожую мысль высказывает американский биограф Айра Нейдел, говоря о том, что читателю куда естественнее питать интерес к природе человеческой личности, нежели к событиям [Nadel 1987: 131]. Этот интерес берет свое начало из самой сути человека. Аристотель в своем труде «Метафизика» заявлял: «Все люди от природы стремятся к знанию» [Аристотель 2006: 28], в широком смысле – к знанию о мире в целом, в узком – к знанию о частных сторонах нашего существования, и интерес к личной, интимной стороне жизни человека, выхваченного из круговорота времени и помещенного на страницы книги, есть не что иное, как проявление нашей природы.

Особенно явно интерес к прошлому и его лицам проявляется в кризисные времена, когда общество сталкивается с серьезными социальными, политическими и экономическими изменениями, когда привычная жизнь распадается на части, а впереди поджидает гнетущая неизвестность. В

такие периоды человеческий разум устремляется в прошлое в поисках опоры, в попытках справиться с кризисом собственной идентичности [Леопольд 2013] и с целью создать связь между поколениями. Помимо этого, новый травматичный опыт переживаемого кризиса заставляет нас переосмыслить и заново оценить прошлое. «Происходящие в современном обществе перемены порождают новые вопросы к минувшему» [Репина 2014: 207] – причем в первую очередь переосмысливается «душа» исторической личности, ибо в ней сокрыты мотивы поступков, когда-то превративших рядового индивида ушедших веков в незабвенную фигуру эпохи. Через переосмысление души наших «предшественников» мы переосмысливаем самих себя, следовательно, биография становится средством «самооткрытия» (“self-discovery”) [Nadel 1984: 131]. И конечно, в Великобритании, стране, где «культ предков – гарантия сохранения культурных ценностей» [Ибрагимова 2013: 131], жанр биографии, подстегнутый общественными катаклизмами рубежа XIX–XX вв., не просто получил «второе дыхание», а перевоплотился в совершенно ином виде – в виде «новой биографии».

Модификация биографического жанра в XX в. была неизбежна. Традиционную, «викторианскую» биографию поглотила идея воспитания нового поколения в соответствии с идеалами христианской морали. Видение исторической личности в роли объекта для подражания, чьими главными качествами были «самосовершенствование, терпеливая целеустремленность, усердный труд и непоколебимая честность» (“self-help, patient purpose, resolute working, and steadfast integrity”) [Smiles 1876: 6], никак не могло вписаться в картину мира жителей века мировых войн, психоанализа, теории эволюции и идей создания нового человека. Обыватель желал не просто прикоснуться к ушедшему, а найти в нем ответы на вопросы о человеческой сути, для чего идеологически выверенный образ героя викторианской биографии никак не подходил и даже более того – вызывал жгучую неприязнь. Интеллектуальное поколение, к которому принадлежал Джайлс Литтон Стрейчи, пройдя через ужасы войны, переживало разочарование, отчаяние (disillusionment and despair) и отвращение (revulsion) к культурному наследию своей страны [Partin 1956: 305]. Викторианская биография казалась Литтону Стрейчи «похоронным» жанром, заключающим в себе плохо переваренную массу материала, описанную скучно, чопорно и утомительно [Strachey 1918: viii], поэтому целью автора стала борьба с викторианским идеалом.

Основная часть

Произведение «Королева Елизавета и граф Эссекс» (“Elizabeth and Essex: A Tragic History”, 1928) – не просто биография, а своеобразный эксперимент. В нем исторический факт предстает в качестве предмета размышления и интерпретации, при этом интерпретации почти что мистической. Автор сосредоточивается на судьбе своего героя, на его предназначении, в результате чего художественный образ – личность – не просто формируется под воздействием тех или иных жизненных обстоятельств, а становится живым воплощением своего рода и, одновременно, его «заложником».

Образ графа Эссекса является ярким примером «предопределенности»: в истории его жизни, описанной в произведении, то тут, то там видятся намеки на трагичность человеческой судьбы и невозможность противиться «родовой настройке». Так, уже на первых страницах биографии Литтон Стрейчи размышляет о причинах столь ранней и ужасной кончины своего героя: «В истории Эссекса, такой запутанной, полной таких безумных перипетий и кончившейся так страшно, сквозь трагические контуры личной обреченности просвечивает агония упраздненного уклада» [Стрейчи 1992: 16]. Автор связывает его образ с образом «старой» Англии, которая не желает уйти на покой, но в то же время не может существовать при новом укладе и потому гибнет, вступив в неравную борьбу за свои идеалы. Таким образом, смерть Эссекса – это смерть не человека, а целой эпохи, метафорическая смена поколений.

В основе образа графа лежит глубокая родовая связь со Средневековьем. Роберт Девере – сын «вдохновенного крестоносца» – потомок «всех царственных родов средневековой Англии» [Стрейчи 1992: 16], человек, в роду которого «толпились» (“crowded into his pedigree”) [Strachey 1928: 2] представители знатнейших английских семей – Хантингдоны, Бохуны, Буршьеры, Феррерзы, Риверы, Пантагенеты – через перечисление известных фамилий Литтон Стрейчи не только приводит доказательство «знатности» происхождения Роберта Девере, но и подчеркивает важную деталь: граф неразрывно связан с *прошлым*, он – не просто наследник своих предков, а живое воплощение «старого духа феодализма» (“spirit of the ancient feudalism”) [ibid.]. Однако «старый дух» заключен в юном теле и подвластен юному сознанию; результат закономерен – средневековое наследие приобретает идеализированный вид, а сам Эссекс становится рыцарем, но не реальным, а романтически переработанным, слившимся с обра-

зами героев рыцарских баллад или старых сказок. «Он всем великую надежду подавал своею благородною истовостью в схватке» [Стрэйчи 1992: 18] (“he gave all men great hope of his noble forwardness in arms”) [Strachey 1928: 4], – описывает Литтон Стрейчи очередную победу Эссекса на турнире, цитируя, предположительно, английского летописца Рафаэля Холиншеда [Devereux 1853: 180], и в этой явно стихотворной цитате слышится певучесть рыцарской баллады. Повод, конечно, соответствующий: праздничный турнир – событие, которое как нельзя лучше подходит для рыцарских подвигов в представлении очарованного Средневековым юноши, но автор спешит заступиться за своего героя, сообщая: в настоящей битве граф показал себя «одним из самых отчаянных храбрецов» [Стрэйчи 1992: 18], за что действительно был посвящен в рыцари – мнимое становится явным, юный граф начинает свой путь к мечте.

Мистическая связь с чем-то сказочно-древним хорошо заметна в описании детства графа: Роберт Девере созрел «на лоне природы», в местах, где «древний деревянный замок с зубчатым верхом <...> романтически раскинулся среди охотничьих угодий, и где разгуливали на просторе медведь, барсук, олень и лань» [Стрэйчи 1992: 17] (“the red deer and the fallow deer, the badger and the wild boar”) [Strachey 1928: 3]. Здесь автор указывает сразу на несколько составляющих «души» своего героя: родовой замок – намек на преемственность поколений и связь с рыцарским прошлым – стоит в «романтическом» месте, своеобразном райском уголке с мирно сосуществующими животными, в сознании читателя сразу же возникает образ, более похожий на иллюстрацию к сказке, чем на реальную местность. Выбранные автором звериные образы тоже привлекают внимание. Медведь (в оригинале – кабан), барсук, олень и лань – все они выступают важной частью культуры Великобритании: фольклора, литературы, изобразительного искусства. В этом анималистическом ряду наиболее интересен образ оленя/лани: олень присутствует на эмблеме семьи Девере в качестве одного из щитодержателей наравне с гончей, а значит, является одним из символов рода и наиболее тесно связан с образом самого графа.

Еще одна интересная деталь: XVI в. – эпоха Возрождения в Англии, в то время наблюдался рост интереса к античным сюжетам, что нашло отражение в культурной сфере. Образ самой Елизаветы как королевы-девственницы, пожертвовавшей личным счастьем ради государства, постепенно начал соотноситься с образом Артемиды (Дианы, Цинтии) – богини-девственницы, например, в стихотворении Бена Джонсона

«Гимн Диане» (“Hymn to Diana”, 1600), в цикле стихотворений «Цинтия» (“Cynthia”, 1580-1601) Уолтера Рэли, или на картине Маркуса Гирартса Младшего «Портрет женщины в персидском костюме», ранее также известной как «Королева Е» (“Queen E”); намекал на связь образов древней богини с Елизаветой художник Николас Хиллиард, хотя в созданных им портретах королевы эта связь не так очевидна. Эта тенденция была охарактеризована писателем Томасом Деккером в пьесе «Старый Фортунат» (“Old Fortunatus”, 1600): сравнения с богинями (не только с Артемидой/Дианой) призваны выразить многогранную любовь к Елизавете и отразить разные грани ее души: “Some call her Pandora: some Gloriana, some Cynthia, some Delphœbe, some Astræa: all by several names to express several loves: yet all those names make but one celestial body, as all those loves meet to create but one soul” [Dekker 1904: 3]. Возникает интересная параллель: образ графа Эссекса оказывается связан с образом оленя/лани, а образ королевы – с образом богини-девственницы. В этом контексте нельзя не вспомнить один из наиболее известных мифологических сюжетов, посвященных Артемиде, – миф об охотнике Актеоне, обращенном богиней в оленя. Любопытно, что Литтон Стрейчи сразу после упоминания животных пишет следующее: «Юнец (речь идет о Роберте Девере) любил охоту» [Стрэйчи 1992: 17] – совпадение или деталь, добавленная намеренно? Мы можем предположить, что автор осознанно сближает образ Эссекса с образом героя мифа, намекая на связь или даже повторение их судеб.

Далее автор добавляет еще несколько деталей в образ графа: помимо «всех мужественных забав» Эссекс проявляет любовь к чтению, в его жилах кипит «могучая кровь», ему нет равных в «борьбе и беге», но мгновение – и вот перед читателем уже «бледный юноша с томом Вергилия в руках» [Стрэйчи 1992: 17–18] – охотник и юный мечтатель, воплощение всего мужественного и романтически настроенная душа, «воитель-книжник» [там же: 100], как позднее охарактеризует его Литтон Стрейчи. Эту особенность души Эссекса автор называет «двойственностью» (“double nature”) [Strachey 1928: 4], которая также была свойственна елизаветинской эпохе – “double-faced age” [ibid.: 50]. Отсюда следует предположение: граф – дитя двух эпох; как часть рода он – воплощенное Средневековье, как самостоятельная личность – человек Возрождения. Как «старый дух» возродился в «юном теле», так и средневековый рыцарь оказался заперт в человеке, рожденном в «век барокко» [Стрэйчи 1992: 22], и этот новый, переменчивый век добавил в образ и характер рыцаря новых оттенков и привел к неразрешимому противоречию, ставшему роковым.

Наше предположение находит подтверждение сразу в нескольких эпизодах биографии. Самый первый – все там же – в описаниях детства графа и в его родословной. Автор пишет: мать Роберта Девере, Леттис Ноулз, была «в той же мере представительницей новой знати, в какой отец был представителем старой» [там же: 17]. Эссекс, безусловно, – наследник своего отца, «мечтателя» и «благородного неудачника» (эта характеристика применима и к самому графу), продолжатель его рода, но материнская линия семьи, так же, как и социальное окружение, делает графа представителем новой, елизаветинской эпохи, а, следовательно – *елизаветинцем*, то есть человеком, *связанным с Елизаветой и принадлежащим ей*. При этом связь с королевой одновременно родственная (Леттис Ноулз была дальней родственницей Елизаветы), социальная (во-первых, титул графа Эссекса был дарован отцу Роберта Девере самой Елизаветой; во-вторых, после смерти отца, юный граф стал пасынком графа Лестера – первого фаворита королевы), материальная (приближенность к правительнице давала Эссексу все, о чем мог мечтать дворянин: богатство, власть, статус, и граф умело этим пользовался: «скоро эта новая звезда, так стремительно взошедшая на небосклон, затмила все другие. Королева с графом стали неразлучны» [там же: 18]), и, наконец, мистическо-духовная: связь рыцаря и дамы, связь старого и нового, связь мужского и женского.

Еще один намек на «елизаветинство» Эссекса кроется в размышлениях автора биографии о природе человека (конкретнее – мужчины) эпохи Возрождения в Англии: «Однако светский лев, чей кодекс чести предписывал редкостное мужество, – разве он не был женствен (“effeminate”) в струении своих кудрей (“flowing hair”), в сверкании серег (“jewelled ears”)? А удивительное общество, холившее все эти тонкости и прихоти, как готовно оно отворачивалось от своих баловней, с какой гнусной жестокостью накидывалось на случайную жертву! Измена счастья – навет соглядатая – и те же украшенные серьгами уши под гогот толпы падали, отсеченные палаческой рукой» [там же: 22]. Можно провести параллель между мужественно-женственным «светским львом» елизаветинской эпохи и юным графом Робертом Девере, который, как было упомянуто ранее, «любил все мужественные забавы», но «любил и чтение» (по всей видимости, не относящееся к «мужественному» времяпрепровождению, по мнению автора). Здесь же видится переключка внешнего облика типичного мужчины того времени с обликом графа: светский лев утончен и прекрасен, на его голове вьются кудри, в ушах поблескивают серьги. Эссекс описан

схожим образом: «красота очаровательного юноши, мальчишеский открытый нрав, слова и взоры обожанья, высокий рост, изысканные руки и шелково-русая голова...» [там же: 18] – в этом описании мужественные (мужские) черты, вроде высокого роста (“tall figure”) и мальчишеского нрава (“boyish spirits”) переплетаются с чертами, которые совсем не вызывают ассоциаций с образом воителя: шелковые русые волосы (“auburn hair”) и изысканные руки (“exquisite hands”) – мужественность и женственность слились воедино. В связи с этим обстоятельством стоит упомянуть: королеву Елизавету Литтон Стрейчи тоже видит как сочетание мужественности и женственности – “mixture of the masculine and the feminine” [Strachey 1928: 12], что делает героев биографии отражением друг друга. Помимо всего прочего, этот эпизод предвещает финал жизни графа. Эссекс, тоже своего рода «баловень» судьбы, переживает карьерный взлет только лишь затем, чтобы пройти через суд и быть обезглавленным *палаческой рукой*.

Выходит, королева всегда присутствовала в жизни графа, влияла на его судьбу сразу на нескольких уровнях, а двойственное происхождение Эссекса поместило его как бы между двумя реальностями и обрекло на роковую «нераздельность» [Стрейчи 1992: 19] с Елизаветой. Роберт Девере благороден, но его благородство одновременно искреннее и показное, слишком романтизированное, по-детски наивное. В соответствии с мнимым и реальным рыцарским титулом, Эссекс избирает для себя «прекрасную даму» – саму королеву Елизавету – «леди Ренессанса» [там же: 28], которая, как ни парадоксально, воплощает «новую» Англию и борется против всего, что составляет «душу» графа. В результате балладный сюжет оказывается вывернутым наизнанку: прекрасная и недостижимая дама уже давно не молода и не прекрасна; благородный рыцарь вступает в духовно-эмоциональную связь с королевой не столько из благородных побуждений, сколько из желания получить выгоду; вместо любви и взаимопонимания – эмоциональная зависимость и стремление подавить друг друга. Литтон Стрейчи неоднократно подчеркивает противоречивость самой сути этих отношений, но не обвиняет и не судит своих героев, а, наоборот, по-доброму посмеивается над ними, признавая их право на собственный выбор: «в сверканье жемчугов и веянье вуалей сказочная принцесса, отпраздновавшая уже шестидесятый день рождения, сияла чуть ли не юной красотой. Прекрасный рыцарь, стоя с нею рядом, сотворил чудо – улыбкою прогнал мрак долгих, тяжелых лет» [там же: 61].

Борьба средневекового и возрожденческого идеалов заставляет Роберта Девере метаться между двумя половинами своей души. «Его мятежный нрав требовал превратностей войны; только так могла насытиться его душа, только так он мог покрыть себя нетленной славой», — пишет Литтон Стрейчи, — «он сделался средоточием нового елизаветинского патриотизма, патриотизма, который был чем-то отдельным от политики, от религии, и в котором кипела та небывалая отвага, та дивная самонадеянность и то пьянящее чувство общности, которое после стольких робких лет охватило англичан... Новым этим духом отдавали победительные ритмы “Таммерлана”; живым его воплощением был Эссекс» [там же: 70–71]. Голос Эссекса буквально сливается с хором голосов елизаветинского общества, средневековые в душе графа начинают служить идеалам Нового Века, но переменчивому веку балладный рыцарь нужен не в качестве полноценного члена социума, гражданина страны и верного защитника королевы, а в роли красивого героического символа, воодушевляющего народ, но не требующего лишних затрат, ибо «войны разоряют» [там же: 26]. Его прекрасная дама и одновременно хозяйка, будучи «высшим воплощением елизаветинства» [там же: 22], стремится подавить прошлое в душе своего фаворита. Как историческая личность, она делает это из прагматических соображений (свойственная Эссексу воинственность разоряет королевскую казну), как героиня произведения, она — богиня, госпожа и владычица — видит в подданном-олене существо, которое не может быть приравнено к человеку и уж тем более — к божеству. Отношения героев становятся нескончаемым противостоянием: благородные попытки графа помочь достойным, по его мнению, людям обрести подобающее место при дворе воспринимаются королевой как посягательства на ее авторитет; просьбы графа, если и удовлетворяются, то с большой неохотой; его регулярные «побеги» на войну заставляют Елизавету всерьез беспокоиться за его жизнь; его демонстративное геройство дарит ему всенародную любовь (даже со стороны врагов) и при этом навлекает на него монарший гнев; беспечное отношение к деньгам приводит его царственную госпожу в ужас и одновременно с этим дает ей возможность накинуть на «оленья» узду: способ ведения войны определяет тот, кто ее спонсирует, а средства на ведение боевых действий могла выделить (или *не* выделить) только королева.

Рыцарский потенциал не находит места для реализации: «вялая, половинчатая война в точности отвечала вкусу Елизаветы; но представлялась позором Эссексу» [там же: 89] — и именно чув-

ство позора и бессилия приводит Роберта Девере к осознанию: бунт неизбежен.

В 1599 г. граф Эссекс получает титул Лорда-Наместника и отбывает в Ирландию для подавления восстания, но вскоре возвращается: битва проиграна, шестнадцатитысячная армия сократилась вчетверо. Граф, «такой благородный, отважный, такой возвышенный» [там же: 104] теперь оказывается в числе проигравших. Выясняется, что воинский талант был всего лишь «вкусом к войне» [там же: 178]. Разгневанная Елизавета лишает Эссекса основного источника дохода, неудача в последней кампании закрыла для графа путь к воинской славе. Эссекс вдруг четко понимает: он — всего лишь слуга, сиятельная Глориана в любой момент может лишить его всего: денег, статуса, *мечты*. Это стало последней каплей, старый феодализм затмил голос разума, «скорее прошлое, чем будущее, водило разгневанным пером Роберта Девере. Кровь сотни владетельных князей <...> стучала в его сердце... Расходившееся средневековое будоражило не ко времени благородного рыцаря Возрождения» [там же: 159]. Обратиться в «елизаветинца» означало предать не только свой род, но и самого себя. Средневековый воин, так яростно стремившийся стать частью чуждого ему общества, наконец, понял, что служить двум «господам» невозможно. Для него выход был однозначен: Эссекс устроил восстание, которое, тем не менее, было направлено не против его прекрасной дамы, не против Елизаветы, а против ее «елизаветинства» — путаная натура Эссекса была неспособна понять, что Елизавета и елизаветинство есть одно целое.

Как и следовало ожидать, благородный рыцарь не нашел поддержки у елизаветинского народа. Бунт был быстро подавлен, и за ним последовал суд — действо мерзкое и унижительное, призванное не разобраться в истоках принятых Эссексом решений, а избавиться от неудобного: «суд явился, в сущности, не более как театральным представлением. Приговор был вынесен заранее, и все заинтересованные лица прекрасно это понимали» [там же: 214]. По сути, приговор Эссексу выносят придворные — недавние союзники и извечные конкуренты графа. Сам Эссекс, равно как и Елизавета, оказывается заложником дворцовых игр. Все эти трагические события удивительным образом перекликаются с мифологическим сюжетом: юный охотник Актеон посягает на неприкосновенность богини Артемиды — хвастается своими навыками, заявляя, будто превосходит саму богиню охоты; или похваляется, что видел богиню-девственницу обнаженной. Независимо от версии сюжета итог всегда один: оскорбленная Артемида обращает самонадеян-

ного юношу в оленя, и тот оказывается разорван на части собственными собаками, не признавшими в нем хозяина. Как тут не вспомнить эмблему семьи Девере? *Олень* и *гончая*, две стороны охоты, держат щит – в застывшем моменте они стали союзниками, но что произойдет, если время возобновит свой бег?

Сцена суда тоже отсылает читателя к мифу: самыми яркими обвинителями графа становятся те, кто смог возвыситься лишь благодаря его поддержке и благородству. Среди них – Фрэнсис Бэкон – объект самых щедрых милостей графа, его друг и должник. Именно он не просто свидетельствует против собственного благодетеля, но и делает все возможное, чтобы смертный приговор стал неизбежным: «он (Бэкон) не сообразил, что долгая дружба, неизменная доброта, благородная щедрость и трогательное восхищение графа делали прискорбным и позорным участие в его уничтожении... Но это было не для него. Натура не позволяла, судьба не позволяла. Пост Лорда-Канцлера маячил впереди» [там же: 213]. Эссекс-Актеон позволяет себе лишнее и навлекает на себя гнев Елизаветы-Артемиды, из-за чего теряет статус «охотника» и приобретает статус «дичи», финал шокирующий и трагический: Роберта Девере рвут на части собственные «псы».

Параллельно с мифологическим мотивом раскрывается мотив религиозный: Фрэнсис Бэкон обвиняет Эссекса в три захода; сначала он сравнивает графа с Писистратом, который «сам себе нанеся рану, бежал по Афинам и кричал, будто враги ищут его лишить жизни», дабы склонить народ на свою сторону и захватить власть [там же: 217]; затем, в ответ на попытку Эссекса рассказать суду о том, как Бэкон еще совсем недавно собственноручно писал от его имени письма, адресованные королеве, объясняет свой поступок желанием «сделать графа добрым подданным Ее Величества и государства» [там же: 218]; а под занавес судебного процесса приводит еще одно сравнение – на этот раз с герцогом де Гизом, поднявшим французский народ против короля – таким образом Фрэнсис Бэкон не только предаст друга, подобно Иуде, но и трижды отрекается от него, подобно Петру. Суд имеет фиктивный характер и направлен скорее на унижение, чем на свершение правосудия и заканчивается своеобразным торжеством (двухголового) змея: Фрэнсиса Бэкона и Роберта Сесила: «двойное жало ужалило опять» [там же: 219]. Во введенном Литтоном Стрейчи «змеином» образе видится связь с мотивом рая, уже встречавшимся нам в ранних главах, посвященных детству графа: вспомните «райский уголок», где медведь, барсук, олень и лань живут бок о бок – Змей-искуситель проявляет коварство, и граф,

подобно первому человеку, ставшему чужаком в доме Бога, оказывается чужим в чертогах Богини Возрождения. Но самым явным намеком на библейскую тему становится, как ни странно, возраст графа Роберта Девере – простой исторический факт, в других обстоятельствах не сыгравший бы особой роли, кроме служения исторической достоверности, но в руках Литтона Стрейчи приобретший глубокий смысл: «Он еще молод... (ему минуло тридцать три года)».

Заключение

Таким образом, образ Эссекса соединяет в себе грани разного порядка: граф одновременно выступает в роли воплощенного Средневековья («старой» Англии) и воплощенного елизаветинства («новой» Англии). «Средневековье» в душе Эссекса приобретает сказочно-романтический характер, в результате чего Роберт Девере стремится приблизиться к образу рыцаря, но не реального, а сказочно-балладного. Для реализации «рыцарского» сюжета герой, как и положено истинному рыцарю, избирает «прекрасную даму» – в случае Эссекса избранницей становится, как ни парадоксально, королева Елизавета – живое воплощение самой эпохи елизаветинства, что приводит графа к внутреннему конфликту: средневековый рыцарь вынужден подстраиваться под возрожденческие идеалы и пытаться стать частью возрожденческого общества. Образ Эссекса как воплощенного елизаветинства проявляется в противоречивости натуры графа: дитя двух эпох сочетает в себе черты «мужского» и «женского» (как и сама Елизавета), старого и нового, реального и мифологического, и все грани этой натуры находятся вне власти героя – его судьба predetermined принадлежностью к роду и эпохе. Тема predeterminedности (рока) в произведении раскрывается через отсылки к мифологии и религии. Литтон Стрейчи связывает образ своего героя с образом юноши-охотника из древнегреческого мифа, в результате к Эссексу-рыцарю, Эссексу-Старой Англии и Эссексу-Новой Англии добавляется Эссекс-Актеон, метафорически оращенный Елизаветой-Артемидой в оленя – недочеловека, погубленного собственными товарищами. Религиозная тема сближает образ Эссекса с образом Сына Божьего – Адама, изгнанного Богом из рая, или Иисуса Христа, прошедшего через унижительный суд и казненного по воле толпы. Подводя итог, мы выделяем следующие грани художественного образа графа Эссекса в произведении «Королева Елизавета и граф Эссекс»: Эссекс – воплощенное Средневековье и Эссекс – сказочный рыцарь, Эссекс – воплощенное елизаветинство и Эссекс – сочетание мужского и жен-

ского, Эссекс – отражение и противоположность Елизаветы, Эссекс-Актеон и Эссекс – Сын Божий. Раскрывая все эти грани души своего героя, Литтон Стрейчи стремится уничтожить пропасть между человеком «тогда» и человеком «сейчас» и показать, что Роберт Девере прежде всего *живое существо* – мыслящее, чувствующее, неоднозначное – всего лишь юноша, попавший в водоворот исторических событий, но сумевший остаться в памяти народа – в этом заключается суть жанра новой биографии.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова и В. В. Розанова, ком. В. В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
- Леона А. В.* Историческое сознание и кризисный социум. М.: Спутник+, 2013. 229 с.
- Проскурнин Б. М.* Романное в нероманном: книга Литтона Стрейчи «Именитые викторианцы» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2020. № 11 (17). С. 77–87.
- Раренко М. Б.* Жанр биографии как социальный феномен // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология*. 2019. № 3. С. 11–24. doi 10.31249/rsoc/2019.03.02
- Репина Л. П.* Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // *Труды отделения историко-филологических наук РАН*. 2008–2013 год. М.: Наука, 2014. С. 206–231.
- Сафонова М. А.* Стилистическое своеобразие биографической прозы Литтона Стрейчи (на материале биографии «Королева Виктория») // *Вестник ИГЛУ*. 2013. № 3 (24). С. 113–117.
- Сафонова М. А.* Языковые особенности индивидуального стиля Литтона Стрейчи // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение, Языкознание, Культурология*. 2014. № 8 (130). С. 132–138.
- Селитрина Т. Л., Дашков С. Ю.* Жизнь и судьба английской королевы Елизаветы I глазами историка и художника (Кристофер Хейг и Литтон Стрейчи) // *Биографизм в зарубежной литературе: материалы Междунар. науч. конф. «XXXVII Пушкинские чтения»* (г. Москва, 9–11 апреля 2025 г.) / под общ. ред. М. А. Дремова. [Электронное издание сетевого распространения]. М.: МПГУ, 2026. С. 148–157. doi 10.31862/9785426316683
- Стрейчи Л.* Именитые викторианцы / пер. с англ. А. Ю. Голосовской; издание подготовили: Б. М. Проскурнин, Д. Б. Вершинина, Г. А. Велигорский, Л. А. Сифурова. Серия: Памятники всемирной литературы. М.: Ладомир, Независимый альянс, 2024. 810 с.
- Стрейчи Л.* Королева Елизавета и граф Эссекс / пер. с англ. и прим. Е. Суриц; пред. В. Харитонов; оформл. Е. Трофимовой. М.: Слово, 1992. 252 с.
- Ибрагимова Х.* Биографический жанр в английской литературе XX века (на материале романа-биографии Питера Акройда «Лондон») // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. 2013. Т. 26 (65), № 1, ч. 1. С. 130–135.
- Ходинская М. В.* Эволюция жанра биографии в английской литературе: от агиобиографии к геобиографии // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2023. № 3 (68). С. 75–79. doi 10.52928/2070-1608-2023-68-3-75-79
- Calek A.* Biografia naukowa: od koncepcji do narracji. Interdyscyplinarność, teorie, metody badawcze. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. 2013. 342 p.
- Clifford J. L.* Biography as an art; selected criticism, 1560-1960. London: Oxford University Press, 1962. 256 p.
- Dekker T.* Old Fortunatus. A play written by Thomas Dekker. Edited with a preface, notes and glossary by Oliphant Smeaton. London: J. M. Dent and Co. Aldine House, 1904. 142 p.
- Devereux W. B.* Lives and letters of the Devereux, earls of Essex, in the reigns of Elizabeth, James I., and Charles I., 1540–1646. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle Street, 1853. 503 p.
- Johnston G. A.* The New Biography. Ludwig, Maurois, and Strachey // *The Atlantic Monthly*. 1929. Vol. 143, № 3. P. 333–342.
- Holroyd M.* Lytton Strachey and the Bloomsbury group: his work, their influence. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 400 p.
- Holroyd M.* Lytton Strachey: A Biography. London: Book Club Associates, 1955. 1144 p.
- Holroyd M.* Lytton Strachey: The New Biography. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. 751 p.
- Hoberman R.* Modernizing Lives: Experiments in English biography, 1918–1939. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. 235 p.
- Kendall P. M.* The Art of Biography. London: George Allen & Unwin LTD. Ruskin House Museum Street, 1965. 184 p.
- Lee S.* Principles of Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. 54 p.
- Maurois A.* Aspects of Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 1929. 189 p.
- Nadel I. B.* Biography: Fiction, Fact and Form. London: Macmillan, 1984. 248 p.
- Nadel I. B.* Narrative and the Popularity of Biography // *Mosaic: An Interdisciplinary Critical*

Journal. 1987. Vol. 20, № 4. DATA and ACTA: Aspects of Life-Writing. P. 131–141.

Partin R. Biography as an Instrument of Moral Instruction // *American Quarterly*. Vol. 8, № 4, 1956. P. 303–315.

Renders H., de Haan B. (eds.) *Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing*. Leiden; Boston: Brill Publishers, 2014. Vol. 7. 273 p.

Smiles S. *Self-Help*. London: William Clowers and Sons, 1876. 415 p.

Strachey G. L. *Elizabeth and Essex: A Tragic History*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1928. 296 p.

Strachey G. L. *Eminent Victorians*. New York: The Modern Library, 1918. 129 p.

Thirriard M. Virginia Woolf, Lytton Strachey, Harold Nicolson and the Aesthetics of the Subject in the New Biography // *Études britanniques contemporaines*. 2021. Vol. 60. doi 10.4000/ebc.10373.

Truby J. *The Anatomy of Genres: How Story Forms Explain the Way the World Works*. New York: Picador Paper, 2022. 720 p.

Woolf V. The Art of Biography // *The Atlantic Monthly*. 1939. Vol. 163, № 4. P. 506–510.

References

Aristotle *Metaphysics* / trans. from Greek by P. D. Pervov and V. V. Rozanov, comm. by V. V. Rozanov. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2006. 232 p. (In Russ.)

Leopa A.V. Historical consciousness and crisis society. Moscow, Sputnik+, 2013. 229 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Novelistic Traits in Non-fiction: Lytton Strachey's *Eminent Victorians*. *World Literature in the Context of Culture*, 2020, issue 11(17), pp. 77-87 (In Russ.)

Rarenko M. B. The Biography Genre as a Social Phenomenon. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology*, 2019, issue 3, pp. 11-24. doi 10/31249/rsoc/2019.03.02 (In Russ.)

Repina L. P. Social Crises and Cataclysms in Historical Memory: Theory and Practice of Research. *Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences*, 2008-2013. Moscow, Hayka, 2014, pp. 206-231 (In Russ.)

Safonova M. A. Stylistic Peculiarities of Lytton Strachey's Biographical Prose (Based on "Queen Victoria"). *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2013, issue 3 (24), pp. 113-117 (In Russ.)

Safonova M. A. Linguistic Peculiarities of Lytton Strachey's Individual Style. *RSUH/RGGU BULLE-*

TIN. Series: Philology. Linguistic Studies, 2014, issue 8 (130). pp. 132-138 (In Russ.)

Selitrina T. L., Dashkov S. U. Life and Fate of the English Queen Elizabeth I through the Eyes of a Historian and an Artist (Christopher Haigh and Lytton Strachey). *Biographicalism in Foreign Literature: Proceedings of the XXXVII Purishev Readings International Scientific Conference, Moscow, April 9-11, 2025* / edited by M. A. Dryomov. Moscow, MPGU, 2026, pp. 148-157. doi 10.31862/9785426316683 (In Russ.)

Strachey L. *Eminent Victorians* / trans. from English by A. Yu. Golosovskaya; edited by B. M. Proskurnin, D. B. Vershinina, G. A. Veligorsky, and L. A. Sifurova. Series: Monuments of World Literature. Moscow, Ladomir, Independent Alliance, 2024. 810 p. (In Russ.)

Strachey G. L. *Elizabeth and Essex: A Tragic History* / trans. from English, annot. by E. Surits; foreword by V. Kharitonov; designed by E. Trofimova. Moscow, SP Slovo, 1992. 252 p. (In Russ.)

Ibragimova Kh. Biographical Genre in English literature of XX century (Based on the Novel-biography "London" of Peter Ackroyd. *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social Communications*, 2013, vol. 26 (65), issue 1, part 1, pp. 130-135 (In Russ.)

Khadzinskaya M. V. The Evolution of the Genre of Biography in English Literature: From Hagiography to Geobiography. *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity sciences*, 2023, issue 3(68), pp. 75-79. doi 10.52928/2070-1608-2023-68-3-75-79 (In Russ.)

Całek A. *Scientific biography: from concept to narrative. Interdisciplinarity, theories, research methods*. Kraków, Jagiellonian University Press. 2013. 342 p. (In Pol.)

Clifford J. L. *Biography as an art; selected criticism, 1560-1960*. London, Oxford University Press, 1962. 256 p. (In Eng.)

Dekker T. *Old Fortunatus. A Play written by Thomas Dekker*. Edited with a Preface, Notes and Glossary by Oliphant Smeaton. London, J. M. Dent and Co. Aldine House, 1904. 142 p. (In Eng.)

Devereux W. B. *Lives and letters of the Devereux, earls of Essex, in the reigns of Elizabeth, James I., and Charles I., 1540-1646. Vol. I*. London, John Murray, Albemarle Street, 1853. 503 p. (In Eng.)

Johnston G. A. *The New Biography. Ludwig, Maurois, and Strachey*. The Atlantic Monthly, 1929. pp. 333-342. (In Eng.)

Holroyd M. *Lytton Strachey and the Bloomsbury group: his work, their influence*. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 400 p. (In Eng.)

Holroyd M. Lytton Strachey: A Biography. London, Book Club Associates, 1955. 1144 p. (In Eng.)

Holroyd M. Lytton Strachey: The New Biography. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1995. 751 p. (In Eng.)

Hoberman R. *Modernizing Lives: Experiments in English biography, 1918-1939*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 1987. 235 p. (In Eng.)

Kendall P. M. *The Art of Biography*. London, George Allen & Unwin LTD. Ruskin House Museum Street, 1965. 184 p. (In Eng.)

Lee S. *Principles of Biography*. Cambridge, Cambridge University Press, 1911. 54 p. (In Eng.)

Maurois A. *Aspects of Biography*. Cambridge University Press, 1929. 189 p. (In Eng.)

Nadel I. B. *Biography: Fiction, Fact and Form*. London, Macmillan, 1984, 248 p. (In Eng.)

Nadel I. B. Narrative and the Popularity of Biography. *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*, 1987, vol. 20, issue 4, pp. 131-141. (In Eng.)

Partin R. Biography as an Instrument of Moral Instruction. *American Quarterly*, 1956, vol. 8, issue 4, pp. 303-315. (In Eng.)

Renders H., de Haan B. Theoretical Discussions of Biography: Approaches from History, Microhistory, and Life Writing. BRILL. Vol. 7, 2014. 273 p. (In Eng.)

Smiles S. *Self-Help*. London, William Clowers and Sons, 1876. 415 p. (In Eng.)

Strachey G. L. *Elizabeth and Essex: A Tragic History*. New York, Harcourt, Brace and Company, 1928. 296 p. (In Eng.)

Strachey G. L. *Eminent Victorians*. The Modern Library, New York, 1918. 129 p. (In Eng.)

Thirriard M. Virginia Woolf, Lytton Strachey, Harold Nicolson and the Aesthetics of the Subject in the New Biography. *Études britanniques contemporaines*, 2021, issue 60. (In Eng.)

Truby J. *The Anatomy of Genres. How Story Forms Explain The Way The World Works*. New York, Picador Paper, 2022. 720 p. (In Eng.)

Woolf V. The Art of Biography. *The Atlantic Monthly*, 1939, vo. 163, no 4, pp. 506-510. (In Eng.)

Информация об авторе

Касьянова Мария Леонидовна

аспирант кафедры зарубежной филологии
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

kasuanovamfriya@gmail.com

SPIN-код: 1078-2100

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0544-4794>

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена
после рецензирования 29.05.2026; принята к публика-
ции 01.06.2026

Information about the author

Mariya L. Kasyanova

Postgraduate Student at the Department
of Foreign Philology
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

kasuanovamfriya@gmail.com

SPIN-code: 1078-2100

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0544-4794>

Submitted 30 Apr 2026; revised 29 May 2026; accepted
01 June 2026

УДК 81'255.4: 821.111(73)-1=161.1
doi 10.17072/2073-6681-2026-2-127-135
EDN USWJRF

<https://elibrary.ru/uswjrf>

Стихотворение Э. По “Dream-Land” в русских переводах

Кузьмина Александра Викторовна

Донецкий государственный университет
a.shersh@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение Эдгара По “Dream-Land” («Страна снов», 1844) и его переводы на русский язык, выполненные в XIX–XX вв. Отмечено, что в стихотворении американский романтик описывает таинственный и мрачный болотистый край, полный гигантских озер, гор и долин и населенный фантастическими существами. Для лирического героя, пережившего утрату, Страна снов становится убежищем от страданий, где он встречает тени давно ушедших друзей. Первый перевод стихотворения на русский язык (1878) принадлежит переводчику-любителю С. А. Андреевскому (1847–1918). В эпоху Серебряного века к прочтению «Страны снов» обратились поэты-символисты К. Д. Бальмонт (1867–1942) и В. Я. Брюсов (1873–1924). В 1972 г. был напечатан еще один вариант перевода, осуществленный поэтессой-имажинистом Н. Д. Вольпин (1900–1998). В статье проанализированы роль и функции языковых средств в выражении идейно-тематического содержания стихотворения и его переводов, выявлены смысловые акценты, переводческие удаchi и потери. Для перевода Андреевского характерны обращение к стилистике народной сказки и усиление религиозного колорита. Поэтическим интерпретациям Бальмонта и Брюсова свойственны эффектная звукопись и музыкальность, акцент на теме ужасного. При этом Бальмонт выбирает путь творческой свободы, а Брюсов, напротив, тяготеет к формальной точности. Вольпин, представительница советской школы перевода, также стремится воссоздать строфику и ритмику оригинала; кроме того, ее тексту присущи живая и естественная интонация, обращение к образам русской зимы и космического пространства при описании сумрачного и дикого края.

Ключевые слова: баллада; перевод; интерпретация; романтизм; поэтика; компаративный анализ; Эдгар По.

Для цитирования

Кузьмина А. В. Стихотворение Э. По “Dream-Land” в русских переводах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 127–135. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-127-135. EDN USWJRF

Edgar Allan Poe's Poem “Dream-Land” as Translated by Russian Poets

Aleksandra V. Kuzmina

Donetsk State University
a.shersh@bk.ru

Abstract. This article examines Edgar Allan Poe's poem *Dream-Land* (1844) and its translations into Russian made in the 19th–20th centuries. In the poem, the American Romanticist describes a mysterious swampy region filled with gigantic lakes, mountains and valleys, and inhabited by fantastic creatures. For the lyrical hero, this land becomes a refuge from miseries of life, where he encounters the shadows of his long-departed friends. The first translation of the poem into Russian (1878) was made by the poet, translator, and

critic S. A. Andreevsky (1847–1918). During the Silver Age of Russian Poetry, the Symbolist poets K. D. Balmont (1867–1942) and V. Ya. Bryusov (1873–1924) also published their versions of *Dream-Land*. In 1972, another translation of the poem was made by the imagist poet N. D. Volpin. In the article, the functions of linguistic means of different levels are analyzed, characteristic features of the poets' individual style are highlighted, accomplishments and shortcomings in the translations are pointed out. It is noted that Andreevsky employs a fairy-tale style and intensifies religious connotations. His poetic lines are somewhat shortened compared to the original; therefore, he resorts to omissions and reductions. Balmont's and Bryusov's translations reach a distinctly higher level: the poets aim to produce a text that would match the original in its artistic quality. Balmont's and Bryusov's poetic interpretations are characterized by attention to the imagery and musicality of Poe's ballad, its dark and ominous atmosphere. At the same time, Bryusov strives for academic fidelity and closeness to the original text, while Balmont allows his own ornate style to overshadow Poe's voice. Volpin aims to recreate the original meter and rhythm; her text is marked by a natural intonation and rich metaphors. While describing a mysterious and wild land, she refers to the images of the Russian winter and cosmic space.

Keywords: ballad; translation; interpretation; comparative analysis; Romanticism; poetics; Poe.

For citation

Kuzmina A. V. Edgar Allan Poe's Poem "Dream-Land" as Translated by Russian Poets. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 127–135. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-127-135. EDN USWJRF (In Russ.)

Интерес к творчеству Эдгара По в России возник еще при жизни писателя. Впервые русский читатель познакомился с ним в 1847 г., когда в журнале «Новая библиотека для воспитания» был опубликован перевод рассказа «Золотой жук». В 1850-х гг. российские журналы начали активно печатать «страшные» рассказы американского писателя под влиянием французской литературной моды. На рубеже XIX–XX вв. интерес к писателю возродился с новой силой. Поэты-символисты, особенно К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов, рассматривали По как предшественника символизма и активно заимствовали его художественные находки. В советский период произведения Э. По переводили М. П. Богословская, Р. М. Гальперина, Н. М. Демурова, Н. Д. Вольпин, В. А. Неделин, В. Н. Рогов и М. В. Урнов и мн. др.

За последние десятилетия появилось большое количество научных работ, в которых рассматривается переводческая рецепция творчества Э. По в России. Изучением прозаического творчества американского романтика в русских переводах Л. П. Дмитриева [Дмитриева 2010], Е. Ф. Осипова [Осипова 2017], И. В. Головачева и С. Ю. Удалова [Головачева, Удалова 2020]. В ряде исследований ([Нестерова 1974; Жаткин, Рябова 2019; Дементьева 2022]) анализируются переводы знаменитого стихотворения «Ворон» ("The Raven"). А. Г. Коноваленко рассматривает брюсовские переводы баллад Э. По ("Ulalume", "Eldorado", "Bridal ballad") [Коноваленко 2007]. О. А. Жиронкина сосредоточивается на сопоставлении переводческого мастерства двух поэтов Серебряного века – К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова [Жиронкина 2013].

Несмотря на наличие большого корпуса исследований, некоторые аспекты переводческой рецепции творчества Эдгара По в России остаются недостаточно изученными. Так, насколько нам известно, переводы стихотворения «Страна снов» ("Dream-Land", 1844) еще не становились объектом сопоставительного анализа. Первый перевод данного стихотворения принадлежит поэту, переводчику-любителю С. А. Андреевскому (1847–1918). На рубеже XIX–XX вв. к переводу «Страны снов» обратились поэты-символисты К. Д. Бальмонт (1867–1942) и В. Я. Брюсов (1873–1924). В 1972 г. был напечатан еще один вариант перевода стихотворения, выполненный поэтессой-имажистом Н. Д. Вольпин (1900–1998).

Цель данной статьи заключается в проведении компаративного анализа стихотворения Эдгара По "Dream-Land" и его переводов, выполненных в XIX–XX вв.

Впервые стихотворение было напечатано в журнале "Graham's Magazine" (1844), а через год вошло в сборник "The Raven and other poems". В «Стране снов» американский романтик рисует таинственный болотистый край на стыке яви и сновидения, край, полный сумрачных лесов-титанов, огромных гор и пещер, мрачных озер и болот, в которых живут тритоны ("newt") и упыри ("Ghouls"). Правит страной идол по имени Ночь ("an Eidolon named NIGHT"), а населяют ее злые ангелы ("ill angels"), воспоминания о прошлом, облаченные в саван ("Sheeted Memories of the Past"), и тени бывших друзей ("forms of friends long given") [Пое 2023]¹. Но эти обитатели не пугают странника: лишь здесь сердце, полное скорби, может найти мир и успокоение.

«Страна снов» занимает особое место в творческом наследии Эдгара По. В произведении сконцентрировались ключевые мотивы, характерные для всего творчества американского романтика. Противопоставление реальности и мира сновидений становится сквозной темой многих его произведений («Сон во сне», «Спящая», «К...»). Мотив потерянного рая встретится в балладе «Эльдорадо» (1849), которая будет напечатана через пять лет после «Страны снов». Строку "Tis – oh, 'tis an Eldorado!" вполне можно рассматривать как «предвестницу» одноименного стихотворения. Тема утраты возлюбленной находит отклик в «Аннабель Ли», «Линор» и «Вороне», а исследование пограничных состояний сознания роднит стихотворение с новеллой «Падение дома Ашероу».

В стихотворении «Страна снов» американский романтик воссоздает одновременно и авторский, и национальный, американский, вариант готического пейзажа, хорошо знакомый жителям южных штатов. Если для английского читателя самой узнаваемой приметой готики является полуразрушенный средневековый замок, то американская готика чаще всего представлена описаниями дикой и неизведанной природы. Между этими топосами есть ряд общих черт: старинный замок воспринимается англичанами как пространство одновременно и свое, и чужое, враждебное, связанное с католическим прошлым страны. Первозданные и пугающие пейзажи, с которыми столкнулись переселенцы в эпоху освоения Америки, также воспринимались ими как несущие опасность и угрозу. По словам А. И. Кузьмичева, болото становится для американского читателя важным и узнаваемым «символом готики» [Кузьмичев 2018: 152]. Являясь пограничным пространством между водными просторами и сушей, образ болота в стихотворении Э. По служит метафорой перехода от яви к сновидению, от настоящего к прошлому, от жизни к смерти. Сравнивая «Страну снов» с пейзажными описаниями из стихотворений «Озеро» (1827), «Спящая» (1839), «Призрачный замок» (1839), «Улялюм» (1847), исследователь Дз. Лэй приходит к выводу, что тон и поэтическое видение «Страны снов» гораздо мрачнее: «Пытаясь достичь идеала и преодолеть границы реальности, По находится во власти пессимистического взгляда на природу, вселенную и существование человека» [Lei 2013: 39].

Эрин Форбс связывает Страну снов с реальной точкой на карте – Великим проклятым болотом (Great Dismal Swamp), находящимся на границе штатов Вирджиния и Северная Каролина [Forbes 2016: 364]. Эта местность представ-

ляет собой почти 500 километров непроходимых лесов, растущих прямо из воды, а в середине его расположено ядовитое озеро Драммонд. Именно здесь нашел убежище Нат Тернер, организовавший в 1831 г. восстание чернокожих рабов. По словам А. И. Кузьмичева, южанин Эдгар По «рос в Вирджинии, и не раз бывал на Великом проклятом болоте, служившем прибежищем для беглых преступников и рабов, где они не только прятались, но и образовывали постоянные поселения» [там же: 151]. Исследователь соотносит образ упырей, обитающих в мрачных прудах и заводях, с беглыми рабами: не случайно их описание «подчеркнуто материально, ощущаемо» [Кузьмичев 2018: 152].

Дальняя Фула ("ultima Thule"), откуда герой попадает в Страну снов, – это название легендарного острова, который считался в Древней Греции северным пределом обитаемого мира. Античный историк и географ Страбон (I в. до н.э.) описывал Фулу как место, где кончался реальный и доступный человеческому восприятию мир. Там не было уже ни воды, ни земли, ни воздуха, а некая смесь всех этих элементов (цит. по: [Широкова 2000: 38]). Мишель Ронник предполагает, что этот образ был притягательным для Эдгара По, потому что ранее и сама Америка воспринималась первыми колонистами как «дальняя Фула», куда они «устремлялись за пределы знакомого им мира» [Ronnick 1995: 41].

Джеймс Бейли интерпретирует маршрут лирического героя следующим образом: дальняя Фула – «начальная точка его темного и одинокого пути», который, возможно, далее «пролегает по реке на севере Норвегии» к Северному Полюсу и краю мира – земле «вне пространства и времени» [Bailey 1948: 513]. Другой взгляд на стихотворение предлагает Деннис Эддингс: согласно его мнению, Фула – это «царство Идеала, далекий мифический и мистический край», в то время как Страна снов представляет собой реальный мир с его «гротескностью и абсурдом» [Eddings 1975: 8].

Страна снов приобретает у Эдгара По некоторые черты мира мертвых. Американский романтик называет таинственный край темным ("dim") и мрачным ("dismal"), наделяя его качествами, которые вполне традиционно ассоциируются со смертью. Озера в Стране снов наполнены тихой ("still"), прохладной («chilly») и мертвой ("dead") водой; различные водные гады, которые обитают в ней – тритоны и упыри – обычно выполняют сторожевую функцию в мире мертвых. Одним из атрибутов жителей загробного царства, согласно В. Я. Проппу, является слепота: «Живые не ви-

дят мертвых точно так же, как мертвые не видят живых» [Пропп 2000: 54]. Не случайно Король запрещает «печальной душе» путника осматривать страну с поднятыми веками; ему позволено лишь угадывать очертания предметов «сквозь дымное стекло»: "So wills its King, who hath forbid / The uplifting of the fring'd lid; / And thus the sad Soul that here passes / Beholds it but through darkened glasses". Американский исследователь Р. Брики делает вывод, что путь главного героя можно рассматривать как сходжение в ад, так как описание Страны снов наполнено «перевернутой» христианской иконографией: King («Царь»), mysteries («тайны»), waters («воды») [Brickey 2019: 801].

Изображая Страну снов, Эдгар По подчеркивает зыбкость окружающей природы, невозможность ее воссоздания при помощи привычных слов и понятий. На протяжении всего стихотворения поэт прибегает к апофатическому способу описания природы: долины в Стране снов – бездонные ("bottomless"), потоки – бескрайние ("boundless"), моря – безбрежные ("seas without a shore"), озера – беспредельные ("endlessly outspread"). Эдгар По рисует пейзаж сродни офортам У. Блейка: природные очертания невозможно разглядеть ("with forms that no man can discover"), одна стихия переходит в другую, а противоположности сливаются. Долины сменяются горами, горы «опрокидываются в моря» ("Mountains toppling evermore / Into the seas"), моря «устремляются в огненные небеса» ("Seas that restlessly aspire, / Surging, into the skies of fire"). Поэт прибегает к приему персонификации: вся природа плачет слезами-каплями: "the tears that drip all over". Страна сновидений лежит не только вне пространства ("Out of Space"), но и вне времени ("Out of Time"): вечно обрушиваются горы, постоянно шепчет река, оживают тени давно минувших дней.

На русском языке стихотворение "Dream-Land" впервые появилось в 1878 г. благодаря судебному оратору и переводчику-любителю **С. А. Андреевскому** (1847–1918). На его прочтение оказали влияние тенденции, характерные для русской переводческой практики середины XIX в. Переводные тексты в этот период часто носили просветительский характер: приоритетом выступало знакомство читателя с сюжетной канвой произведения, а не сохранение его художественной специфики и поэтической формы. Появляется большое количество любительских переводов, при этом их общий уровень «проседает».

В своей версии «Страны снов» С. А. Андреевский сохраняет размер оригинала – четырехстопный хорей. При этом переводчик не воспроизводит множественные нарушения ритма, которыми изобилует подлинник: лишние стопы,

спондеи и сверхсхемные ударения. В результате строка оказывается несколько укороченной по сравнению с подлинником. С учетом того, что русские слова в среднем длиннее английских, Андреевскому приходится прибегать к пропускам и сокращениям. Так, в его тексте отсутствуют упоминания бездонных долин, бескрайних потоков, пещер, падающих слез-капель. Уходит ощущение беспредельности ландшафта, исчезает фантазмагорическая картина сближения полярных компонентов пейзажа:

*Там деревья-великаны,
Облеченные в туманы,
Невидимками стоят;
Скалы темные глядят
С неба красного – в озера <....>.*
[По 1898: 237]

Андреевский, скорее, переводит стихотворение в духе волшебной сказки. Не случайно Страну снов он называет «волшебной обителью» и помещает в нее вместо упырей сказочного дракона. Кроме того, русский переводчик усиливает религиозный компонент стихотворения: описываемые земли он называет «чистым раем» и «страной обетованной», а лирического героя – «странником» (одно из словарных определений этого слова – «человек, странствующий пешком на богомолье; паломник, пилигрим» [Словарь русского языка 1999]). В образе рая подчеркиваются дуалистические черты: царит в нем «призрак Ночи-сатаны» (вместо языческого идола Ночи у Эдгара По). Переводчику не удается передать чувство таинственного и создать тревожную атмосферу из-за отсутствия опыта работы с произведениями, написанными в рамках «первой волны» английской готики.

В версии Андреевского заметны некоторые недостатки поэтической техники: кальки с английского («бедствий legion»), смещение ударений («пытки агонии», «среди отверженных духов»), русские поэтические штампы («нежные лилеи»). Из-за укороченной строки переводчику приходится исключить из текста многочисленные эпитеты: "a wild weird clime that lieth, sublime <...>" («величественный», «дикий» и «таинственный» край); "most unholy", "most melancholy nook" («наиболее нечестивый», «наиболее меланхолический уголок»). Техническое несовершенство вынуждает Андреевского прибегать к приему компенсации: так, горы в подлиннике впервые упоминаются в тринадцатой строке, а в русском тексте – в тридцать третьей; реки из двадцать пятого стиха перемещены в четырнадцатый и т. д. В некоторых случаях переводчик и вовсе изменяет авторский замысел: так, Эдгар По упоминает реку, которая своим вечным шепотом ("murmuring ever") нару-

шает тишину страны сна и смерти; у Андреевского же ручки остаются «немыми» и «безмолвными».

Расцвет популярности творчества Эдгара По в России пришелся на переходную и кризисную эпоху рубежа XIX–XX вв. Произведения По, пронизанные интересом ко всему иррациональному, к темным сторонам человеческой природы и зыбкой границе между реальностью и фантазией, оказались созвучны художественным исканиям поэтов Серебряного века. Так, **К. Д. Бальмонт** (1867–1942) считал Э. По «величайшим из поэтов-символистов», посвятил ему статью «Гений открытия» и перевел более сорока его произведений. Анализируя переводческий метод Бальмонта, большинство исследователей сходятся во мнении, что в обострившейся на рубеже веков борьбе двух школ – буквального и вольного перевода – русский поэт придерживается традиций последней школы и часто позволяет себе отступления от формы оригинала. Ж. А. Кононова делает вывод, что «переводы Бальмонта представляют собой своего рода интертекст, в котором часть образной системы связана с художественным миром подлинника, а часть – с лирикой Бальмонта» [Кононова 2015: 106].

Действительно, в бальмонтовской версии «Страны снов» отчетливо заметно свободное отношение к трактовке исходного текста. Русский поэт заметно удлиняет строку, используя в первой и последней строфе четырехстопный ямб, а в основной части стихотворения – шестистопный ямб с цезурой посередине и множеством пиррихий. Чтобы заполнить удлинившуюся строку, переводчику приходится добавлять новые, отсутствующие в подлиннике детали. Это становится технической причиной гиперболизации происходящего: «Из той страны, где вечно сны, где чар высоких постоянство»; «Близ гор, – близ рек, что выются, как водные аллеи»; «Встающие внезапно воздушною толпою, / Воспоминанья бывших невозвратимых Дней». Апокалипсическое впечатление от пейзажа усиливается благодаря использованию книжной лексики, анжамбеманов, подчеркивающих перетекание одной стихии в другую, многосложных слов, ассонансов на «о» (данная буква графически представляет собой символ бесконечности):

*Возвышенные горы, стремящиеся вечно
Обрушиться, сквозь воздух, в моря без берегов,
Течения морские, что жаждут бесконечно
Взметнуться ввысь, к пожару горящих облаков.
Озера, беспредельность просторов полноводных,
Немая бесконечность пустынных мертвых вод
<...>.*

[По 1901: 48]

Стремясь подчеркнуть зыбкость и призрачность таинственного мира, Бальмонт насыщает текст плеоназмами и тавтологиями: «смутные намеки», «видения теней», «тень дыма», «пожар горящих облаков». Переводчик прибегает к искусственным выражениям, лексическим неточностям: так, он упоминает «возвышенные» горы, обрушивающиеся «сквозь воздух», «насыщенные бедою» места, «столикую громаду» страданий, «нечестивый и горестный» угол и т. д. При этом Бальмонт совмещает торжественность и патетику с романсовыми штампами («воспоминанья бывших невозвратимых дней») и умиротворенным созерцанием природы в духе русской пейзажной лирики элегического плана («на всем дрожит роса», «седой лес», «беспредельность просторов полноводных»), вследствие чего нарушается стилевое единство, размывается индивидуальный стиль Э. По.

К сильным сторонам перевода можно отнести эффектную звукопись, обилие аллитераций и ассонансов: «со снегом спящих лилий», «здесь только змеи, жабы и ржавая вода», «встающие внезапно воздушною толпою». Музыкальность стиха воссоздается за счет повторов, параллелизмов и анафор: «Близ озерных затонов, меж далей полноводных, / Близ этих одиноких печальных мертвых вод», «Близ гор, – близ рек, что выются, как водные аллеи, / И ропщут еле слышно, журчат – журчат всегда».

Адаптируя текст для восприятия его русским читателем, Бальмонт прибегает к приему доместикации: лилии у него «сомкнуты в хоровод», народный танец восточных славян. Кроме того, в духе православной традиции переводчик называет загадочный край «тихой обителью», а чудеса природы – «тайнствами».

Если Бальмонт отстаивает позицию творческой свободы, то его «соперник» по переводам **В. Я. Брюсов** (1873–1924) выступает за точность в передаче как содержания, так и формы подлинника. По выражению О. В. Матвиенко, фирменный знак его переводов – «чистота, строгие пропорции и четкость линий, своего рода переводческий академизм» [Матвиенко 2018: 106].

Перевод Брюсовым «Страны снов» характеризуется более бережным отношением к стилевым и версификационным особенностям подлинника. Воссоздавая размер оригинала, избыточный множественными нарушениями ритма, переводчик использует чередование строф с четырехстопным хореем и пятистопным ямбом. В хореических строфах преобладают глаголы движения, создающие динамику в описании природы:

*Горы рушатся всечасно
В океан без берегов,
Что валы вздымает властно
До горящих облаков.*
[По 1924: 56]

Беспредельность ландшафта раскрывается в более длинных ямбических строфах. При этом обилие в них абстрактных существительных нередко затрудняет восприятие текста:

*Озер просторы, странно полноводных,
Безмерность вод, – и мертвых, и холодных,
Недвижность вод, – застывших в мгле бессилий
Под снегом наклоненных лилий.*
[там же: 56]

Стремясь к формальной точности, Брюсов в некоторых случаях прибегает к приему калькирования. Следуя за текстом Эдгара По, переводчик называет тени умерших друзей ("Shrouded forms", "White-robed forms") «формами», что в русском тексте выглядит несколько искусственно. Причем у Брюсова они «идут <...> в агонии». Но если в английском языке "agony" – это сильная боль и страдание ("extreme physical or mental pain" [Oxford Advanced Learner's Dictionary]), то в русском языке агония – «предсмертное состояние организма», сопровождающееся «удушьем» и «утратой сознания» [Словарь русского языка 1999]. Вполне очевидно, что в таком состоянии едва ли возможно куда-либо идти:

*Формы, в саванах унылых,
Формы в белом, тени милых,
Что идут со стоном там,
В агонии, предаваясь и Земле и Небесам!*
[там же: 57]

Скорее всего, Брюсову был известен перевод Бальмонта, о чем свидетельствуют схожая лексика и общие рифмы², обилие анжамбеманов и ассонансов на [о]. Оба поэта-символиста не упоминают образ вампира, чуждый русской ментальности; вместо этого они «населяют» пруд существами женского пола: у Бальмонта встречаем «ведьм», у Брюсова – «колдуний». В пейзажных описаниях Брюсов подчеркивает враждебность окружающей среды, ее опасность для человека: роса в его тексте «едкая», а просторы «странно» полноводные.

Еще раз к переводу стихотворения обратилась **Н. Д. Вольпин** (1900–1998), советская поэтесса и переводчица, блестяще владеющая английским, немецким, французским, латинским, туркменским языками. Среди ее творческого наследия – переводы И. В. Гёте, В. Скотта, Дж. Г. Байрона, Э. По, Э. Бронте, Дж. Голсуорси др. По словам В. А. Черкасова и К. В. Смирнова, близость пе-

реводчицы к С. А. Есенину и общение с представителями литературных направлений Серебряного века «в значительной мере предопределили ее мировоззренческие ориентиры, сформировав склонность к имажинизму», что отразилось в богатой метафорике ее переводов [Черкасов, Смирнов 2021: 156].

Вольпин сохраняет в переводе размер подлинника (четырёхстопный хорей), однако обилие пиррихий и анакруз приглушает неуместную жизнерадостность этого размера. Поскольку длина слов в русском языке больше, чем в английском, переводчице приходится отказываться от эпитетов, передающих безграничность ландшафта. Путем подбора существительных ей удается компенсировать эту утрату: она упоминает не долину ("vale"), а бездну, не моря ("seas"), а океаны. Страна снов разрастается у Вольпин до космических масштабов: она описывается как «пустыня тьмы и хлада» и располагается не просто на краю земли, но на краю Вселенной, «за кругом земель, за хором планет» [По 1988: 143]. Возможно, новое пространственное измерение, которое возникает в переводе Вольпин, отражает дух познания XX в., когда представители русского космизма (Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский) вдохновляли людей на покорение космоса – этой новой «дальней Фулы» человечества.

Пейзаж у Вольпин одухотворен: лирический герой постоянно ощущает присутствие незримо-го наблюдателя: «Где кто-то, росной мглой укрыт, / Сам незрим, на вас глядит». Ожившая природа ощущается «оробелым» путником как чужая и враждебная, а ее болотистые земли названы «недобрыми» и «неприятными». Однако появление теней прошлого наполнено эмоциональной теплотой: «В саванах проходят мимо / Призрак друга, тень любимой – / Вздогнут и проходят мимо <...>» [По 1988: 145].

Можно предположить, что изображение природы в переводе Вольпин отчасти вдохновлено картиной русской зимы. Так, описание белых, как снег, лилий ("the snows of the lolling lilly") становится более живописным благодаря «зимней» метафоре: лилии застыли на водоеме «снежным платом». Это также может быть искусствоведческой аллюзией – намеком на импрессионистскую манеру Клода Моне и его цикл «Водяные лилии» (1889–1926). Тени прошлого облачены у Вольпин в «белую ризу» – метафора из церковного обихода, которая в русской поэзии вызывает ассоциации со снежным покровом (ср. лермонтовский перевод из Гейне: «И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим / Одета, как ризой она <...>»).

Данный перевод отличает тщательно подобранная, незатертая лексика: «прибрел», «чаша»,

«дебри», «поникшие», «целитель» и т. д. Подобно Бальмонту и Брюсову, переводчица активно использует фонетические приемы: ассонансы на «а» и «о» («К небу взносятся моря, / В его огне огнем горя»), аллитерации на сонорные согласные и звук «с», помогающие передать журчание ручьев («В сонном хладе сонмы лилий»), обилие свистящих и шипящих, воспроизводящих змеиное шипение («По расселинам и в чащах <...> / В дебрях, змеями кишасших»). Главным обитателем болота становится Вампир: «На трясине, где Вампир / Правит пир». Среди всех упомянутых переводов это наиболее точная передача английского слова "Ghouls". Русской поэтессе удается сохранить версификационную особенность подлинника – строка, в которой упоминается этот мифологический персонаж, укорочена в два раза, в ней только две стопы (ср: "By the dismall tarns and pools / Where dwell the Ghouls").

Таким образом, в «Стране снов» отчетливо проявилось мастерство Э. По в создании готического пейзажа и сконцентрировались важнейшие мотивы его творчества. История русской переводческой рецепции произведения демонстрирует эволюцию подходов к передаче готической поэтики оригинала, особенности развития русской переводческой школы в XIX–XX вв., а также черты индивидуального переводческого стиля. В любительском переводе С. А. Андреевского описание фантазмагоричной Страны снов приближено к миру волшебной сказки. Существенный недостаток данного перевода – практически полное элиминирование элементов готики. Неудачно подобранный размер, искусственные обороты можно объяснить особенностями переводческой техники XIX в. Прочтения К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова представляют собой совершенно другой уровень: поэты Серебряного века стремятся создать текст, равный оригиналу по своим художественным достоинствам. Благодаря эффектной звукописи и различным приемам суггестии они передают ощущение зыбкости, нагнетают мрачную и тревожную атмосферу. При этом Брюсов создает более академичный и близкий к подлиннику текст, в то время как Бальмонт несколько оттесняет Э. По в тень и позволяет проявиться своему собственному декоративному стилю, насыщенному гиперболлами, романсовыми штампами и элегическими оборотами. Усвоив опыт предшественников, представительница советской школы перевода Н. Д. Вольпин публикует свой вариант стихотворения, в котором гармонично сочетаются формальная точность и поэтическая выразительность. Главные особенности ее прочтения – живой и естественный язык, обращение к образу

русской зимы при описании природы и новая пространственная трактовка Страны снов, которая обретает теперь космический масштаб.

Примечания

¹ Здесь и далее стихотворение Э. По цитируем без указания страниц по изданию [Пое 2023].

² См. у Бальмонта: «Бездонные долины, безбрежные потоки», «<...> в моря без берегов», «<...> к пожару горящих облаков». (Ср. у Брюсова: «Бездонный дол, безмерности потока», «В океан без берегов», «К пожару горящих облаков»).

Список литературы

Головачева И. В., Удалова С. Ю. О ретрансляции двойственности: к новым пере-переводам двух новелл Эдгара По // Литература двух Америк. 2020. № 8. С. 435–462. doi 10.22455/2541-7894-2020-8-435-462.

Дементьева А. В. Современные и классические переводы стихотворения Э. А. По «Ворон»: проблема интерпретации авторской системы образов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: Реферативный журнал. М.: ИНИОН РАН, 2022. № 3. С. 120–144. doi 10.31249/lit/2022.03.08.

Дмитриева Л. П. Цикл детективных новелл Эдгара Аллана По и его рецепция в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 19 с.

Жаткин Д. Н., Рябова А. А. В. Е. Чешихин (Ч. Ветринский) – переводчик «Ворона» Эдгара Аллана По // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 366–369. doi 10.26140/bgз3-2019-0802-0089.

Жиронкина О. А. К. Д. Бальмонт и В. Я. Брюсов: состязание в поэтической практике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.

Коноваленко А. Г. Баллады Э. По в переводе В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 22 с.

Кононова Ж. А. Переводческая деятельность К. Бальмонта в контексте развития русской переводческой школы // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 2015. Вип. 1. С. 101–110.

Кузьмичев А. И. Форбс Э. Эдгар Аллан По и великое проклятое болото: раса и окружающая среда после эстетического поворота // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. № 1. С. 150–153.

Матвиенко О. В. Прекрасная Елена глазами американского романтика и русских переводчи-

ков (к истории русской рецепции стихотворения "To Helen" Э. А. По) // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М.: Флинта: Наука, 2018. Вып. 10. С. 96–128.

Нестерова Е. К. Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон» // Тетради переводчика. 1974. Вып. 11. С. 22–36.

Осипова Э. Ф. О переводах Эдгара По в России // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 141–155. doi 10.22455/2541-7894-2017-2-141-155.

По Э. Страна снов / пер. с англ. С. А. Андреевского // Андреевский С. А. Стихотворения. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1898. С. 237–239.

По Э. Страна снов / пер. с англ. К. Д. Балмонта // Собрание сочинений Эдгара По: в 4 т. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1901. Т. 1. С. 48–50.

По Э. Страна снов / пер. с англ. В. Я. Брюсова // Эдгар По. Полное собрание поэм и стихотворений. М.; Л.: Гос. изд-во «Всемирная литература» 1924. С. 56–57.

По Э. Страна сновидений / пер. с англ. Н. Д. Вольпин // По Э. Стихотворения. М.: Радуга, 1988. С. 143–145.

Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Черкасов В. А., Смирнов К. В. Римская элегия В. И. Гете: два взгляда на интерпретацию // Научно-практический журнал «Заметки ученого». 2021. № 12 (2). С. 154–159.

Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.

Bailey J. O. The Geography of Poe's «Dream-Land» and «Ulalume» // Studies in Philology. 1948. Vol. 45, № 3. P. 512–523.

Brickey R. Poe's Dark Sublime and the Supernatural // English Studies. 2019. Vol. 100, № 7. P. 785–804. doi 10.1080/0013838X.2019.1672448

Eddings D. W. Poe's «Dream-Land»: Nightmare or Sublime Vision? // Poe Studies. 1975. Vol. VIII, № 1(8). P. 5–8. doi 10.1111/j.1754-6095.1975.tb00244.x

Forbes Erin E. Edgar Allan Poe and the Great Dismal Swamp: Reading Race and Environment after the Aesthetic Turn // Modern Philology. 2016. № 114 (2). P. 359–387. doi 10.1086/687366

Lei Jin. Poe's landscape: dreams, nightmares, and enclosed gardens // Forum for World Literature Studies. 2013. Vol. 5, № 1. P. 36–51.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 17.05.2025).

Poe E. A. Dream-land // Edgar Allan Poe. Ultimate Collection. Czechia: Good Press, 2023. URL: <https://books.google.de/books?id=T9PmEAAAQBAJ> (дата обращения: 17.05.2025).

Ronnick M. V. Seneca's Medea and Ultima Thule in Poe's 'Dream-Land' // Poe Studies. 1995. Vol. 27. No. 1/2. P. 40–42. doi 10.1111/J.1754-6095.1995.TB00074.X

References

Golovacheva I. V., Udalova S. Yu. Retranslating ambiguity: on the new translations of two tales by E. A. Poe. *Literature of the two Americas*, 2020, issue 8, pp. 435–462. doi 10.22455/2541-7894-2020-8-435-462. (In Russ.)

Dement'eva A. V. Modern and classical translations of "The Raven" by E. A. Poe: The problem of interpretation of the motif system. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7. Literary Studies*, 2022, issue 3, pp. 120–144. doi 10.31249/lit/2022.03.08 (In Russ.)

Dmitrieva L. P. *The cycle of detective stories by Edgar Allan Poe and its reception in Russia in the 19th – early 20th centuries*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2010. 19 p. (In Russ.)

Zhatkin D. N., Ryabova A. A., V. E. Cheshikhin (Ch. Vetrinsky) as a translator of "The Raven" by Edgar Allan Poe. *Baltic Humanitarian Journal*, 2019, issue 2 (27), pp. 366–369. doi 10.26140/bg23-2019-0802-0089 (In Russ.)

Zhironkina O. A. *K. D. Balmont and V. Ya. Bryusov: poetic competition*. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.)

Konovalenko A. G. *Edgar Poe's ballads translated by V. Bryusov*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2007. 22 p. (In Russ.)

Kononova Zh. A. Translation works of K. Balmont in the context of the development of Russian translation school. *Naukovi zapiski Kharkivs'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu imeni G. S. Skovorodi*, 2015, issue 1, pp. 101–110. (In Russ.)

Kuz'michev A. I., Forbes E. Edgar Allan Poe and The Great Dismal Swamp: Reading race and environment after the aesthetic turn. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2018, issue 1, pp. 150–153. (In Russ.)

Matvienko O. V. "Beautiful Helen" as seen by the American Romanticist and Russian translators (exploring the Russian reception of Edgar Allan Poe's "To Helen"). *Literary Translation and Comparative Literary Studies*. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2018, issue 10, pp. 96–128. (In Russ.)

Nesterova E. K. Russian translations of Poe's poem "The Raven". *Translator's Workbooks*. Moscow, 1974, issue 11, pp. 22–36. (In Russ.)

Osipova E. F. On Poe's translations in Russia. *Literature of the Americas*, 2017, issue 2, pp. 141–155. doi 10.22455/2541-7894-2017-2-141-155 (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by S. A. Andreevskiy. In S. A. Andreevskiy. *Poems*. St. Petersburg, Publishing House of A. S. Suvorin, 1898, pp. 237–239. (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by K. D. Balmont. *Collected Works of Edgar Poe*. In 4 vols. Moscow, Skorpion Publ., 1901, vol. 1, pp. 48–50. (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by V. Ya. Bryusov. In Edgar Poe. *The Complete Collection of Poems and Poetry*. Moscow, Leningrad, Vsemirnaya literatura Publ., 1924, pp. 56–57. (In Russ.)

Poe E. Dream-Land. Transl. from English by N. D. Vol'pin. In Edgar Poe. *Poetry*. Moscow, Raduga Publ., 1988, pp. 143–145. (In Russ.)

Propp V. Ya. *The Historical Roots of the Fairytale*. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)

Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russ.)

Cherkasov V. A., Smirnov K. V. Roman Elegy by J. W. Goethe: Two views on interpretation. *Nauchno-prakticheskii zhurnal «Zametki ucheno-go»*, 2021, issue 12 (2), pp. 154–159. (In Russ.)

Shirokova N. S. *Celtic Culture and the Nordic Tradition of Antiquity*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

Bailey J. O. The geography of Poe's "Dream-Land" and "Ulalume". *Studies in Philology*, 1948, vol. 45, issue 3, pp. 512–523. (In Eng.)

Brickey R. Poe's Dark Sublime and the Supernatural. *English Studies*, 2019, vol. 100, issue 7, pp. 785–804. doi 10.1080/0013838X.2019.1672448 (In Eng.)

Eddings D. W. Poe's "Dream-Land": nightmare or sublime vision? *Poe Studies*, 1975, vol. VIII, issue 1 (8), pp. 5–8. doi 10.1111/j.1754-6095.1975.tb00244.x (In Eng.)

Forbes Erin E. Edgar Allan Poe and the Great Dismal Swamp: Reading race and environment after the aesthetic turn. *Modern Philology*, 2016, issue 114 (2), pp. 359–387. doi 10.1086/687366 (In Eng.)

Lei Jin. Poe's landscape: dreams, nightmares, and enclosed gardens. *Forum for World Literature Studies*, 2013, vol. 5, issue 1, pp. 36–51. (In Eng.)

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 17 May 2025). (In Eng.)

Poe E. A. Dream-Land. In *Edgar Allan Poe. Ultimate Collection*. Czechia, Good Press, 2023. Available at: <https://books.google.de/books?id=T9PmEAAQBAJ> (accessed 17 May 2025). (In Eng.)

Ronnick M. V. Seneca's Medea and Ultima Thule in Poe's Dream-Land. *Poe Studies*, 1995, issue 28, pp. 40–42. doi 10.1111/J.1754-6095.1995.TB00074.X (In Eng.)

Информация об авторе

Кузьмина Александра Викторовна

старший преподаватель кафедры романской филологии и зарубежной литературы
Донецкий государственный университет
283001, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24

a.shersh@bk.ru

SPIN-код: 2460-6396

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4297-333X>

ResearcherID: OHU-7615-2025

Статья поступила в редакцию 03.12.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 19.03.2026

Information about the author

Aleksandra V. Kuzmina

Senior Lecturer in the Department of Romance Philology and Foreign Literature
Donetsk State University
24, Universitetskaya st., Donetsk, Donetsk People's Republic, 283001, Russia

a.shersh@bk.ru

SPIN-код: 2460-6396

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4297-333X>

ResearcherID: OHU-7615-2025

Submitted 03 Dec 2025; revised 14 Jan 2026; accepted 19 Mar 2026

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1:004.032.6 + 342.8 + 316.77:324

doi 10.17072/2073-6681-2026-2-136-145

EDN FXASNN

<https://elibrary.ru/fxasnn>

Роль электоральной журналистики в избирательной кампании участника специальной военной операции (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 2024)

Дмитриев Владимир Александрович

Уральский федеральный университет

имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина

plaza_pr@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается роль электоральной журналистики в избирательной кампании участника специальной военной операции в региональный парламент Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на довыборах 2024 г. по Югорскому одномандатному избирательному округу № 2. Актуальность темы связана с тем, что надежды на будущее России связываются сейчас с приходом бывших фронтовиков – участников СВО во власть. Изучение удачного опыта освещения такой электоральной кампании составляет потребность сегодняшнего дня. Практическое значение полученных результатов исследования определяется их общественной значимостью. Теоретическое значение исследования детерминировано гипертекстуальностью современного мышления, связано с дискурсом фрагментарной (клиповой) информации для типологизации электоральных СМИ. Эмпирическую базу составили материалы избирательной кампании участника СВО Дмитрия Аксёнова. Автором осуществлен контент-анализ формирующих образ кандидата публикаций в печатных и электронных СМИ; проведена сплошная выборка новостных телесюжетов и телевизионных программ, социальных медиа и пабликов. Отбор материалов выполнен методом включенного наблюдения. Показана роль СМИ на соответствующих избирательному законодательству РФ информационном и агитационном этапах избирательной кампании. Анализ предвыборных материалов в местных и региональных СМИ выявил, что в избирательной кампании участника СВО использован классический профессиональный политтехнологический инструментарий. Журналисты формировали образ «сильной личности», содержащий «военный» и «гражданский» компоненты. Такой подход позволил создать образ кандидата целостно, не фиксируя его участие в СВО как единственную сильную сторону. Были показаны как военные заслуги кандидата – краповый берет, командование батальоном «Югра», боевые награды, так и его профессиональные компетенции. Основой «гражданского» компонента стали три диплома о высшем образовании Дмитрия Аксёнова и двадцатилетний опыт его работы в Думе Югры.

Ключевые слова: электоральная журналистика; избирательная кампания; ХМАО – Югра; участник СВО; агитационные материалы; образ кандидата.

Для цитирования

Дмитриев В. А. Роль электоральной журналистики в избирательной кампании участника специальной военной операции (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 2024) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 2. С. 136–145. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-136-145. EDN FXASNN

The Role of Electoral Journalism in the Election Campaign of a Special Military Operation Participant (Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, 2024)

Vladimir A. Dmitriev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
plaza_pr@mail.ru

Abstract. The article discusses the role of electoral journalism in the election campaign of a participant in a special military operation (SVO) who stood as a candidate in elections to the regional parliament of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra in the by-elections of 2024 in the Yugra single-mandate constituency No. 2. The topic is highly relevant today as hopes for the future of Russia are now associated with the arrival of military veterans – former SVO participants – into power. Studying the successful experience of covering such electoral campaigns is a necessity of today. The practical significance of the research results is determined by their social significance. The theoretical significance of the research is determined by the development of a discursive hypertextual approach to the analysis of event coverage and is related to the problem of electoral media typology. The empirical basis of the study consists of materials from the election campaign of Dmitry Aksenov. The author of the article conducted a content analysis of publications in print and electronic media that formed the candidate's image; a comprehensive selection of TV news reports and television programs, social media, and public accounts was performed. The materials were selected using the method of included observation. The article shows the role of the media at the information and campaigning stages of the election campaign, these held in accordance with the electoral legislation of the Russian Federation. An analysis of election materials in local and regional media has shown that the election campaign of the SVO participant used classic professional political technology tools. The journalists formed an image of a "strong personality" containing "military" and "civilian" components. This approach made the candidate's image holistic, without emphasizing his participation in the SVO as his sole strength. The candidate's military achievements, such as the *krapovy beret* (maroon beret), his being the commander of the "Yugra" battalion, and his military awards, were showcased along with his professional competencies. The "civilian" component was demonstrated based on Aksenov's three higher education diplomas and his twenty years of experience in the Duma of Yugra.

Keywords: electoral journalism; regional election campaign; Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra; special military operation participant; campaign materials; candidate's image.

For citation

Dmitriev V. A. The Role of Electoral Journalism in the Election Campaign of a Special Military Operation Participant (Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, 2024)]. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 2, pp. 136–145. doi 10.17072/2073-6681-2026-2-136-145. EDN FXASNN (In Russ.)

Объект исследования

Избирательный процесс в современной России – тема, актуальная для исследования в различных аспектах, в том числе с точки зрения политологии, социологии, истории, юриспруденции, теории и практики журналистики.

Широко используемое понятие «современная Россия» означает, что в 1991 г. Россия была признана правопреемником СССР. По общему согласию государств – участников СНГ было решено рассматривать Россию в качестве государства – продолжателя СССР со всеми вытекающими из этого последствиями. Одним из первых случаев использования понятия «избирательный процесс» в официальных документах современ-

ной России считается его применение в названии и тексте распоряжения Президента Российской Федерации от 01.11.1994 № 558-рп «О федеральной программе повышения правовой культуры избирателей – граждан Российской Федерации, организаторов избирательного процесса и представителей общественных объединений Российской Федерации». Избирательный процесс – это урегулированная законодательством совокупность стадий (этапов), действий и процедур, посредством которых участники выборов реализуют свои субъективные избирательные права и соответствующие юридические обязанности. Избирательный процесс рассматривают как процедуру осуществления народовластия.

Электоральная журналистика как участник избирательного процесса представляет собой особый тип средств массовой информации (СМИ), создаваемых субъектами избирательного процесса для широкой специальной аудитории избирателей [см.: Исхаков, Карамов 2023: 136]. Электоральная журналистика – это превращенная форма политической картины мира, которая в агитационно-пропагандистских нарративах отражает систему ценностей и ценностных ориентаций различных социальных групп избирателей.

Обзор литературы

Роль СМИ в избирательном процессе является предметом изучения в большом количестве работ, основанных на общероссийском и региональном материале. Среди них имеются исследования, анализирующие специфику современных электоральных технологий в России и технологии работы со СМИ во время избирательной кампании в российском регионе [Агеев, Мешков 2022; Балашова 2007; Беда 2010; Малкин, Сучков 2006; Мирошниченко 2003 и др.]. Отдельные работы раскрывают роль СМИ, в том числе региональных, в формировании политического имиджа кандидатов и электорального поведения избирателей [Грошев 2019; Кормазов 2006; Невская 2008; Паликова 2011 и др.].

В последние годы в исследованиях по электоральной технологии кандидатам в депутаты и действующим депутатам предлагаются практические рекомендации для победы на выборах, последующей успешной работы и управления репутацией политика, в том числе рассматривается организация взаимодействия с избирателями и СМИ [Агеев, Мешков 2022; Игнатов 2020; Стулова 2020]. Ряд авторов анализируют СМИ как административный ресурс в избирательном процессе [Исхаков, Карамов 2023]. Есть работы, посвященные правовым основам деятельности СМИ в избирательных кампаниях [Кучин 2006; Пашков 2015 и др.].

Современные избирательные кампании анализируются политологами, историками и журналистами на электоральном материале Кемерово [Шапкина 2015] и Краснодара [Дроздецкая 2004], Краснодарского края, Астраханской и Волгоградской областей [Чешенова 2012], Псковской [Кучанов 2005], Ярославской [Тюрин 2006], Свердловской [Джабасов 2000; Исхаков, Карамов 2023], Читинской [Паликова 2011] областей, Карачаево-Черкесской Республики [Кормазов 2006] и других регионов России. Избирательные кампании на уровне региона интересны своим многообразием и индивидуальностью каждого субъекта РФ с учетом сложившейся специфики, политического ландшафта и прочих особенностей.

Дискуссия

В 2023 г. в электоральной истории Российской Федерации была открыта новая страница – на избирательных кампаниях всех уровней стали баллотироваться участники и ветераны СВО. Информационное освещение данных избирательных кампаний стало ступенью развития современной российской электоральной журналистики. Целью данной статьи является анализ избирательной кампании Дмитрия Аксёнова на основе изучения предвыборных материалов в региональных и местных средствах массовой информации. Участник СВО одержал победу в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на довыборах в региональный парламент. «Впервые о том, чтобы задействовать ветеранов в избирательных кампаниях, власти заговорили в начале 2023 года. В послании Федеральному собранию президент Владимир Путин заявил, что проявившие себя солдаты и офицеры должны “в приоритетном порядке” продвигаться по карьерной лестнице» (Ветеранское движение).

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на заседании Совета законодателей в Санкт-Петербурге 26 апреля 2024 г., подчеркнул важность привлечения ветеранов СВО на выборы всех уровней: «Уже начала действовать специальная кадровая программа “Время героев”. Это солдаты, офицеры, показавшие в боевой обстановке настоящий характер, лидерские, высокие человеческие качества. Уверен, что так же достойно они проявят себя и в будущей работе в органах власти, в области образования, наставничества, на ведущих позициях во всех сферах. Очень рассчитываю, что и политические партии будут активно выдвигать и поддерживать таких кандидатов в ходе избирательных кампаний на всех уровнях. Это не какая-то кампания, я хочу, чтобы это было понятно для всех. Это просто та среда, те люди, из которых мы должны черпать кадры и из которых мы должны выбирать на будущую работу людей, которые готовы служить России, которые служат России и сейчас, не жалея себя, своего здоровья и жизни» («Особые люди»).

Парламентские политические партии активно вовлекают участников и ветеранов СВО в электоральные процессы. В Единый день голосования 8 сентября 2024 г. 308 участников СВО, баллотировавшихся от ВПП «Единая Россия», получили депутатские мандаты. «Более 80 % участников спецоперации из числа тех, которые были выдвинуты “Единой Россией” на прошедших выборах разного уровня в регионах, получают мандаты, из 380 человек победили 308 человек. Такие данные на пресс-конференции в ТАСС представил врио секретаря генсовета партии Владимир Якушев» (ТАСС).

09 сентября 2024). Одним из депутатов, выдвинутых «Единой Россией» на выборы 2024 г., стал Дмитрий Александрович Аксёнов.

Одномандатный избирательный округ № 2 для проведения выборов депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры включает в себя город Югорск, городское поселение Советский, а также городские поселения Агириш, Зеленоборск и Коммунистический. На территории избирательного округа зарегистрировано около 53 000 избирателей. Действует широкий спектр муниципальных медиаресурсов. В их числе телеканал «Первый Советский», два печатных СМИ – газеты «Первая Советская» и «Югорский Вестник», два сетевых издания – 1sov.news и ugorskinfo.ru, информационно-издательский центр и информгентство «2города», многочисленные социальные медиа и паблики.

Электоральная активность кандидата началась во второй половине мая 2024 г., именно тогда он впервые появился на территории избирательного округа. До единого дня голосования (8 сентября 2024 г.) оставалось менее четырех месяцев. За короткий период времени политтехнологической команде предстояла задача не только нарастить кандидату узнаваемость, в первую очередь с помощью СМИ, но и обеспечить уровень рейтинга, необходимый для избрания депутатом в условиях сложной конкурентной избирательной кампании. Как показывает электоральная история округа, большинство избирателей являются лично ориентированными, то есть ориентированными не на программу или партию, а на личный положительный образ кандидата или партийного лидера. «Сформировать образ – значит “наложить” кандидата на избирателей – определить, какому из стандартных типажей в наибольшей степени соответствует его личность и биография» [Малкин, Сучков 2006: 103].

Стратегия кампании Дмитрия Аксёнова строилась на основе устойчивого позитивного образа кандидата, исходя из его биографии. Образ «сильная личность» стал наиболее актуальным и формировался из двух компонентов: «военного» (участник СВО, командир батальона «Югра», ветеран спецназа, краповый берет, подполковник) и «гражданского» (три высших образования, 20 лет работы в Думе ХМАО – Югры в отделе организационного обеспечения аппарата). При формировании политического имиджа кандидата избирателю был донесен тезис, что Аксёнов – это не только участник СВО, не только человек с военным и боевым опытом, командующий батальоном, но и специалист, обладающий уникальными «гражданскими» компетенциями и навыками, позволяющими эффективно работать депутатом сразу после избрания.

Позиционирование кандидата в средствах массовой информации проходило в два этапа. Первый – *информационный*: от участия во внутрипартийном голосовании до подачи документов в избирательную комиссию. Второй – *агитационный*: от официальной регистрации кандидатом до единого дня голосования.

Информационный этап

В электоральной истории Ханты-Мансийского автономного округа Дмитрий Аксёнов стал первым участником СВО, баллотирующимся в Думу региона, а его кампания была единственной кампанией данного уровня в 2024 г. В связи с вышеотмеченным кандидат с самого начала попал в региональную информационную повестку. Материалы об избирательной кампании Аксёнова регулярно выходили в региональных СМИ, а также в СМИ муниципалитетов, не входивших в одномандатный округ № 2.

Приведем ряд примеров.

Сайт «Югра ньюс» (ugra-news.ru), электронная версия газеты «Новости Югры», 10 июля 2024 г.: «Официально начинаю избирательную кампанию. Надеюсь на поддержку и гарантирую, что доверие людей оправдаю делами. Нацелен на победу! Служу Отечеству!» – сообщил Аксёнов в своих соцсетях, отметив, что его аккаунты переходят в режим предвыборного дневника» (Шкляр).

Газета «Вестник Сургутского района», 10 июля 2024 г., электронная версия: «Дмитрий Аксёнов подал документы в ТИК Югорска на выдвижение в качестве кандидата в депутаты Думы ХМАО. Его предшественник Петр Созонов отказался от мандата» (Дроздецкая).

Окружная телерадиокомпания «Югра», служба информации, сюжет «Дмитрий Аксёнов представит “Единую Россию” на довыборах в Думу Югры»: «Вопрос о выдвижении ветерана специальной военной операции, командира батальона “Югра”, победителя предварительного голосования “Единой России” Дмитрия Аксёнова кандидатом на дополнительных выборах депутата думы Югры седьмого созыва по югорскому одномандатному избирательному округу № 2 рассмотрели члены президиума регионального политического совета партии» (Дмитрий Аксёнов представит «Единую Россию»...).

Информационный этап избирательной кампании Дмитрия Аксёнова развивался в трех направлениях: 1) публикации в печатных и электронных СМИ; 2) новостные телесюжеты и телевизионные программы; 3) социальные медиа.

1. Публикации в печатных и электронных СМИ

Газета «Первая Советская» от 22 мая 2024: «Знакомьтесь – «Батя»!»:

«В Советском районе с рабочей поездкой побывал командир батальона «Югра» подполковник Д. А. Аксёнов. Он участвует в предварительном голосовании партии «Единая Россия» по отбору кандидатов на довыборы в региональную Думу по одномандатному избирательному округу № 2, который включает в себя города Югорск и Советский, а также три посёлка Советского района – Агириш, Зеленоборск и Коммунистический» (Редькин 2024: 4–5).

Сайт ВПП «Единая Россия» в ХМАО (hmao.er.ru), 16 мая 2024 г.: «Участник предварительного голосования “Единой России”, командир батальона “Югра”, подполковник Дмитрий Аксёнов посетил Советский. Этой осенью жители города будут выбирать депутата в региональную Думу по Югорскому одномандатному избирательному округу № 2. В рамках избирательной кампании Дмитрий Аксёнов встретился с сотрудниками Советской районной больницы, работниками учреждений культуры, образования и спорта, представителями Югорского лесопромышленного холдинга, преподавателями и студентами политехнического колледжа. Участник предварительного голосования ответил на вопросы жителей и рассказал, почему для него важно быть полезным югорчанам» (Дмитрий Аксёнов встретился с жителями ...). 17 мая 2024 г. этот же текст был размещен в сетевом издании lsov.news.

2. Новостные телесюжеты и телевизионные программы

В период избирательной кампании наиболее активно используется интервью. Этот жанр привлекает возможностью не только осветить какое-то актуальное событие через высказывания политика, причастного к данному событию, не только выяснить мнение этого политика по различным социально значимым вопросам, но и проникнуть во внутренний мир человека, выявить те или иные черты его личности. То, что беседа ведется между политиком и «независимым» журналистом, придает большую степень достоверности образу кандидата. Краткое представление лидера, которое, как правило, предваряет интервью, может стать хорошим подспорьем, настраивающим читателя на более адекватное восприятие последующих высказываний интервьюируемого [Аксёнов 2013: 71].

Окружная телерадиокомпания «Югра» в рамках проекта «Югра – территория безопасности» 8 июня 2024 г. разместила в эфире «Большое интервью с экс-командиром батальона “Югра” Дмитрием Аксёновым».

«Сегодня у нас особенный гость – это Дмитрий Александрович Аксёнов. До начала войны он работал на достаточно серьезной должности в окружной Думе Югры. С началом мобилизации,

тогда еще майор запаса, ветеран войск специального назначения и кавалер Ордена мужества, получивший боевой опыт в ходе второй чеченской кампании, не смог оставаться в стороне и принял на себя командование батальоном, преимущественно в котором служат югорчане» (Большое интервью ...).

Программа «Герой нашего времени» в эфире телеканала «Первый Советский» от 8 августа 2024 г. продолжает формирование образа кандидата: «Дмитрий Аксёнов – современный богатырь или герой нашего времени»; «Его сдачу на краповый берет снимал Первый канал»; «За спасением дворняги следил весь округ»; «На мотоцикле он объехал полмира»; «Бойцы его батальона пишут про него песни и называют «Батя» («Герой нашего времени»...).

3. Социальные медиа

«Наш Югорск», официальная группа администрации города, 16 мая 2024 г.: «Визит Дмитрия Аксёнова в Югорске. Югорск посетил командир батальона «Югра» Дмитрий Аксёнов. Участник боевых действий провел встречу со студентами и преподавателями ЮПК. Дмитрий Аксёнов рассказал о своем боевом опыте и ответил на вопросы молодежи» (Визит Дмитрия Аксёнова ...).

При выборе каналов распространения рекламных обращений теории и практики политического менеджмента отдают предпочтение аудиовизуальным коммуникациям и печатным формам рекламы (данные исследований показывают, что наибольшее влияние на избирателей оказывает телевидение и непосредственные встречи с кандидатами). Это не умаляет значительной роли, которую играет в реализации рекламной стратегии периодическая печать [Аксёнов 2013: 63].

Агитационный этап

Задачи агитации на соответствующем этапе избирательной кампании Дмитрия Аксёнова были реализованы в основном через печатные СМИ. Помимо периодической печати, на данном этапе кампании был задействован собственный агитационный печатный материал (АПМ) газетного типа.

В газетах «Первая Советская» и «Югорский Вестник» был опубликован материал в жанре *портретного очерка* «Беседы с Комбатом». С учетом местной специфики, территориальной проблематики и муниципальной субъектности материал вышел в двух вариантах, с незначительными изменениями. Газета «Первая Советская» от 14 августа 2024 г. опубликовала очерк члена Союза писателей России Олега Яненагорского «Беседы с комбатом на советской земле». В газете «Югорский Вестник» от 15 августа 2024

г. очерк вышел с названием «Беседы с комбатом на югорской земле». Автор очерка пишет: «Дмитрия Александровича Аксёнова (на фото), командира батальона «Югра», я знаю недолго – всего двенадцать лет. Наше знакомство состоялось после моего трудоустройства в Думу ХМАО Югры, а Дмитрий Александрович уже давно работал там. Бывшего капитана российского спецназа, в это время – начальника отдела организационного обеспечения деятельности Думы – я выделял среди остальных сотрудников, он мне был душевно близок» (Яненагорский 2024а: 5; Яненагорский 2024б: 3).

Следующий и финальный агитационный материал кандидата Дмитрия Аксёнова, представляющий его *программу*, вышел в периодической печати в едином формате в двух муниципальных газетах – «Первая Советская» от 28 августа 2024 г. и «Югорский Вестник» от 29 августа 2024 г. «Уверен, у меня много единомышленников. Я чувствую вашу поддержку. Благодарю вас за это. Когда я выдвинулся как кандидат в депутаты по Югорскому избирательному округу, я руководствовался больше тем, что здесь был вакантный мандат. Сейчас, когда я 3 месяца каждый день встречаюсь, разговариваю с людьми, участвую в различных мероприятиях, я понимаю существующие проблемы и механизмы их решения. Мой жизненный опыт, юридическое и экономическое образования, профессиональная подготовка – это моя база, на которой я готов строить свою депутатскую работу. Я хочу и могу быть полезным людям. И, конечно, я испытываю огромное чувство ответственности за доверие и поддержку, которые я получаю от вас каждый день», – пишет кандидат, обращаясь к читателям (Программа кандидата ...).

Отличием публикаций агитационного периода является их обязательная оплата со счета кандидата и предварительная регистрация в избирательной комиссии субъекта¹.

15 августа 2024 г. избирательным штабом кандидата Дмитрия Аксёнова был также издан *собственный агитационный печатный материал* (АПМ) газетного типа «Дмитрий Аксёнов. Кандидат в депутаты Думы Югры». Главной публикацией в данном АПМ стало *портретное интервью* «Служу России! Служу Югре!», в котором герой, отвечая на вопросы журналиста, рассказал о различных сферах своей жизни. «Чуть больше двух лет назад наш герой работал начальником отдела организационного обеспечения деятельности окружной Думы и был уверен, что его краповый берет больше никогда не побывает в зоне боевых действий. Но пришла повестка, и боевой офицер, не задумываясь, по-

шёл защищать свою Родину. На наши вопросы отвечает ветеран СВО, подполковник, командир батальона «Югра», кандидат в депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа Дмитрий Аксёнов» (Служу России! ...: 1–2).

Поскольку в классическом портретном интервью главный интерес сосредоточен на «персоне», задача журналиста – помочь ей всесторонне раскрыться при минимальном выражении собственного «я». Роль интервьюера сводится к тому, чтобы подготовить и задать такие вопросы, которые, с одной стороны, станут достаточным стимулом для развернутых реакций интервьюируемого, а с другой – будут содержать необходимую информацию для того, чтобы читатель смог составить свое мнение о герое. Акцент в обработанном варианте психологического интервью-портрета делается на тех вопросах, которые нацелены на выявление особенностей личности интервьюируемого, определение системы его жизненных ценностей [Сахнова 2013: 99].

Заключение

8 сентября 2024 г. участник СВО, экс-командир батальона «Югра» подполковник Дмитрий Аксёнов был избран депутатом Думы Югры по Югорскому одномандатному избирательному округу № 2 (Антипина). Вошел в состав Комитета по бюджету, финансам и налоговой политике. В декабре 2024 г., на XXII съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» Дмитрия Аксёнова выбрали в Генеральный совет партии (Югорский комбат ...).

Анализ данной предвыборной кампании подтверждает, что при возросшей доле электронных СМИ и социальных медиа телевидение и газета остаются обладателями собственной аудитории, сохраняясь как обязательный сегмент электоральной журналистики. Телевизионные и печатные средства массовой информации по-прежнему играют важную роль на выборах всех уровней.

В избирательной кампании участника СВО применялся классический профессиональный политтехнологический инструментарий и проводилась поэтапная работа с каналами массовой коммуникации, использующаяся на выборах всех кандидатов и политических партий. На информационном этапе избирательной кампании были представлены публикации о кандидате в печатных и электронных СМИ, сюжеты в новостных телевизионных программах и в социальных медиа. На агитационном этапе были задействованы местные печатные СМИ, опубликовавшие портретный очерк, портретное интервью кандидата и его программу.

При создании образа «сильная личность», обеспечившего победу кандидата на выборах, было важно сделать данный образ целостным, не фиксируя участие в СВО как его единственную сильную сторону. С помощью СМИ образ «сильная личность» формировался из «военного» и «гражданского» компонентов: были учтены как военные заслуги кандидата, так и его профессиональные компетенции, трудовая биография и жизненный путь до участия в СВО.

На старте кампании превалировал «военный» компонент: краповый берет, ветеран спецназа, боевые награды, командир батальона «Югра», комбат-«Батя». Темы в телевизионных сюжетах и вопросы на встречах с избирателями были исключительно про СВО. На агитационном этапе кампании включился «гражданский» компонент. Основой «гражданского» компонента образа кандидата в избирательной кампании Дмитрия Аксёнова стали три высших образования и его двадцатилетний опыт работы в Думе Югры.

В своей опубликованной программе кандидат, обладающий не только сильным «гражданским» компонентом, но и эксклюзивными преимуществами в сравнении с другими претендентами на депутатский мандат, позиционировался избирателем как знаток проблем территории с высокой вовлеченностью в местную повестку, обладающий профессиональным опытом и налаженными контактами в Думе Югры, чтобы данные проблемы решить в ходе своего депутатского срока.

Примечание

¹Оплачено из средств избирательного фонда кандидата в депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры седьмого созыва по Югорскому одномандатному избирательному округу № 2 Аксёнова Дмитрия Александровича.

Список источников

Антитина Е. Командир батальона «Югра» Аксёнов получил мандат в думе ХМАО // URA.RU. 09 сентября 2024. URL: <https://ura.news/news/1052815136?ysclid=me456vvqym755438655> (дата обращения: 03.03.2025)

Большое интервью с экс-командиром батальона «Югра» Дмитрием Аксёновым // Окружная телерадиокомпания «Югра». 08. 06. 2024. URL: <https://ugra-tv.ru/programs/informatsionno-analiticheskie-programmy/archive/bolshoe-intervyu-s-eks-komandiro-batalona-yugra-dmitriem-aksenovym/> (дата обращения: 10.02. 2025)

Ветеранское движение. Андрей Прах о том, как участников СВО включали во властную вертикаль // Коммерсантъ. 27.12.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402458?ysclid=ma2wa7gf59873538543> (дата обращения: 10.02.2025).

Визит Дмитрия Аксёнова в Югорске // Наш Югорск. Официальная группа администрации города. 16 мая 2024. URL: https://vk.com/video-172754025_456241556?ysclid=ma84hvc0pc88164514 (дата обращения: 10.03.2025).

«Герой нашего времени» от 08.08.2024 // ТК «Первый Советский». URL: <https://rutube.ru/video/9f264c3c30f13cee2be156caad530e56/?ysclid=me42r08bu1411670080> (дата обращения: 10.03.2025).

Дмитрий Аксёнов встретился с жителями города Советского // hmao.er.ru. 16 мая 2024. URL: <https://hmao.er.ru/activity/news/dmitrij-aksyonov-vstretilsya-s-zhitelyami-goroda-sovetskogo?ysclid=me2q3ap6ya770995881> (дата обращения: 10.03.2025);

Дмитрий Аксёнов представит «Единую Россию» на довыборах в Думу Югры // Окружная телерадиокомпания «Югра». 27.06.2024. URL: https://ugra-tv.ru/news/politics/dmitrij_aksyonov_predstavit_edinuyu_rossiyu_na_dovyborakh_v_dumu_yugry/?ysclid=me38lnnpv288182215 (дата обращения: 15.03. 2025).

Дроздецкая К. Командир батальона «Югра» вступил в предвыборную гонку за мандат депутата Думы ХМАО // Вестник Сургутского района. 10.07.2024. URL: <https://vestniksr.ru/news/71648-komandir-batalona-yugra-vstupil-v-predvybornuyu-gonku-za-mandat-deputata-dumy-hmao.html?ysclid=me42hkr8in412607429> (дата обращения: 15.03. 2025).

«Особые люди». Путин открыл ветеранам СВО дорогу во власть в России // aif.ru. 26.04.2024. URL: <https://aif.ru/politics/russia/osobye-lyudi-putin-otkryl-veteranam-svo-dorogu-vo-vlast-v-rossii> (дата обращения: 10.03. 2025).

Программа кандидата в депутаты Думы Ханты-Мансийского округа-Югры седьмого созыва по Югорскому одномандатному округу № 2 Аксёнова Дмитрия Александровича // Первая Советская. № 35 (7210). 28 августа 2024. С. 5; Югорский Вестник. № 34 (2272). 29 августа 2024. С. 3.

Редькин С. Знакомьтесь – «Батя» // Первая Советская. № 21 (7196). 22 мая 2024. С. 4–5.

Служу России! Служу Югре! // Дмитрий Аксёнов. Кандидат в депутаты Думы Югры: агитационный печатный материал. 15 августа 2024. 4 с.

ТАСС. 09 сентября 2024. 12:26. URL: <https://tass.ru/politika/21812199> (дата обращения: 15.03. 2025).

Шкляр В. Комбат именного батальона подал документы на регистрацию кандидатом в думу Югры // UGRA-NEWS.RU. 10 июля 2024. URL: https://ugra-news.ru/article/kombat_imennogo_batalona_podal_dokumenty_na_registratsiyu_kandidatom_v_dumu_yugry/?ysclid=mopdch1pab766936511 (дата обращения: 20.03. 2025).

Югорский комбат Батя вошел в новый состав генсовета «Единой России» // ФЕДЕРАЛ ПРЕСС. 16 декабря 2024. URL: <https://federalpress.ru/news/86/policy/3353787> (дата обращения: 20.03. 2025).

Яненагорский О. Беседы с комбатом на советской земле // Первая Советская. 14 августа 2024а. С. 5.

Яненагорский О. Беседы с комбатом на югорской земле // Югорский Вестник. 15 августа 2024б. С. 3.

Список литературы

Агеев Р. Е., Мешков П. Я. Выборы: управление избирательной кампанией. СПб.: Питер, 2022. 495 с.

Аксёнов А. А. Реклама в политике: учеб. пособие. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2013. 113 с.

Балашова А. Н. Электоральная коммуникация в СМИ // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 3. С. 26–38.

Беда В. Н. Специфика избирательных технологий в России в конце XX века (1993–2000 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 6. С. 19–22.

Грошев И. В. Особенности влияния электоральных свойств кандидатов на голосовательное поведение избирателей // Вестник ГУУ. 2019. № 3. С. 76–84.

Джабасов А. А. Политические технологии в региональных избирательных кампаниях: На примере Свердловской области: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000. 28 с.

Дроздецкая О. А. Региональная пресса как инструмент электорального процесса (На примере выборов в г. Краснодаре 1998–2004 гг.): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Краснодар, 2004. 24 с.

Игнатов А. С. Электоральная машина действующего депутата: пособие по эффективной депутатской деятельности. [б. м.]: Издательские решения, 2020. 178 с.

Исхаков Р. Л., Карамов Н. С. Медиа как административный ресурс в избирательном процессе (на примере Свердловской области) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 1. С. 127–142. doi 10.15826/izv1.2023.29.1.012

Коркмазов Р. Р. Роль региональных средств массовой информации в формировании политического имиджа акторов электорального процесса: на примере Карачаево-Черкесской Республики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. 22 с.

Кучанов И. С. Региональные выборы в России: На материалах Псковской области. 1996–2004 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 31 с.

Кучин А. С. Избирательная кампания кандидата, избирательного объединения (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 205 с.

Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006. 680 с.

Мирошниченко А. А. Выборы от замысла до победы (Предвыборная кампания в российском регионе). М.: Центр, 2003. 304 с.

Невская Т. А. Формирование имиджа кандидата в выборные органы власти: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 21 с.

Паликова А. М. Роль СМИ в формировании электорального выбора российских избирателей // Государственное управление: электронный вестник / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2011. № 27. С. 1–10.

Пашков О. В. Роль средств массовой информации в формировании избирательных информационных правоотношений // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. № 6. С. 130–133.

Сахнова Б. Е. Жанр интервью и его модификации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 98–103. doi 10.18500/1817-7115-2013-13-4-98-103

Стулова Е. Четыре всадника информационного апокалипсиса. Краткое пособие по управлению репутацией политика в условиях новой информационной реальности / под ред. Е. Сучкова. Екатеринбург: Лазурь, 2020. 112 с.

Тюрин Б. А. Избирательные кампании 1993–1995 гг. в Федеральное Собрание Российской Федерации (по материалам Ярославской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006. 26 с.

Шапкина Е. В. Опыт избирательного процесса и избирательной кампании в регионе // Вестник КемГУ. 2015. Т. 2, № 4 (64). С. 146–151.

Чешенова Т. В. Электоральные процессы в Российской Федерации: сравнительный анализ: на материалах Краснодарского края, Астраханской и Волгоградской областей: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012. 25 с.

Referenses

Ageev R. E., Meshkov P. Ya. *Elections: Election Campaign Management*. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 495 p. (In Russ.)

Aksenov A. A. *Advertising in Politics*. Komsomolsk-on-Amur, Komsomolsk-on-Amur State University Press, 2013. 113 p. (In Russ.)

- Balashova A. N. Electoral communication in mass media. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2007, issue 3, pp. 26–38. (In Russ.)
- Beda V. N. The specifics of electoral technologies in Russia at the end of the 20th century (1993–2000). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*, 2010, issue 6, pp. 19–22. (In Russ.)
- Groshev I. V. Peculiarities of the influence of the electoral properties of candidates on the voting behavior of voters. *Vestnik GUU*, 2019, issue 3, pp. 76–84. (In Russ.)
- Dzhabasov A. A. *Political technologies in regional election campaigns: the case of the Sverdlovsk Region*. Abstract of Cand. polit. sci. diss. Moscow, 2000. 28 p. (In Russ.)
- Drozetskaya O. A. *The regional press as an instrument of the electoral process (the case of elections in Krasnodar in 1998-2004)*. Abstract of Dr. polit. sci. diss. Krasnodar, 2004. 24 p. (In Russ.)
- Ignatov A. S. *The Electoral Machine of the Sitting Deputy: A Guide to Effective Parliamentary Activity*. [n.p.], Izdatel'skie resheniya Publ., 2020. 178 p. (In Russ.)
- Iskhakov R. L., Karamov N. S. Media as an administrative resource in the electoral process (following the example of the Sverdlovsk region). *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, 2023, vol. 29, issue 1, pp. 127–142. doi 10.15826/izv1.2023.29.1.012 (In Russ.)
- Korkmazov R. R. *The role of regional mass media in shaping the political image of the electoral process actors: the case of the Karachay-Cherkess Republic*. Abstract of Cand. polit. sci. diss. Stavropol, 2006. 22 p. (In Russ.)
- Kuchanov I. S. *Regional elections in Russia: based on the materials from the Pskov region. 1996–2004*. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Moscow, 2005. 31 p. (In Russ.)
- Kuchin A. S. *Election campaign of a candidate, an electoral association (constitutional and legal research)*. Cand. jurid. sci. diss. Tomsk, 2006. 205 p. (In Russ.)
- Malkin E., Suchkov E. *Political Technologies*. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2006. 680 p. (In Russ.)
- Miroshnichenko A. A. *Elections from conception to victory (Election campaign in the Russian region)*. Moscow, Tsentr Publ., 2003. 304 p. (In Russ.)
- Nevskaya T. A. *Shaping the image of a candidate for elected bodies*. Abstract of Cand. polit. sci. diss. Moscow, 2008. 21 p. (In Russ.)
- Palikova A. M. The role of mass media in the formation of the electoral choice of Russian voters. *Public Administration. E-Journal (Russia)*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2011, issue 27, pp. 1–10. (In Russ.)
- Pashkov O. V. The role of mass media in the formation of electoral information relations. *Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*, 2015, issue 6, pp. 130–133. (In Russ.)
- Sakhnova B. E. Genre of interview and its modifications. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2013, vol. 13, issue 4, pp. 98–103. doi 10.18500/1817-7115-2013-13-4-98-103 (In Russ.)
- Stulova E. *The Four Horsemen of the Information Apocalypse. A Short Guide to Managing a Politician's Reputation in the Context of a New Information Reality*. Ed. by E. Suchkov. Yekaterinburg, Lazur' Publ., 2020. 112 p. (In Russ.)
- Tyurin B. A. *Election campaigns to the Federal Assembly of the Russian Federation in 1993–1995 (based on the materials from the Yaroslavl Region)*. Abstract of Cand. hist. sci. diss. Yaroslavl, 2006. 26 p. (In Russ.)
- Shapkina E. V. The experience of the electoral process and the election campaign in the region. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, vol. 2, issue 4 (64), pp. 146–151. (In Russ.)
- Cheshenova T. V. *Electoral processes in the Russian Federation: A comparative analysis based on the materials of the Krasnodar Territory, Astrakhan and Volgograd Regions*. Abstract of Cand. polit. sci. diss. Krasnodar, 2012. 25 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Дмитриев Владимир Александрович
аспирант кафедры периодической печати
и сетевых изданий
Уральский федеральный университет имени
первого Президента Российской Федерации
Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
plaza_pr@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0127-1835>

*Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена
после рецензирования 03.12.2025; принята к публика-
ции 13.02.2026*

Information about the author

Vladimir A. Dmitriev
Postgraduate Student at the Department of Journalism
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
50, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russia
plaza_pr@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0127-1835>
*Submitted 01 Sep 2025; revised 03 Dec 2025; accepted
13 Feb 2026*

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 г. журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 г. – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 г. – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись статьи объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с требованиями, файл рукописи без авторских данных, паспорт статьи должны поступить по электронному адресу **langlit2009@mail.ru** (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

**Вестник Пермского университета.
Российская и зарубежная филология**

Том 18. Выпуск 2 / 2026

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 29.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 17,09. Тираж 500 экз. Заказ 79

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/8963075/>

Распространяется бесплатно и по подписке